

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

**НАШИ В
КЕМБРИДЖЕ**
OUR PEOPLE
IN CAMBRIDGE

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ VS.
ЕВРАЗИЯ: КТО КОГО?
GLOBALIZATION VS.
EURASIA:
WHO WILL WIN?

СТР. 60

**САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ –
СТОЛИЦА
ЦИФРОВОЙ
РОССИИ**
SAINT
PETERSBURG,
CAPITAL OF
DIGITAL RUSSIA

ИНТЕРВЬЮ-
БЛОКБАСТЕР
BLOCKBUSTER
INTERVIEW

СТР. 24

**ТЕ, КТО
СМОТРИТ В
2035**

ГОД
THOSE WHO LOOK
INTO 2035

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВЫ АТР

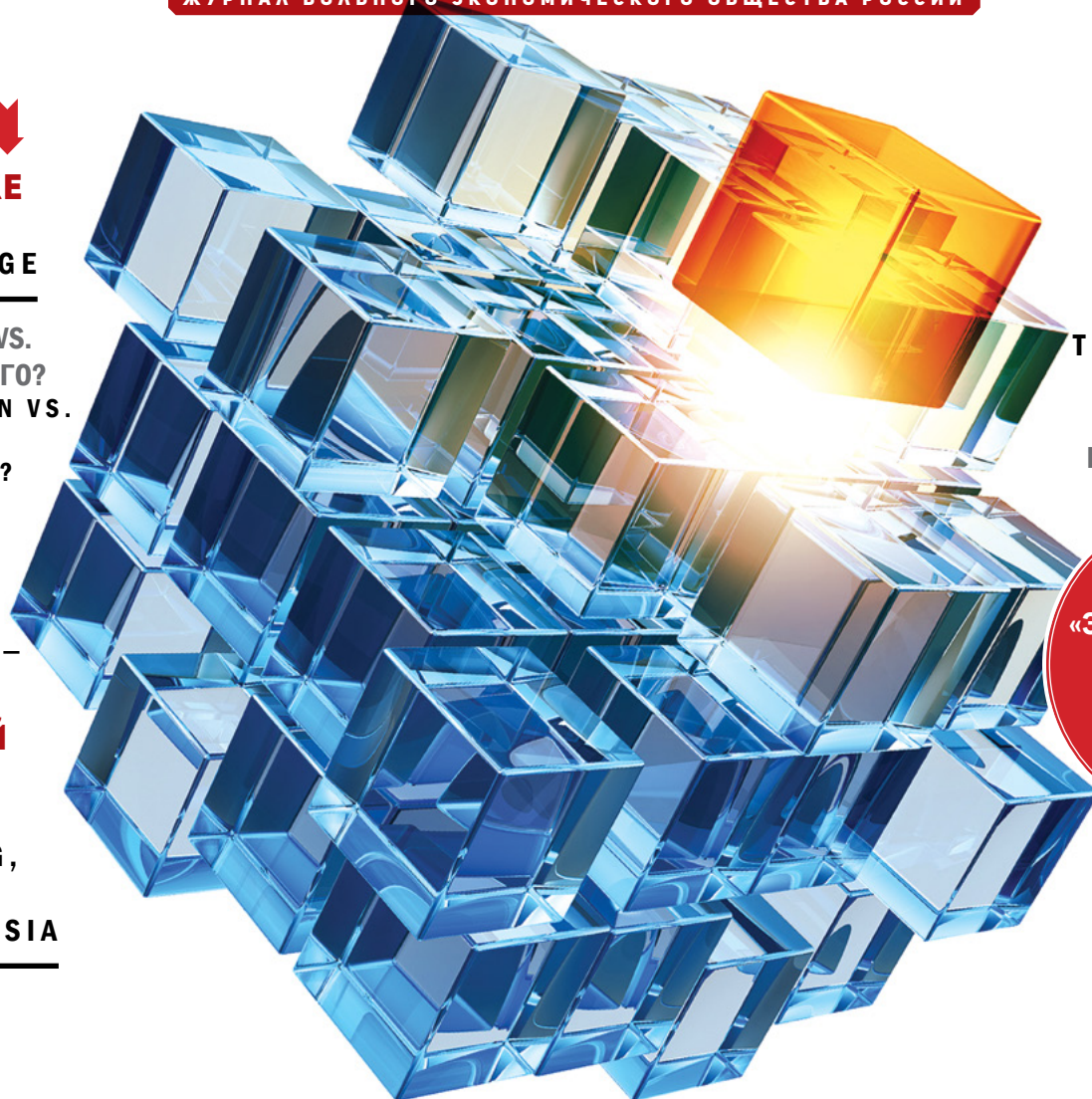
СТР. 40

**ПРЕМИЯ
«ЭКОНОМИСТ ГОДА –
2017»**
Выдвижение
в самом разгаре
СТР. 10

**FRONT MAN НОМЕРА
ПРОФЕССОР
КЕМБРИДЖА
ДЭВИД ЛЭЙН**
THIS ISSUE'S
FRONT MAN

CAMBRIDGE PROFESSOR
DAVID LANE

СТР. 39

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

RUSSIAN DIGITALIZATION

ОНИ УЖЕ И НАС ПОСЧИТАЛИ! СТР. 16

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Уважаемые читатели!

Пока журнал был на каникулах, в нашей экономической политике произошли если не революционные, то, без преувеличения, кардинальные изменения. На первый план наконец вышло то, на что мы в Вольном экономическом обществе обращали внимание не один год и что, после мощной прошлогодней «подсказки» давосских прорицателей, стало уже невозможно игнорировать правительственным проектировщикам экономических моделей при рассмотрении любых планов экономического развития, — цифровая экономика. Именно о ней президент заявил как о приоритетном направлении, которое поможет преодолеть наше технологическое отставание — да и экономическое в целом тоже. И вот уже в одно мгновение аналитики и практики, губернаторы и мэры заговорили не просто о возникшей неожиданно, как из шляпы фокусника, новой задаче, но уже кое-где — и... об успехах в решении оной! В связи с «цифровизацией» многие сразу вспомнили и обыграли «электрификацию всей страны», «коллективизацию», «модернизацию экономики» и многие другие «...зации», иные — с позитивным эффектом, а чаще — превращавшиеся в шумные кампании с плавным схождением в небытие после возникновении кампании следующей.

Шутки шутками, но на самом деле вот что важно — во всех проектах программ развития, представленных президенту, в том числе конкурирующих — Алексея Кудрина и Бориса Титова, — проблема преодоления технологического отставания занимает приоритетные места. И, заметим, эта задача в рамках перспективного технологического

уклада мировой экономики как раз лежит в плоскости перевода на «цифру» всей технологической инфраструктуры, составляющей основу новой индустриальной экономики грядущего. Так что как минимум одна важная составляющая экспертных разработок ВЭО (мы обсуждали проблему цифровизации экономических процессов и управленческих процедур в рамках ЕврАзЭС на одной из научных конференций ВЭО в прошлом году, направляли рекомендации заинтересованным органам госуправления и аналитическим центрам) в этих проектах учтена.

Мир в течение ближайшего десятилетия перейдет к новому технологическому укладу, и его важнейшая особенность — непрерывное изменение технологии станет неотъемлемой частью производственного процесса. Отсюда — новые требования к интеграции производства, науки и образования. Впереди — другая экономика и другая жизнь, новые задачи и новые возможности. Причем во всех сферах. Происходят колоссальные, фундаментальные сдвиги в технологиях, материалах, способах их обработки, методах организации производства и управления. Простой пример — планшет, на котором я сейчас пишу это письмо редактору, заменяет и компьютер, и базу данных, и почтовое отделение, и телевизор, и часы, и магазин. За этим — огромное количество сокращенных рабочих мест в самых разных отраслях, экономленной руды, металла, энергии. В масштабах любой страны — это гигантский вычет из ВВП. При этом теперь подготовить такой текст, найти самостоятельно необходимую

для этого информацию, направить его адресату и т.п. может каждый, не вставая с места, и в десятки раз быстрее, проще и качественнее, чем пару десятилетий назад. И так — во всех элементах жизни людей.

То есть ВВП из-за этого планшета, заменившего кучу устройств и производств, — упал, а качество удовлетворения с его помощью необходимых потребностей, качество жизни, протекающее из его использования, — выросло. Так стоит ли продолжать относиться как к фетишу к количественным характеристикам — к примеру, росту или спаду ВВП? Есть ли смысл вечно гнаться за процентами, или надо оценивать другие параметры — возможность получить необходимые знания, медикаменты, сохранить здоровье и так далее? То есть — качество экономики. Качество экономического развития. Качество удовлетворения человеческих потребностей, каждого индивида и общества в целом. Качество жизни. И можно ли эту «гармонию» социально-экономической сферы «поверить» только лишь сухими показателями традиционно применяемых количественных экономических параметров? Или важнее — понимать и оценивать качественную сторону изменений состояния экономики и общества?

Мне представляется, что вопросы эти все больше переходят в категорию риторических. И пример с планшетом, этим концентрированным технологическим выражением прихода нового технологического уклада и, если угодно, новой — «цифровой»! — экономики, приведен мною не случайно.

Происходящий в рамках начавшейся очередной технологической революции переход к новому технологическому укладу изменит качественную сторону экономики.

И большой шаг вперед — в том, что на самом «верхнем» уровне это уже признано и теперь с этим уже никто не спорит. И всем уже понятно, что надо скорее наверстывать то, что было упущено. Выбрать приоритеты. Найти источники финансирования. Заняться переустройством институтов, системы образования и т.п. И шансы у нас, несмотря на наличную ситуацию, пока есть. Мы еще можем успеть заскочить в набирающий ход поезд новой экономики.

Многие предприниматели вкладываются в те сектора, где через 10–15 лет можно ожидать очень серьезных прорывов. На мой взгляд, при участии РАН государству надо четко выделить эти сектора в качестве приоритетов, поддержать работу частных инвесторов именно там, ведь они станут базой новой экономики.

И выбор цифровой экономики — хорошее начало.

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

DIGITALIZATION AND THE NEW ECONOMY

Dear readers!

While the magazine was on vacation, certain changes, if not revolutionary, then, without exaggeration, cardinal, have taken place in our economic policy. Finally, the limelight focused on what we at the Free Economic Society had been drawing attention to for many years and what had become impossible for the government designers of economic models to ignore when considering plans for economic development after the last year's strong «indication» given by the Davos visionaries — digital economy. It was the president who called it a priority that will help overcome our technological — and overall economic — weakness. And then, in an instant, analysts and practitioners, governors and mayors started talking not just about the new task, which emerged unexpectedly as if from the magician's hat, but also... about their success in accomplishing that task! In connection with “digitalization” many people immediately recalled and made references to the “electrification of the entire country”, “collectivization”, “modernization of the economy” and many other “... ations”, some with a positive effect, but mostly denoting noisy campaigns which had gradually sunk into oblivion once the new campaigns surfaced.

Jokes are jokes, but in fact, the important thing is that all the drafts of development programs submitted to the president, including the competing ones prepared by Alexei Kudrin and Boris Titov, named the problem of overcoming the technological gap as a priority. And, notably, within the framework of the promising technological structure of the world economy, this task can be accomplished exactly by way of “digitizing” the entire

technological infrastructure that forms the basis of the new industrial economy of the future. So, the drafts included at least one important aspect of the FES expert reports (we discussed the problem of digitalization of economic processes and management procedures within the Eurasian Economic Union at one of the FES scientific conferences last year and sent recommendations to concerned government bodies and think tanks).

The world will move on to the new technological order within the next decade, and its most important feature — constant technological change — will become an integral part of the production process. Hence the new requirements for the integration of production, science and education. Ahead lie a different economy and a different life, new tasks and new opportunities, in every sphere. There are colossal, fundamental shifts in technologies, materials, processing methods, methods of organizing production and management. A simple example: the tablet, on which I am now writing this editor's letter, replaces the computer, the database, the post office, the TV set, the clock, and the store... Behind this is a huge amount of job cuts in a number of industries, large quantities of ore, metal, energy savings. In terms of a country, it is a huge deduction from the GDP. At the same time, anyone can now prepare such a text, find the necessary information, and send it to the addressee without so much as getting up from the table and dozens of times faster, easier and better than a couple of decades ago. And this is true for all aspects of people's lives.

That is, the GDP has declined due to this tablet, which replaces a bunch of devices and productions, while the quality of meeting people's needs and the quality of life have grown as a result of its use. So should we continue to treat quantitative characteristics — for example, growth or decline in the GDP — as a fetish? Does it make sense to always pursue the percentage, or should we evaluate different parameters: the ability to get the necessary knowledge, medicines, healthcare, etc.? That is, the quality of the economy. The quality of economic development. The quality of meeting people's needs, those of every individual and of the society as a whole. The quality of life. And can this «harmony» of the social and economic sphere be «verified» by “dry figures” of the economic parameters which are traditionally used? Or is it more important to understand and evaluate the qualitative side of economic and social change?

It seems to me that these questions are becoming increasingly rhetorical. And it was not by chance that I used the tablet example, a concentrated technological expression of the arrival of the new technological order and, if you will, the new — «digitized»! — economy.

The transition to the new technological order within the framework of the next technological revolution will change the qualitative aspect of the economy.

And the fact that it has already been recognized “on high» and become indisputable is a big step forward. And it is already clear

to everyone that it is necessary to make up for that which was missed. To choose priorities. To find sources of funding. To take up the reorganization of institutions, the education system, etc. And our chances to accomplish this, despite the current situation, are still there. We still have time to jump on board the train of the new economy that is gaining momentum.

Many businessmen have been investing in the sectors in which serious breakthroughs can be expected in 10-15 years. In my opinion, with the participation of the Russian Academy of Sciences the state should clearly prioritize these sectors and support the private investors who have invested in them because they will form the basis of the new economy.

And the choice of digital economy is a good start.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор
Института нового индустриального
развития им. С.Ю. Витте, первый
вице-президент Союза промышленников
и предпринимателей Санкт-Петербурга,
д. э. н., профессор.

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев
Арт-директор Егор Морозов
Корректор Наталья Медведевко

Над номером работали

Георгий Арутюнянц,
Сергей Дробыш, Игорь Зотов,
Константин Маркелов, Тарас Фомченков,
Марина Ремова, Андрей Травин,
Евгения Носкова

Издатель

Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»
Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а
Редакционный директор
Маргарита Ратникова
Директор по развитию
Анна Бобина
Телефон: +7 (495) 609-07-60
Электронная почта: INFO@VEORUS.RU
№03 (сентябрь — ноябрь 2017)

Подписано в печать 23.08.2017

Выход в свет 28.08.2017

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт»,
Москва, ул. Щипок, 28
16+

Редакционный совет

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик РАН

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

В.И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор

А.А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской
газеты», заслуженный работник культуры РФ

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской школы экономики МГУ
им. М.В. Ломоносова, академик РАН

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель
Научно-практического совета ВЭО России,
научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН

М.А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
РФ», академик Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель ЗАО «Издательский дом
«Экономическая газета»», заслуженный деятель
науки РФ, д. э. н., профессор

А.Н. КЛЕПАЧ

Член правления ВЭО России, заместитель
председателя правления Внешэкономбанка,
заведующий кафедрой макроэкономической
политики и стратегического управления
экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, заслуженный
экономист РФ

11 НОЯБРЯ 2017 ГОДА

В ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СОСТОИТСЯ

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПРАЗДНИКУ —

ДНЮ ЭКОНОМИСТА.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФС РФ.

ОРГАНИЗАТОР: ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

10-14 «МИР ВОЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»:

СОБЫТИЕ ГОДА В
ЭКОНОМИЧЕСКОМ
СООБЩЕСТВЕ

СТАНДАРТИЗАЦИЯ
БЛОКЧЕЙНА

КАРТОГРАФИЯ ЦИФРОВЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАКСИМУМ
БИТКОИНА

6 ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ ЧТО БУДЕТ СДЕЛАНО

 DIGITALIZATION OF
THE ENTIRE COUNTRY

24 СТОЛИЦА ЦИФРОВИЗАЦИИ

 DIGITALIZATION
CAPITAL

PROF. BODRUNOV INTERVIEWED

32 ЦИФРОВАЯ
БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ
AVTOP: ГЛАВА КОЛЛЕГИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕ-
СКОЙ КОМИССИИ ТИГРАН САРКИСЯН

 NON-ALTERNATIVE
DIGITAL FUTURE
BY TIGRAN SARGSYAN, THE CHAIRMAN OF THE BOARD OF
THE EURASIAN ECONOMIC COMMISSION

40 ВЗГЛЯД В 2035 ГОД
КТО МЕНЯЕТ СТРУКТУРУ ЭКОНОМИКИ РФ

 A LOOK INTO
THE YEAR 2035
WHO CHANGES THE STRUCTURE
OF THE RUSSIAN ECONOMY

46 FRONT MAN
ПРОФЕССОР ДЭВИД ЛЭЙН
ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ЭГОИЗМ В ЭКОНОМИКЕ

 CAMBRIDGE
PROFESSOR DAVID LANE
POST-GLOBALIZATION AND THE FUTURE
OF THE ECONOMIC NATIONALISM

60 КЕМБРИДЖСКИЙ
ДЕСАНТ
64 ИНЬ И ЯН
ГЛОБАЛИЗАЦИИ
ПРОФЕССОР КЕМБРИДЖА ПИТЕР НОЛАН

YING AND YANG
OF THE GLOBALIZATION
BY CAMBRIDGE PROFESSOR PETER NOLAN

78 НАША ОТРАСЛЬ:
ЗОЛОТЫЕ СЛИТКИ
РЕПОРТАЖ С КАСИМОВСКОГО ЗАВОДА

84 НЕ В ПРОЦЕНТАХ
СЧАСТЬЕ
ЦИФРА РОСТА ВВП НЕ СДЕЛАЕТ ЭКОНОМИКУ СИЛЬНЕЕ
АВТОРЫ: МИХАИЛ ЭСКИНДАРОВ, ДМИТРИЙ СОРОКИН

PERCENTAGE WILL NOT
MAKE YOU HAPPY
GDP GROWTH RATE AS SUCH
WILL NOT MAKE ECONOMY STRONGER
BY DR. MIKHAIL ESKINDAROV, DR. DMITRY SOROKIN

94 ИНСТИТУТЫ
ДОГОНЯЮЩЕГО
РАЗВИТИЯ И
ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА
КАК ДВИГАТЬ ЭКОНОМИКУ, ЕСЛИ НЕТ ДОВЕРИЯ?
АВТОР: АКАДЕМИК ВИКТОР ПОЛТЕРОВИЧ

INSTITUTIONS
OF CATCHING-UP
DEVELOPMENT AND
CIVIL CULTURE
BY ACADEMICIAN VIKTOR POLTEROVICH

ЭКСПЕРТЫ НОМЕРА:

ПИТЕР НОЛАН,
Кембриджский
университет

ДЭВИД ЛЭЙН,
Кембриджский
университет

ТИГРАН САРКИСЯН,
Евразийская
экономическая комиссия

МИХАИЛ
ЭСКИНДАРОВ,
ДМИТРИЙ
СОРОКИН,
Финансовый
университет при
Правительстве РФ

МАКСИМ
ШЕРЕЙКИН,
Агентство по
технологическому
развитию

ПЕТЕР ХАВЛИК,
Венский институт меж-
дународных экономиче-
ских исследований

РУСЛАН ГРИНБЕРГ,
Институт
экономики РАН

АЛЕКСАНДР
ПЕТРИКОВ,
Всероссийский институт
аграрных проблем и
информатики

СОБЫТИЕ ГОДА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года» — главная награда для российского экономического сообщества, которая приурочена к профессиональному празднику — Дню экономиста, учрежденному на основе распоряжения Правительства России. Наряду с престижными профессиональными наградами России, такими как «Юрист года», «Учитель года», премия является признанием профессиональных заслуг перед обществом и государством.

Премия входит в комплекс мероприятий Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику — Дню экономиста, которое проводится ВЭО России при содействии Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Всероссийское экономическое собрание состоится 11 ноября 2017 года в Государственном Кремлевском дворце.

Директор, вице-президент ВЭО России Маргарита Ратникова:

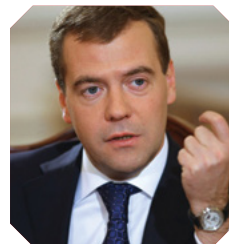
«Оргкомитет принимает заявки на участие в соискании премии “Экономист года” от различных ведомств, научных учреждений, вузов, общественных организаций, предприятий и иных групп, научных, практических или экспертных, которые считают, что их кандидат может и

должен стать «Экономистом года» или по крайней мере достоин участия в отборе. В этом году рассмотрение заявок — до 10 октября. Наша премия — полностью некоммерческая, ее участники ничего не платят, финансирование — целиком за счет организатора — ВЭО России. При этом определением номинантов занимаются независимые оргкомитет и жюри премии.»

В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ УЧТУТ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В правительстве создадут подкомиссию по реализации программы цифровой экономики, которая будет координировать взаимодействие Минкомсвязи, Минэкономразвития и других ведомств, бизнеса и науки. В подкомиссию войдут также представители аппарата правительства, администрации президента, Агентства стратегических инициатив и аналитического центра при правительстве.

Для управления программой будет создана специализированная автономная некоммерческая организация. В нее войдут крупнейшие российские корпорации — «Ростех», «Росатом», «Ростелеком», Сбербанк, «Яндекс», Mail.ru Group. Предполагается, что эта организация будет проводить мониторинг программы цифровой экономики, оценивать эффективность ее реализации, формировать запросы от бизнеса.

Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев призвал учитывать зарубежный опыт при реализации программы цифровой экономики и сотрудничать с зарубежными компаниями. В частности, создавать совместные проекты, приглашать иностранных специалистов на работу в Россию и возвращать российских, уехавших работать за рубеж.

Глава правительства подчеркнул, что предстоит скорректировать образовательные программы, по которым будут готовить тех, кто способен работать в быстро меняющемся мире.

В РОССИИ СОЗДАДУТ КАРТУ ЦИФРОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Минпромторг и Минкомсвязь работают над созданием карты цифровых предприятий России. Об этом на круглом столе экономического факультета МГУ «Менеджмент в цифровой промышленности» рассказал заместитель министра связи и массовых коммуникаций Сергей Калугин. По его словам, карта поможет понять, сколько в России современных предприятий, чем они занимаются, где расположены.

Калугин подчеркнул, что повышение эффективности бизнес-процессов и производительности труда — важнейшая задача промышленности. А многие российские компании сегодня отстают от зарубежных по этим показателям в 10–15 раз. Это, в частности, большинство классических старых заводов. Но есть и современные компании — представители цифровой промышленности, которые уже сейчас производят товар, способный конкурировать на равных с крупными предприятиями.

Промышленное производство в России сосредоточено в основном в крупных компаниях, в них и надо в первую очередь внедрять новые цифровые платформы. Но «старую» промышленность забывать тоже нельзя, подчеркнул декан экономического факультета МГУ Александр Аузан.

Жизнеспособность разных отраслей должен показать рейтинг цифровой трансформации, добавил он. Первые результаты этого рейтинга должны появиться к концу 2018 года.

Пока объем цифровой экономики составляет всего 2% от ВВП России.

В РОССИИ НАЧИНАЮТ СТАНДАРТИЗИРОВАТЬ МЕХАНИЗМЫ БЛОКЧЕЙНА

Росстандарт формирует новый технический комитет по стандартизации технологий распределенного реестра и блокчейн. В сообщении ведомства отмечается, что изначально эти технологии сопровождали проведение операций с криптовалютами. Однако сегодня они находят и другие области применения, а также «достаточно активно» распространяются в России.

В 2016 году создание технического комитета по стандартизации блокчейна одобрило Техническое управляющее бюро Международной организации стандартизации (ИСО). В состав комитета вошли 35 государств, а возглавила его Австралия. В марте этого года страна опубликовала первую в мире «дорожную карту» по разработке стандартов блокчейна.

В Росстандарте отмечают, что стандартизация блокчейна должна вывести развитие этих технологий на новый уровень. В частности, за счет расширения областей применения этой технологии и росту доверия к операциям с ее использованием. Новый комитет будет заниматься стандартизацией требований к программно-аппаратным средствам и программному обеспечению технологий распределенного реестра, а также к их безопасности и конфиденциальности. Также комитет будет представлять интересы России в международном комитете ИСО.

Глава Сбербанка Герман Греф отмечал, что к блокчейну можно относиться как угодно, но это одна из прорывных технологий, которая изменит все. Так же, как искусственный интеллект, робототехника и квантовые компьютеры. «В эти

вещи надо серьезно вкладываться: мы стоим на пороге, и стране отстать в этом будет очень больно, потому что технологическая разница будет порядковая», — уверен Греф. Однако, по его словам, к массовому промышленному применению блокчейн пока не готов — нужно полтора года на устранение ряда проблем.

КУРС БИТКОИНА В АВГУСТЕ ОБНОВИЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАКСИМУМ

13 августа курс биткоина обновил исторический максимум, подорожав за сутки почти на 11%, до 4020,22 доллара за единицу. Капитализация криптовалюты превысила 66,4 млрд долларов, по данным торговой площадки Coinmarketcap.com. На втором месте — криптовалюта Ethereum (капитализация превышает 28 млрд долларов, 299 доллара за единицу), на третьем — криптовалюта Ripple (капитализация превышает 6 млрд долларов, стоимость — 0,17 доллара за единицу).

В России ведется работа над законом о криптовалютах и привлечении средств через ICO (Initial coin offering), однако принять его не так легко, рассказала на круглом столе руководитель рабочей группы по вопросам криптовалют в Госдуме Элина Сидоренко. Одна из проблем, по ее словам, в том, что пока нет юридических определений, что такое «смарт-контракт», что такое «токен». Отстоять свои права в суде инвестор в криптовалюты не может, то есть его права не защищены. Причем не только в России, но и в мире в целом.

Пока, по словам Сидоренко, предполагается, что в российском праве криптовалюта будет квалифицироваться как имущество, а не средство платежа. То есть регулироваться операции с ней будут вещным правом. Однако вопросов о криптовалютах пока больше, чем ответов, и, что будет прописано в законопроекте, неизвестно.

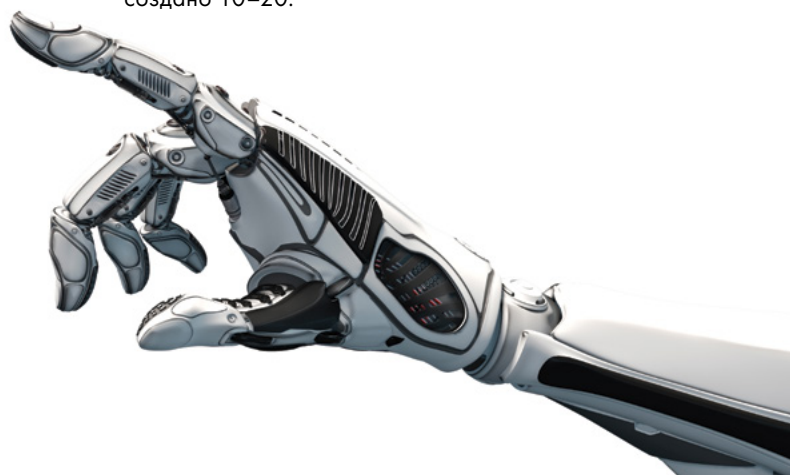
МТС наняла на работу РОБОТА- КАДРОВИКА

Нанимать сотрудников в компании МТС теперь будет умный робот по имени Вера. Кадровик сможет отслеживать публикуемые в интернете свежие резюме и связываться с кандидатами. Как отмечают в телекоммуникационной компании, главное преимущество робота — скорость. Резюме Вера обрабатывает в среднем вдвое быстрее живого кадровика. А именно от оперативности зависит успех найма, подчеркивают в МТС. Чтобы успеть перехватить кандидата у конкурентов, резюме нужно увидеть в первые часы после публикации.

Найдя подходящего кандидата, Вера звонит ему и вступает в диалог. Среди ее задач — рассказать о нюансах работы и убедиться, что человек хочет работать в МТС. То есть робот может не только «читать по бумажке», но и понимать, что ей отвечают. В МТС считают, что Вера сможет нанимать до 200 человек в месяц на массовые вакансии.

Именно количеством «многофункциональных роботов на 10 тысяч населения» предлагает мерить отставание страны в технологиях глава Центра стратегических разработок Алексей Кудрин. В стратегии экономического развития он назвал технологическое отставание России от развитых стран угрозой номер один. Сейчас в России всего два робота на каждые 10 тысяч человек, в Южной Корее — 446, в Китае — 36, в США — 136. Технологическое отставание Кудрин предлагает преодолевать с помощью «российской технологической революции». Одним из ее элементов должны стать формирование крупных инвестиционно-технологических партнерств и их поддержка с помощью специальных инвестиционных контрактов и субсидий. Таких консорциумов должно быть создано 10–20.

ПАМЯТНАЯ ДАТА: 31 ОКТЯБРЯ 1517

Пятьсот лет назад, 31 октября 1517 года, в немецком городе Виттенберге священник и профессор теологии Мартин Лютер прибил к воротам Замковой церкви лист с текстом из 95 тезисов. Лютер и предполагать не мог, что стук его молотка провозгласит одно из важнейших событий мировой истории. Для молодого священника (ему 34 года) в этом событии не было чего-то экстраординарного. Каждый профессор Виттенбергского университета имел право объявить тему диспута и обнародовать тезисы, правда, их текст должен был утвердить декан. В случае с Лютером этого не произошло, слишком вызывающей была основная идея тезисов: ни священник, ни сам папа не имеет права прощать грехи верующих, тем более за деньги в виде продажи индульгенций.

Лютер мог бы так и остаться в истории церкви одним из сотен ересиархов, но он оказался в нужном месте в нужное время. Немецкие курфюрсты и так обладали огромным объемом суверенитета от императора, формального правителя Германии, но им все мало. Папа активно играет на стороне императора в политике влияния на князей. Да и монастырские земли являются лакомым куском для феодалов, и церковная десятина лучше бы, по их мнению, шла в княжескую казну.

А вот взгляд с другой стороны. Все большую силу приобретают города и их обитатели: торговцы, ремесленники, банкиры. Им католическая церковь не оставляет шансов на спасение, ибо легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие небесное. Через 15 лет Жан Кальвин сформулировал основы этики, так необходимой новому сословию: человек не может повлиять на решение Бога относительно своей судьбы, но может увидеть при жизни подтверждение Господнего милосердия по отношению к своей персоне.

В 1905 году Макс Вебер, основатель социологии, выпустил одну из самых знаменитых книг в современной политической истории — «Протестантская этика и дух капитализма». Вот как он связал эти понятия: «В земной жизни человеку, для того чтобы увериться в своем спасении, должно было делать дела посланного его, доколе есть день. Не бездельствие и наслаждение, а лишь деятельность служит приумножению славы Господней согласно недвусмысленно выраженной воле его. Следовательно, главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени».

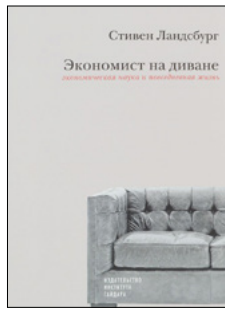

Вебер подсчитал процент протестантов среди капиталистов и предпринимателей и доказал по всем видам деятельности, что процент этот намного больше, чем у представителей других религий. На вопрос, чем это объяснить, ученый дал такой ответ. Во-первых, протестантизм ликвидировал большинство видов деятельности, связанных с церковью. И единственной формой служения Богу стало добросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей на рабочем месте.

Во-вторых, именно предпринимательская деятельность, трактуемая как религиозный долг, давала удовлетворение религиозному чувству, поскольку протестант видел в богатстве доказательство Божьего благословения. Католики, по Веберу, создавали искусство, а протестанты — новые отрасли промышленности.

Конечно, при всем уважении к Веберу, в этом утверждении есть некоторая натяжка. Все-таки капитализм родился не в кальвиновской Женеве XVI века, а парой веков раньше, и роды новой экономической формации принимали католики — торговцы и банкиры Тосканы, Ломбардии и Фландрии. Но связь между развитием капитализма и протестантской этикой на современном Веберу материале была им убедительно доказана: странами-лидерами промышленной революции на стыке XIX и XX веков стали протестантские США и Германия, а католические Италия и Испания оказались на обочине прогресса.

В 1905 ГОДУ МАКС ВЕБЕР ВЫПУСТИЛ КНИГУ «ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА», ГДЕ СВЯЗАЛ ПРОТЕСТАНТИЗМ С ПРОГРЕССОМ

**СТИВЕН ЛАНДСБУРГ.
ЭКОНОМИСТ НА ДИВАНЕ.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА
И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ.**

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2016. — 408 С.

Какие экономические головоломки могут прийти в голову человеку, лежащему на диване? Какие угодно! Вот например: смотрите вы рекламу по телевизору и видите, как ведущая популярного шоу пронесится по мебельному магазину, скупая все на своем пути. Казалось бы, как это может работать? Ведь совершенно очевидно, что шоуумен получила шестизначный гонорар за съемки в ролике, а мебель она может покупать совсем в другом месте. Но реклама работает! Неужели поведение потребителя неразумно? Профессор Рочестерского университета Стивен Ландсбург считает, что очень даже разумно, хотя зритель рекламы это сам и не осознает. Только те компании, которые собираются работать на рынке долго и добросовестно нести ответственность перед покупателями за свой товар, тратятся на дорогую рекламу и маркетинг, а те, кто, продав партию дрянного товара, намерены покинуть рынок, не пригласят в свой ролик персонажа за миллионные гонорары. Таких кейсов, которые можно анализировать, не сходя с дивана, в книге с полсотни.

Автор предлагает взглянуть глазами экономиста на проблемы, с которыми каждый из нас сталкивается в повседневной жизни. Одни из них могут вызвать улыбку (например, вопросы, почему попкорн в кинотеатрах стоит так дорого, почему концерты звезд собирают аншлаги или почему законы, запрещающие полигамию, невыгодны женщинам), другие — совершенно серьезны и касаются безработицы, инфляции и процентных ставок. Но их объединяет то, что четкий и ясный ответ на них может дать только экономическая наука.

**ДЭВИД МИНДЕЛЛ.
ВОССТАНИЕ МАШИН ОТМЕНЯЕТСЯ!
МИФЫ О РОБОТИЗАЦИИ.**

М.: АЛЬПИНА НОН-ФИКШН, 2017. — 310 С.

Наивная вера в научно-технический прогресс — хорошо известное явление в истории начиная с XIX века. Давайте перечислим три мифа XX века, связанные с робототехникой и автоматизацией.

Первый миф — о линейном прогрессе. Идея следующая: техника перейдет от непосредственного управления человеком к дистанционному контролю, а затем — к полностью автономным роботам. Второй миф — о замещении: машины начнут постепенно брать на себя все выполняемые людьми задачи. Наконец, у нас есть третий миф — миф о полной автономности. Утопическая идея о том, что сегодня или в будущем роботы смогут действовать полностью самостоятельно.

Цель автора — уйти от этих мифов и осмыслить концепцию автономности в контексте XXI века. Опираясь на личный опыт, многочисленные интервью и данные новейших исследований, наиболее авторитетный ученый в этой области — Дэвид Минделл предлагает заучисный взгляд на самые инновационные области применения робототехники. Блестящий научный анализ, изложенный доступным языком, убедительно раскрывает мысль автора, что жесткие границы, которые мы прочертили между людьми и роботами, между ручным и автоматизированным управлением, только мешают пониманию наших взаимоотношений с робототехникой. Автор развенчивает идею автономных роботов, предлагая взамен обнадеживающее послание о центральной роли человека в технологическом ландшафте, который мы сейчас создаем.

**МАДХАВАН РАМАНУДЖАМ,
ГЕОРГ ТАКЕ.
МОНЕТИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ. КАК
УСПЕШНЫЕ КОМПАНИИ СОЗДАЮТ
ПРОДУКТ ВОКРУГ ЦЕНЫ.**

М.: БИБЛОС, 2017. — 256 С.

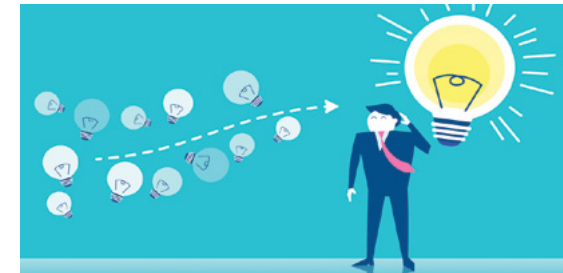
Филип Котлер, гуру маркетинга, так отозвался об этой книге: «Я поздравляю авторов с первоклассной книгой. Они подчеркивают, как важно начать инновационный проект с маркетинга и ценообразования, прежде чем создавать что-либо. В частности, они объясняют, почему компании должны точно определить целевой рынок и цену, которую клиенты будут готовы платить за инновации».

72% инноваций во всем мире — неудачные, а 75% стартапов с венчурными инвестициями не оправдали надежд. И если вы испытываете трудности с выводом инноваций на рынок, то знайте — вы совершаете одни и те же ошибки. Авторы в ходе масштабного исследования обнаружили повторяющиеся ошибки в монетизации новых товаров и разделили их на четыре категории.

Во-первых, лишние функции. Попытка напичкать товар максимальным количеством функций — иногда совершенно ненужных — создает продукт, который не отвечает потребностям клиентов и зачастую стоит неоправданно дорого. Во-вторых, заниженная цена. Даже если товар выбран правильно и рынок ждет его с нетерпением, цена слишком низкая, чтобы получить весь потенциально возможный доход. Кроссовер Audi Q7 был выпущен на рынок по цене 55 тысяч долларов, спрос превысил возможности компании на 10 тысяч единиц в год. Оптимальной ценой, уравнивающей спрос и предложение, было бы 58 тысяч долларов. В результате компания за год потеряла 210 млн долларов.

Третью ошибку авторы назвали «скрытое сокровище». Это потенциальный бестселлер, который неправильно выведен на рынок, из-за того, что выходит за рамки основного бизнеса. И наконец, «живые мертвецы»: инновации, которые не нужны клиентам, но их все равно вывели на рынок, либо потому, что они стали неверным ответом на правильный вопрос, либо — ответом на вопрос, который никто не задавал. Проведенный авторами анализ показывает, что все эти ошибки совершали не только новички, но и компании первой десятки, так что, если что-то пошло не так, знайте — вы не одиноки.

СТАРЫЕ АНЕКДОТЫ ОБ ЭКОНОМИСТАХ

**СЛЫШАЛИ ПРО ЭКОНОМИСТА,
КОТОРЫЙ НЫРНУЛ И СЛОМАЛ
ШЕЮ? ОН ЗАБЫЛ ПРИМЕНИТЬ
СЕЗОННУЮ КОРРЕКТИРОВКУ К
СВОЕМУ БАССЕЙНУ.**

— Сколько экономистов Центробанка нужно, чтобы вкрутить лампочку?

— Один: он будет ее держать, а мир — вращаться вокруг него.

— Сколько либеральных экономистов нужно, чтобы вкрутить лампочку?

— Ни одного. Если государство не будет вмешиваться, лампочка вкрутится сама.

— Зачем Бог создал экономистов?

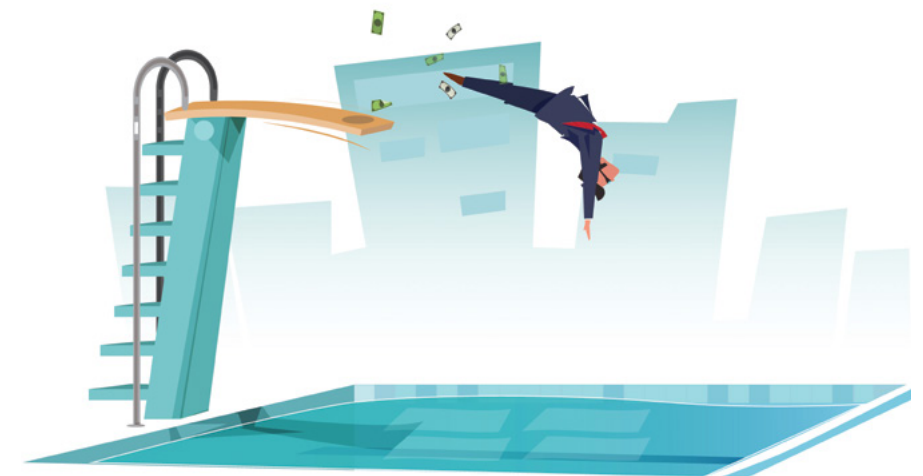
— Чтобы метеорологи выглядели солиднее.

— Почему хорошо быть экономистом?

— Экономисты занимаются моделями.

— Как Великая французская революция повлияла на экономический рост?

— Пока об этом слишком рано говорить.

Я спросил у девушки-экономиста телефон, и она дала его приблизительно значение.

Экономисты предсказали девять из пяти последних рецессий.

Экономист — это тот, кто богатеет, объясняя другим, почему они бедны.

«Экономическая статистика — как бикини. Она обнажает то, что важно, но скрывает жизненно необходимое». (Профессор Фрэнк Холмс, 1967)

«Экономический журнал должен быть как женская юбка: достаточно коротким, чтобы провоцировать, и достаточно длинным, чтобы скрывать нечто важное». (Жерар Дебрё, нобелевский лауреат по экономике 1983 г.)

Женщина узнала о тяжелой болезни и что жить ей осталось полгода. Доктор напутствует:

— Теперь вам надо переехать в глухую провинцию и выйти замуж за экономиста.

— Это поможет излечиться?

— Не совсем. Но остаток жизни покажется вам очень долгим.

+ ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Как мы будем создавать цифровую экономику

Цифровая экономика вошла в перечень основных направлений стратегического развития России до 2025 года. Через восемь лет должно быть создано 10 цифровых платформ для основных отраслей экономики и столько же предприятий в сфере высоких технологий. К 2020 году интернет в России должен стать дешевле в 10 раз.

НОВАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

В этом году на Петербургском международном экономическом форуме цифровая экономика стала ключевой темой выступления президента Владимира Путина. Ей же было посвящено и заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, на котором глава государства подчеркнул, что цифровая экономика — это не отдельная отрасль, а основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества. «Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний», — подчеркнул президент. Он назвал цифровую экономику беспрецедентным по своему масштабу проектом, сравнимым со строительством железных дорог в конце XIX века и электрификацией в начале XX века. Поэтому для реализации программы будут объединены усилия разных уровней власти, бизнеса, научных и исследовательских организаций.

ДАВНО ПОРА

Правительство, экспертное сообщество, бизнес не раз подчеркивали, что необходимость государственной программы цифровой экономики назрела давно. Первый заместитель министра энергетики РФ Алексей Текслер в интервью ИТАР-ТАСС подчеркнул, что компании, которые не будут внедрять цифровые технологии, не будут конкурентоспособны уже в ближайшее время. «Наши ведущие компании, не только нефтегазовые, но и электроэнергетические, этим активно занимаются. Это процесс постоянный, поэтому, кто будет делать все время шаг вперед, тот и будет получать максимальный эффект», — сказал он.

Более категоричен глава Центра стратегических разработок Алексей Кудрин: на форуме «Иннопром-2017» он сказал, что компании, которые недостаточно вкладываются в цифровизацию, потеряют свое производство уже через шесть лет. Но и те компании, которые это понимают и внедряют умные технологии, сталкиваются с проблемами: в первую очередь, с отсутствием спроса бизнеса на инновации. Кудрин подчеркнул, что Россия сильно отстает по цифровизации от развитых стран, и правительственная программа поможет стимулировать этот процесс. Глава Сбербанка Герман Греф считает, что реализация программы может стать импульсом для внедрения таких технологий будущего, как виртуальная и дополненная реальность, дроны и роботы, «интернет вещей», искусственный интеллект.

Алексей Текслер обратил внимание, что цифровые технологии меняют не только производство, но и потребление. Например, электричество благодаря им из товара превращается в услугу — смартфон может выбирать тарифные планы без участия своего владельца, а излишки электричества можно будет

продавать, например, своему соседу напрямую, без связи со сбытовой или управляющей компанией (это станет возможным благодаря технологии блокчейн). Однако это пока планы на будущее, а на производстве умные технологии внедряются уже сейчас: в нефтегазовом секторе, например, эффективность бурения растет за счет использования Big Data. Искусственный интеллект принимает решения на основе анализа огромного массива накопленных данных, что позволяет выбрать оптимальный режим бурения.

ЭКОНОМИСТЫ — За «ЦИФРУ»

Цифровая экономика есть во всех программах экономического развития, предложенных президенту России, — Столыпинского клуба, Центра стратегических разработок (ЦСР), Минэкономразвития. Более детально ее реализация прописана в «Стратегии роста» Столыпинского клуба. В ней отмечается, что государственные стратегии инновационного развития имеют США и Китай (Digital Economy и Internet Economy соответственно), поэтому и России необходима собственная общегосударственная концепция развития электронной экономики. Ее базовым звеном должны стать компании-платформы, которые будут создавать продукты на основе машинного обучения, облачных технологий и других инновационных решений. Особое место в стратегии уделено развитию блокчейн-технологий, которые могут применяться для оцифровывания больших массивов данных — кадастров, реестров собственности, а также для развития финансов, в том числе цифровых денег.

ЦИФРЫ ЭКОНОМИКИ

8 ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОГРАММЫ

РЕГУЛИРОВАНИЕ

Принятие законов и нормативных актов, обеспечивающих развитие цифровой экономики (в частности, об использовании технологии блокчейн и «интернете вещей»).

УМНЫЙ ГОРОД

Развитие «умных городов» предполагает запуск беспилотного транспорта в 25 российских городах и личных беспилотных автомобилей — в 10 городах.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Развитие новых стандартов связи, распространение интернета, а также удешевление его стоимости — к 2025 году, по плану Минсвязи, интернет должен стоить в 10 раз дешевле.

ЦИФРОВОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Новая модель системы здравоохранения базируется на превентивной медицине и персонализированном подходе. В ее основе лежит «цифровая медицина», позволяющая собирать и анализировать большие объемы данных, в том числе дистанционно. Эффективность использования человеческих, материальных и информационных ресурсов при оказании медицинских услуг должна вырасти на 30% к 2025 году.

ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ

Создание не менее 10 платформ для промышленных исследований и разработок в разных отраслях. Такие платформы — бизнес-модели, в основе которых лежат цифровые технологии и которые развиваются за счет обмена продуктом, решениями, данными клиентов и так далее. Самый известный пример — сервис такси Uber.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Взаимодействие граждан, бизнеса и государства в условиях цифровой экономики должны быть обеспечены технически, каждому из субъектов гарантирована правовая защита. Для этого создается центр компетенций по информационной безопасности, который определит направления развития в сфере кибербезопасности на ближайшие три года.

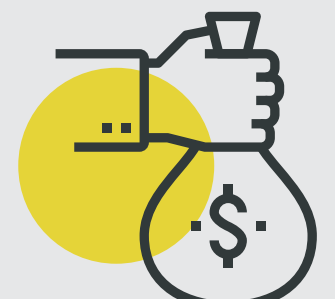

КАДРЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

Одной из новинок блока должно стать создание электронной базы образовательных и трудовых достижений россиян. С 2019 года школьников будут обучать основам IT, а студенты смогут в качестве дипломной работы сдавать стартапы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ключевым изменением блока должен стать полный перевод общения граждан с чиновниками в цифровой формат.

Популяризация и развитие цифрового направления экономики — одна из задач Координационного клуба Вольного экономического общества. Новые технологии уже проникают в повседневную жизнь, отмечал советник президента по экономической политике Сергей Глазьев: миллионы людей совершают покупки в интернете, в электронной форме проводят операции государство и бизнес — в частности, электронные торги стали основой госзакупок. По мнению научного руководителя Института экономики РАН Руслана Гринберга, запуск масштабной программы развития экономики нового технологического поколения поможет России выйти на новый виток развития. При этом он призвал осторожно относиться к идеям отказаться от того, что у нас самих еще не слишком хорошо развито.

В феврале в Сколково прошел семинар, посвященный цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС. Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин выступил за создание евразийской технологической платформы. «Мы должны создать мощный стимул к развитию цифровых технологий, цифрового пространства, цифровых платформ для формирования добавленной стоимости и на ней зарабатывать. Цифровая трансформация — это способ включить наши национальные экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости», — считает он. Шохин подчеркнул, что с цифровой трансформацией нельзя отстать на 10 или 20 лет и призвал представителей бизнес-сообщества сформировать предложения по всем направлениям экономики.

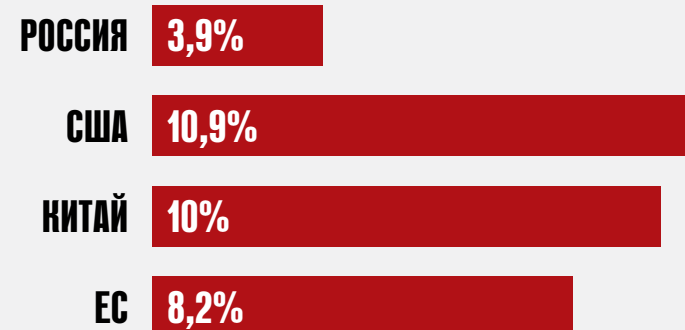
Бизнес также осознает необходимость перехода на экономику нового типа. В ежегодном докладе президенту бизнес-омбудсмен Борис Титов подчеркнул, что необходимо совершенствование законодательного регулирования цифровой экономики и электронной торговли, в том числе полное признание электронного документооборота. В частности, необходимо установить порядок и стандарты обмена данными коммерческих организаций с органами власти, уточнить правовой статус электронных торговых площадок и интернет-магазинов. Еще один важный шаг, по мнению Титова, уравнивание условий для российских и иностранных интернет-магазинов.

УСПЕХИ УЖЕ ЕСТЬ

На заседании Совета по стратегическому развитию президент обратил внимание на то, что к началу 2017 года российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных вырос до 14,5 млрд рублей. А благодаря высокому уровню компетенций российских IT-специалистов компании предлагают уникальные программные решения, которые используются в том числе и при создании «умных городов».

ОБЪЕМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ВВП

По данным McKinsey

К 2024 году, согласно планам правительства, планируется «оцифровать» 50 городов с общей численностью населения 50 млн человек. На посвященном этой теме круглом столе ЦСР и МШУ Сколково было отмечено, что в некоторых российских городах цифровые интеллектуальные решения уже реализованы. Например, в Москве действуют инновационная транспортная система и одна из самых больших в мире сеть публичных точек доступа к сети Wi-Fi. Новые технологии также помогают проводить экологический мониторинг качества воздуха в режиме реального времени.

Вице-президент фонда ЦСР Владимир Княгинин подчеркнул, что предыдущее поколение цифровизации в городах было связано с автоматизацией различных процессов городского хозяйства. А вторая волна цифровой трансформации городов связана с требованиями, которые сами жители предъявляют к современному городу. Например, к предоставлению сервисов и услуг, развитию транспортной, энергетической и других инфраструктур, комфортности городской среды в целом.

Цифровые платформы придется создавать с учетом особенностей реальных городов. И на одни только российские решения опираться будет сложно: развивать в том числе физическую инфраструктуру — облачные сервисы, серверы, центры обработки данных — нужно будет вместе с глобальными технологическими игроками. «Проекты цифровизации связаны с огромным массивом информации,

Управлять реализацией программы цифровой экономики будет специальная некоммерческая организация, созданная при участии Агентства стратегических инициатив (АСИ), «Ростеха», «Росатома», фонда «Сколково», «Ростелекома» и Сбербанка. Каждый год на программу планируется направлять 100 млрд рублей, для ее финансирования будет создан отдельный фонд.

которые придется не только хранить, но и обрабатывать в реальном времени, внедрять предсказательную аналитику», — пояснил руководитель направления стратегических проектов и инициативы CityNext компании Microsoft Александр Данилин.

МЕСТО ЗАЙМЕТ РОБОТ?

Как и любая новая программа, цифровая экономика имеет не только блестящие перспективы, но и проблемы. Одна из них — нехватка кадров. Министр связи и массовых коммуникаций Николай Никифоров отмечал, что для эффективного развития цифровой экономики нужно подготовить 1 млн IT-специалистов. Сейчас программистов, по его словам, 500 тысяч.

Директор департамента развития высоких технологий Минкомсвязи Салават Мигранов рассказывал, что в 2015–2016 годах прирост специалистов составил всего 3,6%. Однако ведомство работает над этой проблемой: к 2018 году прирост на бюджетные места по направлению «информационная безопасность» должен составить 15%, а IT-специалистов в целом — на 12%.

Другое министерство — труда и социальной защиты — беспокоит выстраивание трудового и страхового законодательства в условиях цифровизации. Глава ведомства Максим Топилин отмечал, что сегодня существуют все условия для упрощения кадрового документооборота, в частности для заключения трудового договора в электронном виде. Однако вопрос защиты трудовых и социальных прав работника, по его словам, остается открытым. Цифровая подпись живет недолго, и пока не ясно, что делать, если работник обратится за защитой своих прав через 10 или 20 лет после заключения электронного трудового договора.

Цифровизация трудовых отношений опасна еще и тем, что с ростом производительности труда может вырасти безработица, так как многие рабочие места или даже целые профессии заменят роботы. Однако эксперты полагают, что этого опасаться не стоит. «С ростом производительности труда безработица совсем не обязательно будет расти, поскольку могут создаваться новые рабочие места в других отраслях, в том числе и связанных с цифровой экономикой. Для ее функционирования надо как минимум обеспечить огромное количество людей компьютерами и мобильными устройствами, постоянно обеспечивать техническое обслуживание и помощь пользователям», — отметила старший научный сотрудник ИМЭМО РАН Оксана Богаевская. Необходимо разработать программное обеспечение, постоянно совершенствовать и обновлять его. Вся эта деятельность предполагает создание огромного количества новых рабочих мест, которое превышает их сокращение в результате внедрения цифровых технологий.

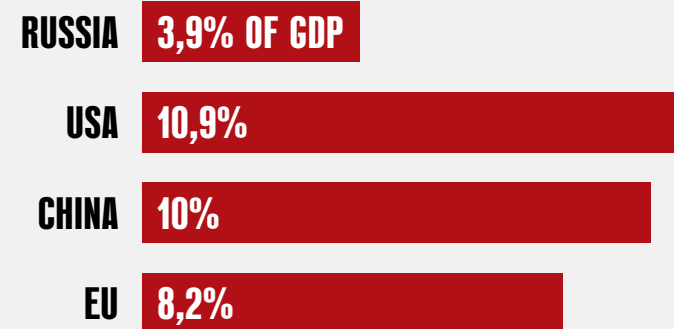
DIGITALIZATION OF THE ENTIRE COUNTRY

How we will create a digital economy

Digital economy was included in the list of main directions of Russia's strategic development until 2025. Ten digital platforms for the main economic sectors and the same number of high tech enterprises should be created within eight years. By 2020, the Internet in Russia should cost ten times less.

According to McKinsey

DIGITAL ECONOMY VOLUME IN GDP

The implementation of the digital economy program will be managed by a special non-profit organization created with the participation of the Agency for Strategic Initiatives (ASI), Rostech, Rosatom, the Skolkovo fund, Rostelecom and Sberbank. Each year, 100 billion rubles will be invested in the program, with a separate fund to be created for its funding.

NEW ELECTRIFICATION

This year at the St. Petersburg International Economic Forum, digital economy was a key topic of the speech given by President Vladimir Putin. It was also discussed at the meeting of the Council for Strategic Development and Priority Projects, where the head of state stressed that digital economy is not a separate industry but rather a basis for the development of public administration, economy, businesses, the social sphere and the society as a whole. «The formation of digital economy is a matter of national security and independence of Russia, of competition among domestic companies,» emphasized the president. He described digital economy as an unprecedented project comparable to the construction of railways in the late 19th century and the electrification at the beginning of the 20th century. Therefore, the efforts of the government, businesses, scientific and research organizations will be combined at different levels to implement the program.

THE EIGHT MAIN DIRECTIONS OF THE PROGRAM

REGULATORY ACTIVITY

Adoption of laws and regulations that ensure the development of digital economy (in particular, the use of blockchain technology and the Internet of Things).

digital economy must be supported technically, each of the entities being guaranteed legal protection. To this end, a center for information security competences is being created, which will determine the directions of development in the field of cybersecurity for the next three years.

25 Russian cities and personal self-driving vehicles in ten cities.

DIGITAL HEALTH CARE

The new model of the healthcare system is based on preventive medicine and a personalized approach. It relies on «digital medicine», which enables the collection and processing of large amounts of data, whether local or remote. The efficiency of human, material and information resources in the provision of medical services should see a 30% growth by 2025.

INFORMATION INFRASTRUCTURE

Development of new communications standards, Internet usage growth and cost reduction — by 2025 the Internet will cost ten times less according to the Ministry of Communications plans.

PUBLIC ADMINISTRATION

The key change within the unit should consist in switching all interactions between citizens and government officials to digital format.

HUMAN RESOURCES AND EDUCATION

The unit's innovation package should include the creation of an electronic database of Russia's educational and labor achievements. Since 2019, schoolchildren will be taught the basics of IT and university students will be able to present startups as graduation papers.

RESEARCH AND DEVELOPMENT

Creation of at least ten platforms for industrial research and development in different industries. Such platforms are business models based on digital technologies developed through the exchange of products, solutions, customer data and so on. The best example is the Uber taxi service.

INFORMATION SECURITY

The interaction of citizens, businesses and the state in a

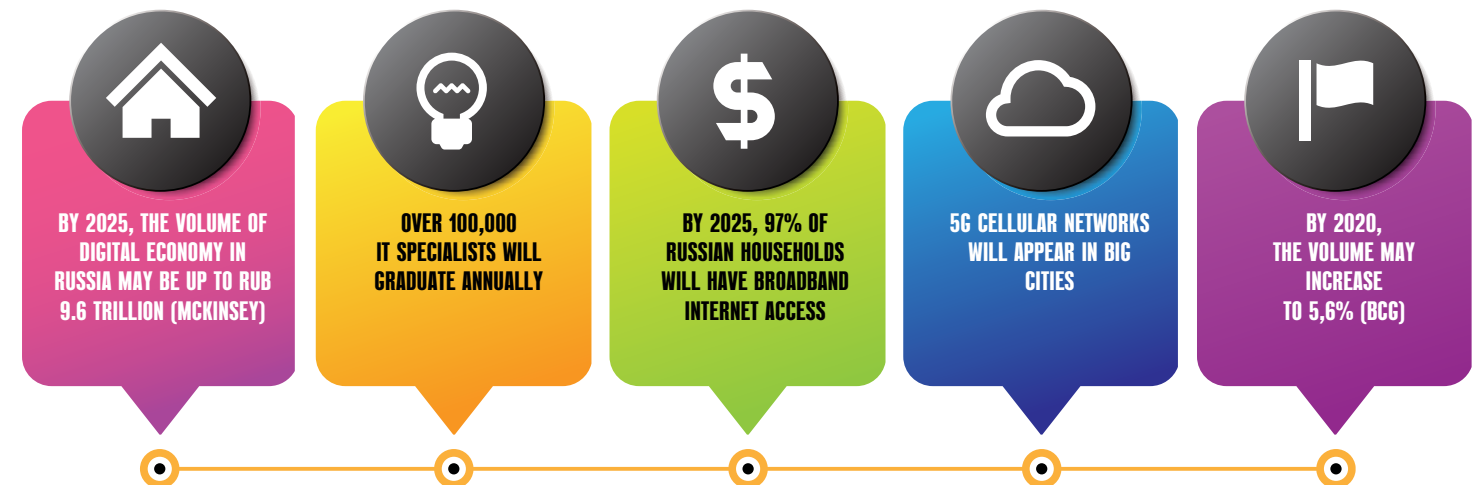

SMART CITY

The development of "smart cities" involves the launch of driverless public transport in

ECONOMY IN FIGURES

СТОЛИЦА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Пути нового промышленного развития города на Неве

После заявления президента о намерении развивать цифровую экономику многие экономисты буквально чуть не упали с кресел: настолько неожиданным оказалось выбранное направление. Среди таких оказался и президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте Сергей Бодрунов.

В интервью ИА REGNUM профессор предположил, что центром реализации «цифровой линии» может стать Санкт-Петербург.

ЗНАНИЕЁМКАЯ ЭКОНОМИКА

Сергей Дмитриевич, какими, по вашему мнению, должны быть основные контуры экономической модели Петербурга? Какие основные задачи нужно ставить?

— В современном мире для того, чтобы понять, что нужно экономике такого мегаполиса, как наш, необходимо знать, как устроена мировая экономика. Нужно смотреть в динамике, чтобы понимать, какими через 10 лет будут тренды на рынках, что нам для попадания в эти тренды придется выпускать и как это потом продавать.

Кроме того, нельзя забывать, что мы живем в период информационной революции. А это, помимо всего прочего, означает, что мир переходит к знаниеёмкой экономике. В вашем гаджете, на который вы записываете наш разговор, меньше «железа», чем было раньше, и больше знаний. Главная характеристика — «ускорение ускорения» научно-технического прогресса. Растут уровень и значение знаний во всех компонентах производства продукта — от рабочих мест до материалов.

Это значит, что образование становится еще более важным, чем раньше?

— Не только. Меняется характер труда. Еще совсем недавно люди не могли активно совмещать разные виды деятельности или рабочие места, а сегодня это в порядке вещей.

В этой новой экономической ситуации растет значение знаний, мобильности, пластичности рабочей силы. Невозможно спрогнозировать, какие через 15 лет будут нужны рабочие места, но спрогнозировать, какие понадобятся компетенции, можно. И тут мы сталкиваемся с другой проблемой: прогнозирование у нас находится не на должном уровне. Экономика развивается быстрее, чем мы успеваем понять законы ее развития и тем более научить этому студентов-экономистов.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Какие акценты в этих новых обстоятельствах нужно сделать в петербургской экономической модели?

— Нам нужен новый подход. Необходимо ответить на вопрос, какие локальные куски глобального пространства могут развиваться у нас быстрее других. Это, прежде всего, цифровизация. Президент Путин говорил об этом на недавнем экономическом форуме. Когда он об этом сказал, я, сидя в зале, честно говоря, чуть не упал со стула. Мы же говорили и писали об этом в течение 10 лет, но все отвергали

Человек может днем работать на заводе, а по вечерам в интернете давать кулинарные советы. Один человек сегодня может занимать три рабочих места, в то же время бывает и наоборот. Мы же продолжаем говорить про создание «рабочих мест». Даже в президентских указах говорилось о необходимости создать 25 млн рабочих мест. Это означает, с учетом загрузки, что нам нужно где-то найти 37–40 млн человек, которые на них будут работать. Где их взять? Кто подсунул в указы эту задачу? Неграмотные люди.

Создавать надо не абстрактные рабочие места, а компетенции.

Рабочее место — это место сосредоточения набора приспособлений и применения трудовых навыков, а компетенция — это личностная способность человека настроить себя на определенный тип деятельности. Он, например, может обладать компетенцией кулинара, а не просто работать поваром на одном конкретном, пусть даже «высокотехнологичном» или «высокотехнологичном» наномармите.

эту идею, потому что всем хотелось работать по привычным схемам: «рабочие места, станки, оборудование». Теперь все начнут поворачиваться в другую сторону. Давно пора.

Вы говорите про высокие технологии, а между тем многие эксперты и чиновники полагают, что будущее городской экономики не только за «цифрой», но и за туризмом.

— Туризм — это тупиковое направление развития экономики, если смотреть глобально. И тупиковое оно по той же причине: цифровизация. Знаете ли вы, скажем, как выглядит пальма сверху? Сейчас вы знаете это зрительно, а скоро будете знать и на ощупь с помощью шлемов виртуальной реальности и прочих подобных гаджетов. Уже нет необходимости делать селфи на крыше небоскреба, все можно будет увидеть и не только увидеть — ощутить! — и без всякого селфи.

Цифровизация вскоре будет позволять нам рассмотреть все особенности Петербурга из любой точки. И в том музее, в который я захочу «пойти», мой «цифровизованный» гид расскажет мне все то, что я хочу знать, а не то, что он выдумает, и не то, что ему кто-то надиктовал.

Я смогу не только что-то увидеть, но и «поговорить» с теми, кто был там до меня. Через обозримые 15–20 лет мы будем, сидя дома, с помощью небольших устройств, куда меньше телевизора, видеть и чувствовать намного больше того, что видим сей-

Цифровизация пространства — это очень важно. Знания — это главный экономический ресурс будущего. А все знания, которыми мы обладаем, превращаются в информацию, когда мы начинаем с ними работать. Информация должна иметь форму, которая позволит ей проникать повсюду. Цифровизация позволяет поставить это на технологическую основу. Мы сразу начинаем двигаться вперед, потому что появляется технология: как построить новую жизнь, в которой знаниеёмкость будет реализовываться через цифровизацию.

Далее, мы должны понимать, какие есть направления в цифровизации. Мы должны изучить, какие у нас в городе есть предприятия, способные решать эти задачи. Мы не можем взять и выкинуть то или иное предприятие из федеральной программы, но мы можем по согласованию с их руководителями ставить перед ними новые задачи. Так мы будем стимулировать занятие передовых позиций на этих направлениях. Рано или поздно мы все равно придем к решению этих задач, но если не делать этого сегодня, то мы опоздаем и рынок будет занят. Вот самый разумный подход для планирования дальнейшей экономической жизни города.

час в туристических поездках. Будет ли тогда смысл людям мотаться по городам и весям? И кому тогда будет нужна мощная городская туринфраструктура?

Сейчас к нам едут китайские туристы, которые еще не насмотрелись. А лет через 20 почти никаких туристов уже нигде не будет. Так же, как не будет водителей, охранников, наличных денег, а мы с вами не будем закрывать двери. Потому что значение материальной компоненты и связанных с ней институтов социума будет падать.

КАКОЙ СТОЛИЦЕЙ БУДЕТ ПЕТЕРБУРГ?

Предыдущие модели развития городской экономики предрекали Петербургу роль то финансовой, то автокластерной столицы. Этого не получилось. Но какой столицей мы все-таки должны стать?

— Вот как раз столицей российской цифровизации мы и должны стать. У нас здесь все для этого есть. Цифровизация состоит из двух важных компонент. Первая — это хард, железо, вторая — интеллект, софт. Под этой базой должно быть еще несколько суббаз: с одной стороны, это производство определенных материалов, технологии их производства и культура этого производства, а также вся необходимая инфраструктура, с другой — хорошие математики и хорошие инженеры.

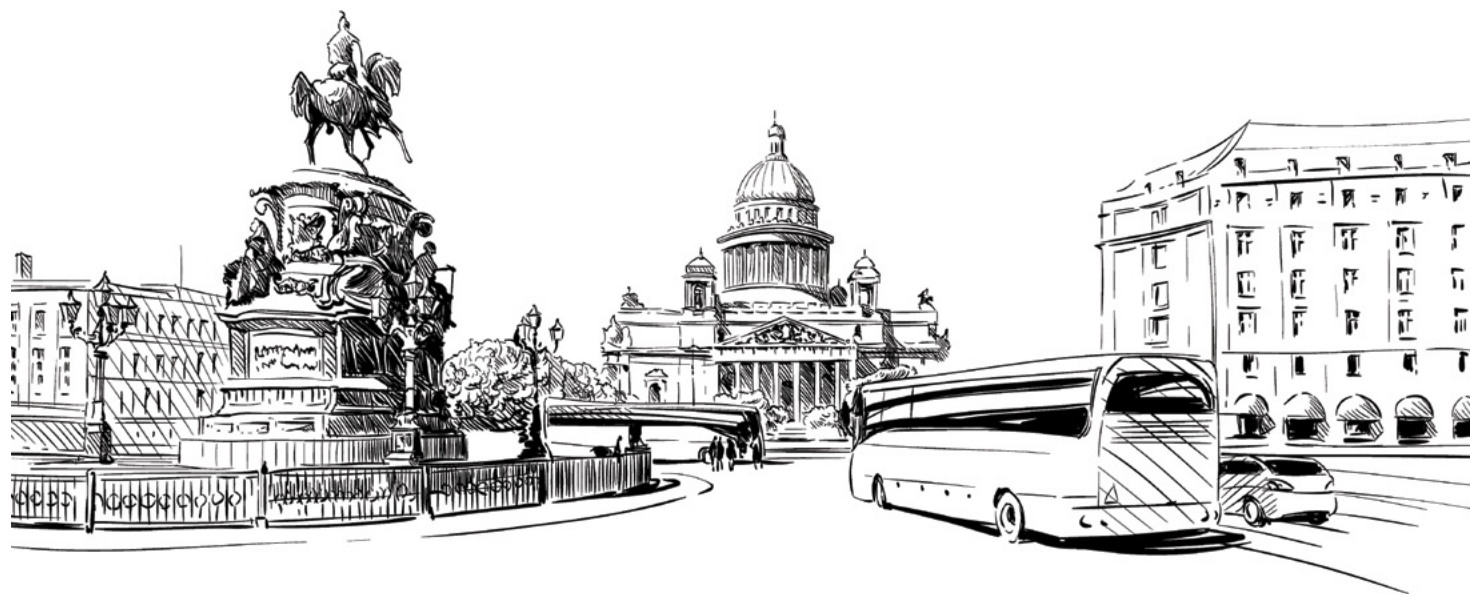
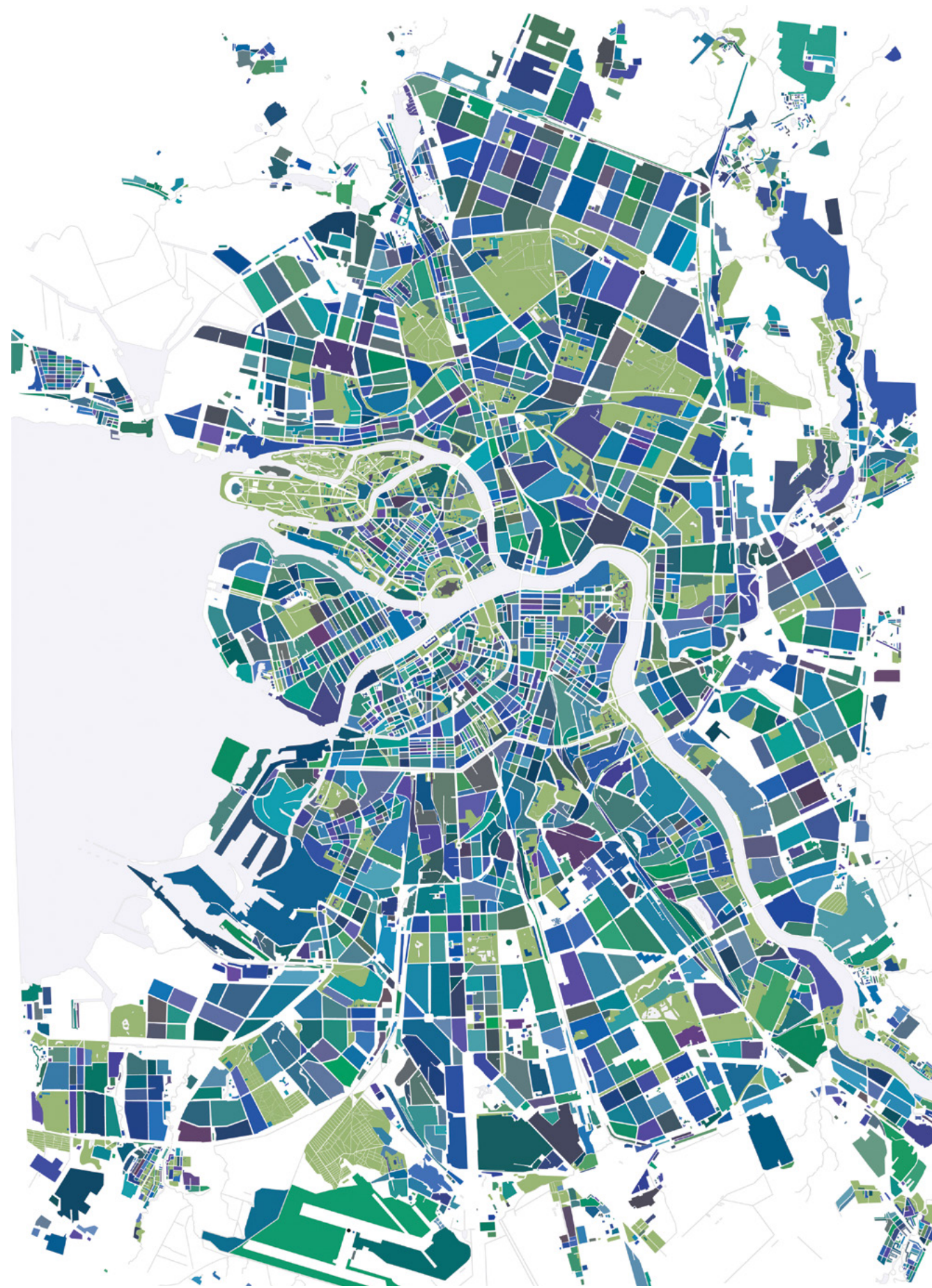
В Петербурге, в отличие от многих других городов, для решения этой задачи есть все что нужно. У нас — крупнейшие в стране, а то и в мире, специалисты в сфере софта. Люди умеют быстро и качественно решать задачи, и эти решения потом покупают пред-

приниматели из тех же США, которые считаются передовыми в своих отраслях. Сейчас наши «мозги» постоянно утекают, потому что здесь пока нет должного уровня их востребованности. Востребованность предполагает и наличие денег, льгот, поддержки, и наличие важных задач. Если выполнить эти условия, то все наши «мозги» останутся здесь, более того — приедут и другие.

Что касается «железа», то и здесь у нас есть мощные технологические наработки. Достаточно назвать Технологический институт, структуры Жореса Алферова, ИТМО. Есть «прикладники», которые умеют это «железо» использовать, — в области авиации, транспорта, энергетики. Есть хорошие вузы, способные готовить специалистов по необходимым специальностям. В советское время были примеры четкой постановки таких задач, вспомним хоть Академгородок. Если мы поставим такую задачу сейчас, если создадим здесь специальную экономическую зону, то это направление потащит за собой всю остальную городскую экономику.

Можно добавить, что есть и еще одно важное направление — медицина и фармацевтика. Город этим направлением уже занимается и правильно делает. Люди, человеческий капитал — это важнейшая составляющая. Этот капитал во многом зависит не только от образования людей (о чем я уже сказал), но и от их здоровья. Технологии оздоровления людей, продления жизни и повышения качества жизни будут играть в ближайшем будущем важнейшую роль.

На этих двух слонах, цифровизации и фармацевтике, можно строить каркас городской экономики будущего. Не переставая при этом, разумеется, поддерживать и те предприятия (например, энергетические), которые в ближайшие 10–15 лет сохранят свою значимость и для города, и для других отраслей экономики.

DIGITALIZATION CAPITAL

Saint Petersburg's Ways of New Industrial Development

Interview of the president of the FES of Russia, Director of the Institute for New Industrial Development and ex-Chairman of the Committee for Economic Development of St. Petersburg Sergey Bodrunov, REGNUM News Agency.

KNOWLEDGE ECONOMY

Sergey Dmitrievich, what do you think should be the main outlines of the economic model for St. Petersburg? What are the main tasks to be set?

A person can work during the day at a factory, and give culinary advice online in the evenings. One person can occupy three jobs today, or sometimes vice versa.

We still talk about creating «jobs». Even the presidential decrees stated the need to create 25 million jobs. This means, given the load, that we need to find 37-40 million people somewhere who will work in those jobs. Where can we find them? Who put this task in the decrees? Illiterate people. It is necessary to create competences, not abstract jobs.

A job is a place where accessories and skills are concentrated while a competence is the person's ability to «adjust» himself to a certain type of activity. A person, for example, can have the competence of a cook, and not just work as a cook at a particular nano hot food unit, be it «high-performance» or «high-tech».

— In today's world, in order to understand what the economy of such a metropolis as ours needs, it is necessary to understand how the world economy is structured. It is necessary to have a dynamic picture to understand what market trends will exist in 10 years, what we should produce to be able to ride these trends and how to sell those products afterwards.

Besides, we must not forget that we are living during the information revolution. And this, among other things, means that the world is moving on towards a knowledge-intensive economy. Your gadget, which you are using to record our conversation, has less hardware than before, and more knowledge. The main characteristic is «the acceleration of the acceleration» of scientific and technological progress. The level and the importance of knowledge are growing in all aspects of production—from jobs to materials.

Does this mean that education becomes even more important than before?

— Not only this. The character of work changes. Until quite recently, people could not actively combine different types of activities or jobs while today it is quite normal.

In this new economic situation, the importance of knowledge, mobility, plasticity of the workforce is growing. It is impossible to predict what jobs will be needed in 15 years, but it is possible to predict what competencies will be needed. And here we are faced

with another problem: the quality of forecasting is not at the desired level. The economy is developing faster than we are able to comprehend the laws of its development and, even more so, to teach economics students accordingly.

DIGITALIZATION FIRST AND FOREMOST

On what points should the Saint Petersburg economic model focus in these new circumstances?

— We need a new approach. It is necessary to answer the question: which local pieces of the global marketplace can develop faster than others. First of all, it is digitalization. President Putin spoke about this at the recent economic forum. Honestly, I nearly fell off my chair when I heard him say it. We spoke and wrote about this for 10 years, but everyone rejected this idea, because everyone wanted to operate the usual way: «jobs, machines, equipment.» Now everyone will start turning the other way. It is high time.

You are talking about high tech, but at the same time many experts and officials believe that the future of the city's economy is not just digitalization but also tourism.

— From a global perspective, tourism leads to a dead-end in terms of economic development. It is a dead-end for the same reason: digitalization. Let's say, do you know what a palm tree looks like from above? Now you know it visually, and soon you will know and feel it palpably by means of virtual reality helmets and other similar gadgets. Already there is no need to take a selfie

on the roof of a skyscraper, you will be able to see, and not only see—feel! — everything without a selfie. Digitalization will soon allow us to observe all the features of Saint Petersburg from any angle. And at the museum where I want to «go», my «digitized» guide will tell me all I want to know, not what he invented and not what someone dictated to him.

I will not only be able to see things, I will also be able to «talk» with those who were there before me. In the foreseeable 15-20 years we will be able, while at home, with the help of small devices, much smaller than a TV set, to see and feel much more than what we see now on tourist trips. Will it make sense for people to actually visit cities and towns? If not, who will need a powerful urban tourism infrastructure?

Now we receive lots of Chinese tourists who have not seen enough. But in about twenty years there will be almost no tourists anywhere. Just like there will be no drivers, guards, cash, and we will not have to close the doors. Because the importance of the material aspect and the associated social institutions will decline.

WHAT KIND OF CAPITAL WILL SAINT PETERSBURG BE?

Predictions based on the previous models of development of the city's economy described Saint Petersburg's role as either a financial or an auto-cluster capital. It did not work out. But what kind of capital should we ultimately become?

— A Russian digitalization capital is exactly the kind of capital we should become. We have everything for it right here. Digitalization consists of two important components. The first is hardware, the second is intellect, software. This basis rests on several sub-bases: on the one hand, the production of certain materials, the production technologies and culture, and all the necessary infrastructure; on the other hand, brilliant mathematicians and engineers.

Unlike many other cities Saint Petersburg has everything to solve this problem. We have the country's — or even the world's — most prominent software experts. They are able to solve problems quickly and efficiently, and these solutions are then bought by businessmen from, say, the US, a country which is considered advanced in terms of the relevant industries. Now we experience a constant «brain drain» because of the absence of a proper level of demand. Demand implies the availability of money, benefits, support, and serious challenges. If these conditions are met, then all our «brains» will remain here, moreover—others will arrive.

As for hardware, we also have important technological achievements. Suffice it to mention the

Technological Institute, Zhores Alferov's projects, the Institute of Information Technology, Mechanics and Optics. We have «applied specialists» who know how to use this hardware—in the field of aviation, transport, energy. We have good universities that can train specialists in the necessary fields of expertise. In Soviet times there were examples of such task-setting, let us recall Akademgorodok. If we set this task now, if we create a special economic zone here, then this line of activity will pull the rest of the city's economy after it.

You can add another important area—medicine and pharmaceuticals. The city is already engaged in this area of research and is doing it right. People, human capital, is an important component. To a great extent this capital depends not only on education (as I have already said) but also on the people's health. Technologies for making people healthier, extending human lifespan and improving the quality of life will play an important role in the nearest future.

The framework of the city's future economy can rest on these two elephants: digitalization and pharmaceuticals. We must, of course, continue to support those enterprises (for example, energy companies) which will retain their importance for the city and for other industries in the next 10-15 years.

Digitalization of the marketplace is very important. Knowledge is the main economic resource of the future. And all the knowledge that we possess turns into information when we begin to work with it. The information must have a form that will allow it to penetrate everywhere. Digitalization allows you to put this on a technological basis. We immediately begin to move forward, because a technology is emerging: how to build a new life in which the knowledge capacity will be implemented through digitalization. Next, we need to understand in what directions should digitalization proceed. We need to find out which of the city's enterprises are capable of solving these problems. We cannot just remove a particular enterprise from the federal program but we can set new tasks for it upon agreement with its management. So we will encourage the taking of advanced positions in these areas. Sooner or later we will accomplish these tasks one way or another, but if we do not start today, we will be late, and the market will be occupied. This is the most reasonable approach to planning the future economic life of the city.

ЦИФРОВАЯ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ

Тигран Саркисян

*Председатель коллегии Евразийской
экономической комиссии, к. э. н.,
премьер-министр Армении
(2008–2014), председатель
ЦБ Армении (1998–2008)*

ЦИФРА МЕНЯЕТ ВСЁ

Стремительное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности людей обуславливает значительные изменения в характере производства, а значит, и в торгово-экономических отношениях между странами и интеграционными объединениями.

В частности, на наших глазах формируются и успешно действуют межотраслевые цифровые платформы (МЦП), которые обеспечивают автоматическую координацию и оптимизацию взаимосвязанной деятельности большого количества участников рынка за счет вытеснения по сути уже ненужных посредников. Это приводит к резкому сокращению транзакционных расходов и увеличению скорости осуществления операций.

Тем самым, МЦП — это особая, современная форма организации разделения труда. Особенность этой формы важна также с учетом того, что она существует в новой экономической реальности, одной из основных характеристик которой является следующая: максимальная добавочная стоимость сегодня создается в новых отраслях, а также отраслях, прошедших оцифровку, что позволяет резко повышать производительность труда, связывая данные отрасли с МЦП.

Активы в традиционных отраслях промышленности, не прошедших оцифровку, резко обесцениваются на фоне роста стоимости новых цифровых активов. Ведущие эксперты сходятся во мнении, что в течение ближайших 15–20 лет мир ждет повсеместное применение платформенной бизнес-модели, по сути дела, переформатирование привычных организационных структур промышленности и торговли.

Хорошим примером целенаправленного выращивания цифровой платформы является китайская Alibaba Group (создана в 1999 году, капитализация — 266 млрд долларов США). Группа состоит из 14 цифровых платформ, включающих торговые платформы, ориентированные на внешний и внутренний рынок, а также финансовую, логистическую, таможенную и прочие платформы. Способствуя экономическому росту, Alibaba Group играет важную роль в продвижении экономических интересов Китая на мировой арене, в том числе на территории бывшего СССР.

Подобные Alibaba Group транснациональные корпорации из США, Европы и Китая накапливают огромные массивы данных и информации при государственной поддержке с аккумуляцией серьезного научного потенциала. По оценкам Всемирного банка, глобальные цифровые платформы уже сегодня злоупотребляют своим доминирующим положением.

ВСЕ ЦИФРОВЫЕ ТРЕНДЫ ВНОСЯТ НОВУЮ ЛОГИКУ

не только в системы мировой торговли и экономики, но и интеграции. Старые ее модели теряют свои сравнительные преимущества, а новые находят в процессе формирования. Иначе и быть не может, так как существующие модели интеграции формировались в экономических условиях, важнейшими элементами которых были установление тарифов, облегчение таможенных процедур, выработка общих правил торговли и т.д. Современный технологический и цифровой рывок создают свою интеграционную логику, основанную на технологических платформах и решениях, цифровизации и цифровых стандартах.

ЦИФРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИКИ

Говоря о влиянии основных тенденций цифровизации мировой экономики и торговли на пространство Евразийского экономического союза, можно сказать, что наше интеграционное пространство теряет потребителя, который уходит на цифровые рынки других стран. Например, Aliexpress пересылает уже 90% посылок, оформленных в рамках электронной трансграничной торговли гражданами наших стран, и генерирует около 50% денежного потока. Кроме того, крупные российские инвесторы вкладывают свои средства в дочерние предприятия подобных корпораций. Таким образом, мы уже являемся участниками этой новой цифровизированной мировой торговой системы и главная задача, стоящая перед нами сегодня, занятие достойного места в ней.

Надо отметить, что развитие цифровой экономики привело к появлению важнейших новых трендов в развитии мировой торгово-хозяйственной деятельности, в разделении труда и промышленной системе.

В мировом хозяйстве внедряются так называемые умные системы управления, которые благодаря автоматизации и цифровизации производственных процессов руководят ими, существенно сокращают транзакционные расходы, повышают энергоэффективность и выявляют рыночные и торго-

вые преимущества.

Благодаря цифровизации появляются десятки и сотни новых специальностей, некоторые старые исчезают. Причем процесс этот происходит настолько быстро, что образовательные системы не успевают за изменениями и зачастую сами новые сектора становятся центрами образования. Яркий пример — образовательные центры при крупнейших ИТ-корпорациях мира, выпускники которых пользуются не меньшей конкурентоспособностью на рынке, чем выпускники лучших университетов.

И главное, появляются совершенно новые отрасли экономики, основу которых составляют цифровые технологии. Часть старых отраслей вымирает, но часть — трансформируется в цифровой логике. Растущая «цифровая доля» в стоимости современных автомобилей, например, неуклонно растет, и сами автомобили становятся «смартфонами на колесах», как их назвал в своей статье The Economist.

Надо отметить, что развитые страны и некоторые интеграционные объединения уже сформулировали свои цифровые повестки с целью ускорения трансформации традиционных отраслей и перехода к цифровой форме взаимодействия. Европейский союз на институциональном уровне вывел цифровую повестку в отдельное направление интеграции и принял решение о создании «Единого цифрового рынка ЕС». США, Великобритания, Южная Корея, Сингапур, Израиль и другие заявили о своих стратегиях в цифровой экономике и активно продвигают их через международные и двусторонние соглашения. Многие страны обозначили свою роль в разделении труда в цифровой экономике.

АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

Евразийский экономический союз пока еще находится в начале пути формирования и реализации своей цифровой повестки, однако мы должны четко понимать, что этот путь не имеет альтернативы. Точнее, его единственной альтернативой может быть установление полного контроля над цифровым пространством Евразийского экономического союза со стороны глобальных игроков. А это недопустимо как для самого интеграционного объединения, так и для государств — членов ЕврАзЭС.

Вышеотмеченное таит в себе риски потери цифрового суверенитета и ослабления интеграционных стимулов через:

- а) разведение нашей торговли и свободного перемещения товаров глобальными торговыми площадками;
- б) подключение оцифрованных отечественных предприятий к МЦП других стран;
- в) использование нашим бизнесом и гражданами новых цифровых решений по финансовым услугам, в том числе по биткоином, которые также создаются иностранными компаниями;
- г) привлечение нашей высококвалифицированной

ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ

1. Сформулировать собственную цифровую повестку.
2. Определить совместные мегапроекты, которые могут дать толчок развития всего сектора.
3. Спроектировать создание собственных МЦП для выхода с ними на глобальные рынки.

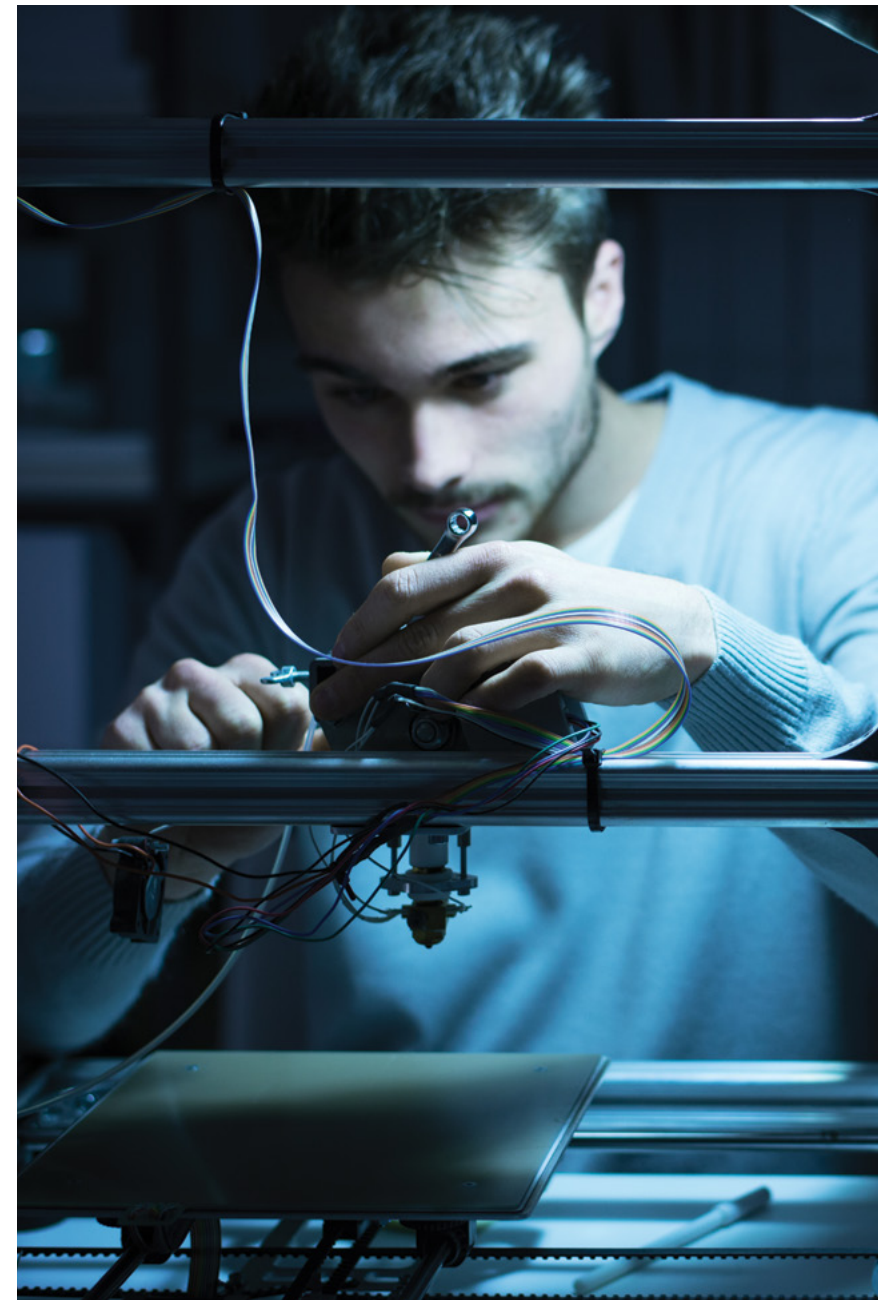
Это, с одной стороны, позволит сформулировать новую экономическую программу по модернизации национальных экономик, с другой — укрепит наше интеграционное объединение с возможностью привлечения стран, которые по объективным причинам не смогут выстраивать свои цифровые платформы. Реализация программы цифровизации наших экономик и пространства — задача, по своей амбициозности сравнимая с легендарной ГОЭЛРО, но ее положительный эффект может быть не меньше, чем от реализации программы электрификации.

НАШИ ПРЕИМУЩЕСТВА

Сравнительным преимуществом для быстрой реализации подобного подхода в наших странах могут служить огромные массивы данных, собираемых с большинства организаций государственной информационной системы. Они могут стать плацдармом для выстраивания собственной экосистемы цифровых платформ ЕАЭС. Так, только в России существует 390 государственных информационных систем, собирающих несколько тысяч различных форм отчетности с бизнеса ежегодно. Побочным эффектом выстраивания подобной экосистемы будет являться перестроение существующего регулирования в алгоритмическое регулирование — прозрачное и не требующее огромного административного аппарата для его реализации.

Вторым преимуществом может стать наличие в наших странах уже задействованных частных инициатив по созданию собственных торговых и информационных площадок, которые могут быть вовлечены в процесс выстраивания глобальных МЦП на базе государственного частного партнерства. Это позволит привлечь к реализации мегапроектов отечественных инвесторов, обеспечить заказами наших специалистов в области ИТ, в том числе работающих по заказу иностранных компаний. К первому эшелону таких мегапроектов по МЦП можно отнести торговую, логистическую и финансовую платформы, а возможность организации государственных закупок на базе таких платформ может резко повысить интеграционную привлекательность и рыночную стоимость подобного проекта.

Евразийская экономическая комиссия сегодня создает интегрированную информационную систему для взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем (ст. 23, п. 3 Союзного договора). Однако для адекватной реакции на вызовы и риски, стоящие перед нашим молодым объединением, необходим согласованный подход по широкой цифровой повестке нашего Союза. Заявление по цифровой повестке ЕврАзЭС, принятое главами государств 26 декабря 2016 года в городе Санкт-Петербург — проявление такого подхода.

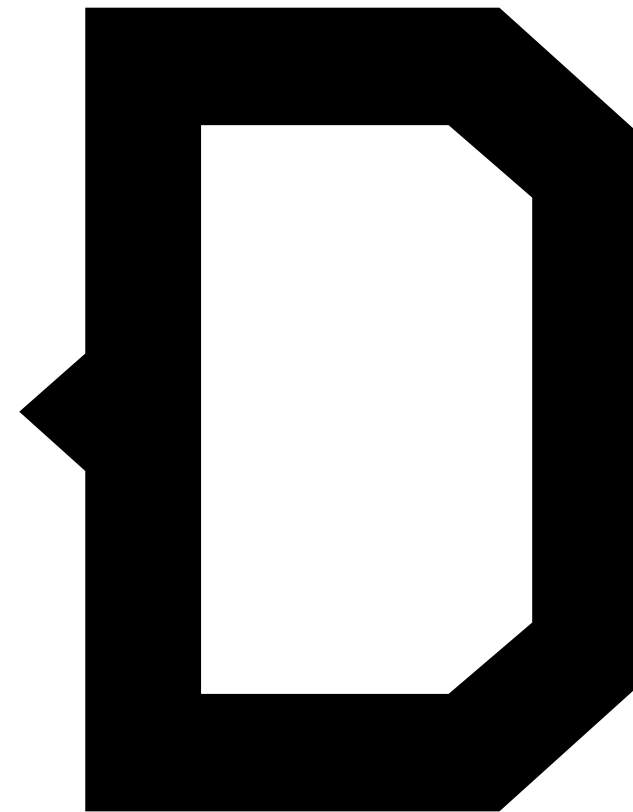

NON- ALTERNATIVE DIGITAL FUTURE

Tigran Sarkisyan

Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Candidate of Economic Sciences, Prime Minister of Armenia (2008-2014), Chairman of the Central Bank of Armenia (1998-2008)

DIGITALIZATION: A GAME CHANGER

The rapid advance of information and communication technologies in all spheres of people's lives causes significant changes in the nature of production, and hence in trade and economic relations between countries and in integration.

In particular, we are witnessing the formation and successful operation of digital industrial platforms (DIPs) which ensure automatic coordination and optimization of interconnected activities of a large number of market players by eliminating unnecessary intermediaries. This leads to a sharp reduction in transaction costs and an increase in the speed of operations.

Thus, the DIP is a special, modern form of organizing the division of labor. The peculiarity of this form is also important given that it exists in the new economic reality, one of the main characteristics of which is as follows: the maximum added value is being created today in brand-new industries as well as industries that have been digitized, which leads to a sharp increase in labor productivity by linking industry-specific data with DIPs.

A good example of determination in developing a digital platform is the Chinese Alibaba Group (established in 1999, capitalization US\$ 266 billion). The group consists of 14 digital platforms, including trading platforms oriented to the external and internal markets, as well as financial, logistics, customs and

other platforms. Fostering economic growth, Alibaba Group plays an important role in promoting China's economic interests worldwide, including the territory of the former USSR.

Using government support, transnational corporations similar to Alibaba Group from the United States, Europe and China have accumulated huge amounts of data and information, and a colossal scientific potential. According to the World Bank the global digital platforms are already abusing their dominant position.

DIGITAL ECONOMIC TRENDS

Speaking of the ways in which the main trends in the digitalization of the world economy and trade have influenced the Eurasian Economic Union, one can say that our integrated marketplace has been losing consumers which migrate to the digital markets of other countries. For example, Aliexpress sends as

Assets in any traditional industries that have not been digitized are undergoing dramatic depreciation as the value of new digital assets is rising. Leading experts agree that within the next 15-20 years the world will see the widespread application of the platform-oriented business model and, in fact, the reformatting of the customary organizational structures of industry and trade.

All the above trends have introduced a new logic not only into the systems of world trade and economy, but also into integration systems. The old models have lost their relative advantages, while new ones are in the process of being formed. No other way is possible since the existing models of integration were formed in the economic conditions, whose most important elements were the establishment of tariffs, the facilitation of customs procedures, the development of general rules of trade, etc. The current technological and digital leap has created its own integration logic based on technological platforms and solutions, digitalization and digital standards.

much as 90% of parcels ordered as part of electronic cross-border trade by citizens of our countries, and generates about 50% of the cash flow. In addition, large Russian investors are investing in subsidiaries of similar corporations. Thus, we are already participating in this new digitalized world trading system and the main task facing us today is to occupy a proper place in it.

It should be noted that the development of the digital economy has led to the emergence of major new trends in the development of world trade and economic activity, in the division of labor, and in the industrial system. The key trends are as follows:

The world economy implements the so-called "smart management systems", which, thanks to the automation and digitalization of production processes, manage those production processes, significantly reduce transaction costs, increase energy efficiency and identify marketing and trading advantages.

Thanks to digitalization, tens and hundreds of new specializations have appeared while some of the old ones have disappeared. This process runs so quickly that educational systems cannot keep up with the changes and the new sectors themselves often turn into education centers. A graphic example is the educational centers set up by the world's largest IT corporations, whose graduates are valued on the market no less than graduates of top universities.

And, most importantly, brand-new industries have been created based on digital technologies. Some of the old industries are dying out, but some are being transformed through digital logic. The «digital share» in the cost of modern cars, for example, is steadily growing, and the cars themselves are turning into «smartphones on wheels,» as they were called in the article which appeared in The Economist.

It should be noted that the developed countries and some integrated unions have already formulated their digital agendas in order to accelerate the transformation of traditional industries and the transition to a digital form of interaction. The European Union has

institutionalized the digital agenda as a separate direction of integration and approved the creation of the «EU Digital Single Market». The United States, Great Britain, South Korea, Singapore, Israel and others have announced their digital economy strategies and have been actively promoting them through international treaties and bilateral agreements. Many countries have identified their role in the division of labor in the digital economy.

NO ALTERNATIVE

The Eurasian Economic Union has yet to finalize and implement its digital agenda but we need to understand that no other way is possible. To be more exact, the only alternative is the establishment of full control over the Eurasian Economic Union's digital marketplace on the part of the global players. And it is unacceptable for both the integrated union and the EAEU member states.

If the scenario outlined above is implemented we will run the risks of losing the digital sovereignty or the motivation for integration by reason of:

- a) our trade and the free movement of goods being diluted by global markets;
- b) our digitized domestic enterprises being connected to other countries' DIPs;
- c) our businesses and individuals using new digital solutions for financial services, including the bitcoin, created by foreign companies;
- d) our highly skilled workforce being used for the development of new IT solutions for foreign DIPs which will retain most of the created added value.

Thus, the main risk boils down to the Eurasian Economic Union's losing its competitive edge as global markets transform. The most effective way to limit the integration processes to the EAEU boundaries is the formation of the Union's own DIPs in order to keep pace with the new digital revolution and maintain economic and technological independence.

OUR ADVANTAGES

The availability of huge amounts of data collected from the majority of the organizations within the government-controlled information system can be relatively advantageous for the swift implementation of this approach in our countries. It can become a springboard for building our own ecosystem for the EAEU's digital platforms. Thus, in Russia alone there are 390 government-controlled information systems that annually collect several thousand different reporting forms from businesses. A side effect of building such an ecosystem will be turning the existing regulatory activities into algorithmic regulation which is transparent and does not require a huge administrative apparatus for its implementation.

The second advantage may be the existence of private initiatives in our countries, which have already been used to create our own markets and media platforms that may be involved in the process of building global DIPs on the basis of government-controlled private partnerships. This will enable us to attract domestic investors for the implementation of megaprojects, and to award contracts to our IT specialists including those working for foreign companies. The first echelon of such DIP megaprojects may include trading, logistics and financial platforms, while a possibility of organizing government procurement on the basis of such platforms can dramatically increase the attractiveness of integration and the market value of such projects.

Today the Eurasian Economic Commission is building an integrated information system for the interaction and coordination of state information resources and information systems (Article 23.3 of the Union Treaty). However, in order to adequately respond to the challenges and risks facing our young association we need a coordinated approach to our Union's broad digital agenda. The EAEU statement on the digital agenda adopted by the heads of state on December 26, 2016 in the city of Saint Petersburg is an example of such approach.

WE MUST DO THE FOLLOWING:

- A) formulate our own digital agenda,
- B) identify joint megaprojects that can give an impetus to the development of the entire sector,
- B) provide for designing our own DIPs to ensure access to global markets.

On the one hand, this will allow us to formulate a new economic program for the modernization of national economies, and on the other, to strengthen our integrated union with the possibility of adding countries that, for objective reasons, will be unable to build their own digital platforms. The implementation of the digitalization program for our economies and marketplace is a task that, in terms of its ambition, is comparable to the legendary GOELRO, but its positive effect may turn out to be no less than that resulting from the implementation of the electrification program.

Заглянуть В 2035 ГОД

Как меняется структура экономики

Абсолютное большинство сайтов, которые так или иначе связаны с темой Национальной технологической инициативы (НТИ), начинаются с цитаты президента России Владимира Путина из послания Федеральному Собранию от 2014 года: «На основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами столкнется Россия через 10–15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, высокое качество жизни людей, развитие отраслей нового технологического уклада».

А вот как заглянуть в будущее технологий и как технологический уклад меняется уже сегодня? Где в России есть спрос на перспективные технологии? Как воспитать молодое поколение, которое будет не только пользоваться, но и создавать инновации? На эти вопросы тоже есть ответы.

Максим Шерейкин
Генеральный директор
Агентства по технологическому
развитию

Об этом «Вольная экономика» поговорила с руководителем Агентства по технологическому развитию Максимом Шерейкиным.

НТИ И ДРУГИЕ ОТВЕТСТВЕННЫЕ

«Вольная экономика»: Максим Леонидович, Национальной технологической инициативе уже не первый год, но далеко не каждому известно — что же это такое и чем грозит нашей экономике?

Максим Шерейкин: Уже не первый год наше государство последовательно занимается вопросами, связанными с развитием отечественных технологий. НТИ — очень важный, но не единственный ключ. Есть государственные финансовые, венчурные институты, развитием технологий занимаются холдинги с государственным участием, в прошлом году создано Агентство по технологическому развитию. В целом создается полноценная экосистема, которая должна и может двигать нашу экономику вперед, формируя и закрепляя наше технологическое лидерство в тех или иных отраслях. Основная задача НТИ — «заглянуть за горизонт», в 2035 год. Подготовить себя к будущему, увидеть, казалось бы, самые невероятные

сценарии. Видя зарождающиеся технологические тренды в России и в мире, НТИ пытается их схватить, продлить в будущее. Кстати, не случайно одним из критериев дорожных карт в рамках инициативы было отсутствие существующих промышленных стандартов — по беспилотным автомобилям, по будущему питанию. А отсутствие стандартов — это возможность застолбить на этой поляне место для России.

ВЭ: Звучит красиво, но удастся ли все это реализовать?

МШ: Если не пытаться, то не удастся точно. Поэтому в направлении развития технологий будущего обязательно надо работать. И работать уже сейчас, сегодня, совершая первые шаги — разрабатывая, внедряя современные технологические решения, формируя ниши, делая инвестиции в технологии выгодными, перспективными и интересными. Да, в Агентство по технологическому развитию сейчас не приходят за технологиями из 2035 года — просто потому, что их пока не существует. Но наша логика работы с клиентами как раз заключается в том, что, вкладываясь сейчас в модернизацию и развитие, нужно в том числе ориентироваться на форсайт-видение отрасли через несколько лет.

ВЭ: И мы тогда будем жить совсем в другой стране?

МШ: Знаете, есть такая поговорка: бизнес-планы реализуются не для того, чтобы их исполнять, а для того, чтобы анализировать отклонения. И, не имея этой точки в виде 2035 года, невозможно будет прийти в будущее.

Да, что будет в 2035 году, мы не знаем. Но НТИ — ведь это не только технологии! Это в первую очередь новые бизнес-модели, которые позволяют создавать новые бизнесы. В логистике, в системе здравоохранения, в сборочном производстве.

Не двигаясь в этом направлении, не пытаясь угадать, что за горизонтом, мы к этому будущему так и не придем.

«ТЕХНЕТ», «ХЭЛСНЕТ» И ДРУГИЕ

ВЭ: Хорошо, а каких-то результатов уже сегодня удалось достичь?

МШ: Расскажу с позиций Агентства по технологическому развитию, которое сегодня является, скорее, пользователем тех наработок, которые возникают в рамках НТИ.

У нас есть однозначно позитивные результаты, связанные с дорожной картой «Технет», которая является сквозной и касающейся всех «переделов». Ее результаты направлены в первую очередь на изменение систем проектирования, производства и эксплуатации продукции. И в этом смысле пилотные фабрики будущего, например, на базе НПО «Сатурн», уже можно транслировать и передавать по цепочке дальше, тем, кому нужны такие современные решения.

ВЭ: А другие дорожные карты в рамках НТИ?

МШ: Они в большей степени носят отраслевой характер, например, «Хэлснет», направленная на развитие медицинских технологий. И она тоже является для Агентства по технологическому развитию значимым ориентиром, так как мы сейчас ведем ряд проектов по трансферу технологий в сфере фармацевтики, которые востребованы в России.

ТЯЖЁЛАЯ ГОНКА

ВЭ: Но доля инновационной продукции в общем выпуске составляет всего 8–9% и последние три года не растет. А почему? Что-то не сделано? Или просто еще рано, и мы замерли перед прыжком?

МШ: Инновационная продукция имеет достаточно хитрый учетный характер. Она появляется и исчезает со временем.

ВЭ: Так, может быть, Росстату необходимо поменять систему учета такой продукции, чтобы отражать ее более качественно?

МШ: Это не самоцель. На мой взгляд, лучше было бы чаще слышать о российских компаниях, которые

прорываются в абсолютно новые сегменты современного рынка. Чем их больше будет на слуху, тем больше это будет свидетельствовать о том, что инновационная экосистема заработала.

ВЭ: Но ведь для того, чтобы создавать эти проекты, чтобы результатами этих проектов могли пользоваться обычные граждане, необходима современная образовательная основа. Воспитание умов — процесс небыстрый. Мы успеем или снова будем в очередной раз «догонять и перегонять» мир?

МШ: Стоит признать, что в определенных сегментах рынка нам, конечно же, придется догонять этот мир.

ВЭ: В критичных?

МШ: Да, к сожалению, в критичных. Микроэлектроника и приборостроение, например. Но зато в сегменте «больших данных» у нас есть реальные шансы обогнать. И не в последнюю очередь потому, что в России сильная математическая школа, а факультет вычислительной математики и кибернетики в МГУ был создан в 50-х годах XX века.

ВЭ: Законодательная помощь для этого потребуется? Или нормативная база сегодня вполне устраивает?

МШ: Потребуется, конечно. Приведу пример — мы работали над темой взимания платежей на платных автомобильных дорогах. Сегодня это барьерная система со шлагбаумами. Но можно сделать ее «свободной» — через систему оптического распознавания номеров. При этом сегодня в КоАПе штрафа за бесплатный проезд по платной автомобильной дороге нет. В результате инвестор не верит, что с помощью интеллектуальной системы он сможет собрать платежи, и не инвестирует в эту технологию. Потому что для ее реализации он должен получить право на доступ к нашим персональным данным — базе данных ГИБДД по номерам.

А ведь в результате проезд по платной дороге может стать дешевле в несколько раз. Почему? Потому что снижаются капитальные и операционные затраты — не надо расширять дороги, создавать карманы на трассе, делать шлагбаумы, нанимать операторов-кассиров, пропускная способность увеличивается в итоге — больше доход с участка трассы.

ВЭ: И в итоге — что может НТИ дать нашей, обычной, сегодняшней экономике?

МШ: На этот вопрос вам лучше ответят коллеги из НТИ. Но, по моему личному мнению, речь идет об изменении структуры экономики как таковой. Тем более что дорожные карты Национальной технологической инициативы отбирались для перспективных рынков, объем которых должен к 2035 году составлять не менее 100 млрд долларов.

Беседовал: Тарас Фомченков

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дорожная карта «Технет», которая является сквозной и касается всех «переделов» (уровней переработки в промышленности).

A LOOK INTO THE YEAR 2035

How the structure of economy changes

The absolute majority of websites that are in any way connected with the topic of the National Technological Initiative (NTI) open with the words spoken by President of Russia Vladimir Putin in his 2014 Address to the Federal Assembly: “Based on long-term forecasts it is necessary to understand what challenges Russia will face in 10-15 years, what advanced solutions will be required to guarantee national security, ensure high living standards and industrial development of the new technological order.”

Maxim Shereikin
General Director
of the Agency for
Technological Development

But how can we take a look into the future of technology, and how the technological order is changing today? Where in Russia is there a demand for advanced technologies? How to bring up a younger generation that will not only enjoy but also create innovations? These questions also have their answers.

The Free Economy talked with the head of the Agency for Technological Development Maxim Shereikin.

NATIONAL TECHNOLOGICAL INITIATIVE AND OTHER RESPONSIBLE INSTITUTIONS

Free Economy: Maxim Leonidovich, the National Technological Initiative is several years old but not everyone knows what it is and what it has “in store” for our economy?

Maxim Shereikin: For years our government has been dealing with issues related to the development of domestic technologies. The NTI is a very important “key” to this, but it’s not the only one. There are state-controlled financial and venture institutes, holding companies with state participation that develop technologies; and last year the Agency for Technological Development was established. In general, a full-fledged ecosystem is being built that can and will move our economy forward by shaping and consolidating our technological leadership in various industries. The NTI’s main task is “to look beyond the horizon”, into the year 2035. To prepare for the future, to visualize what seems to be the most incredible scenarios. After identifying emerging technological trends in Russia and abroad the NTI is trying to “get hold” of them, to project them into the

future. By the way, it is not by chance that one of the criteria for road maps created as part of the initiative was the absence of pre-existing industrial standards — e.g. unmanned vehicles, future nutrition. And the absence of standards is an opportunity to stake out a place for Russia in that landscape.

FE: Sounds good, but will we be able to make all this happen?

MS: If we don’t try, we will surely fail. Therefore, we must by all means work hard to develop future technologies. And we should start now, today, we should take first steps by developing and implementing cutting-edge technological solutions, forming niches, making investments in technology profitable, promising and interesting. Yes, no-one demands future technologies from 2035 from the Agency for Technological Development — simply because no such technologies yet exist. But our logic of working with clients is precisely that while investing in modernization and development it is necessary, among other things, to have industry foresight into the next few years.

FE: And we will then live in an altogether different country?

MS: You know, there is a saying: business plans are not implemented for the sake of their performance but in order to analyze errors. Without a target set in the future, in the year 2035, it is impossible to reach that future. No, we don’t know what will happen in 2035. But the NTI is not only about technology! Primarily, it is about business models which allow us to create new businesses. In logistics, in health care, in assembly production. Without moving in this direction, without trying to guess what lies beyond the horizon, we will not be able to reach the future.

TECHNET, HEALTHNET, ETC.

FE: As of today, do we have any results?

MS: I will speak from the standpoint of the Agency for Technological Development, which today is merely a user of the solutions developed as part of the NTI.

We’ve gotten unambiguously positive results regarding the Technet road map, which is an end-to-end map and is related to all the “rearrangements”. Its results are aimed first and foremost at changing the systems of design, production and operation of products. And in this sense, pilot factories of the future, for example, those created at NPO Saturn, can already be transmitted and passed on further down the chain to those in need of such cutting-edge solutions.

FE: What about the other NTI road maps?

MS: They are more of a sectoral nature, for example, Healthnet, which is aimed at the development of medical technologies. And it is also a significant reference point for the Agency for Technological Development as we are now carrying out a number of projects to transfer technologies in the pharmaceutical sector that are in demand in Russia.

THE RACE WILL BE INTENSE

FE: But the share of innovative products in the total output is a mere 8 or 9 percent and it has not been growing for the last three years. Why is that? Have we forgotten something? Or is it simply too soon, and we’re just poised before the jump?

MS: It’s quite tricky to account for innovative products. They come and go as time goes by.

FE: Perhaps Rosstat should change the accounting system for such products to better reflect them?

MS: That is not a priority. In my opinion, it would be better to hear more about Russian companies that have penetrated completely new segments of the modern marketplace. The more we hear about them, the more evidence we have that the innovative ecosystem is working.

FE: But in order to create these projects, so that their results can be used by ordinary people, a modern system of education is needed. Education of minds is a slow process. Will we succeed or will it be “catch up and overtake the world” all over again?

MS: It should be admitted that in certain market segments we will, of course, be catching up with the world.

FE: Are those segments critical?

MS: Yes, unfortunately, they are. Microelectronics and instrumentation, for example. But in the big data segment we have a real chance to overtake the rest of the world. And not least because in Russia there is a strong mathematical school, and the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics in the Moscow State University was established in the 1950s.

FE: Will you require any legislative help? Or is the legal base that already exists fully adequate?

MS: Of course we will. I will give an example: we worked on collecting payments on toll roads. Today it is a barrier system with lift-arm barriers. But you can make it barrier-free — by installing a system of optical license plate recognition. At the same time, there is no fine for the failure to pay toll in the Administrative Offenses Code. As a result, investors do not believe that a smart system will help them collect payments, and do not invest in this technology. Because in order to deploy the system they must obtain the right to access our personal data — the traffic police database of license plate numbers.

Yet, driving on a toll road can be several times cheaper. Why? Because the capital and operating costs will be lower — no need to expand roads, create pockets on the road, install barriers, hire cashiers; in the end the traffic capacity will increase which means more revenues from the same road segment.

FE: To summarize, what has the NTI to offer our economy as it exists today?

MS: This question will be better answered by my colleagues from the NTI. But in my personal opinion, we are talking about changing the structure of the economy as such. The more so as the National Technological Initiative road maps are intended for markets with high potential, whose volume should be at least \$100 billion by 2035.

Interviewed by Taras Fomchenkov

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ В ЭКОНОМИКЕ

Есть ли перспективы у глобализма и сочетаем ли он с национальным планированием?

Дэвид Лэйн

Член Академии общественных наук,
заслуженный лектор социологии,
почетный член Колледжа Эммануэль
Университета Кембриджа

Е

Евразия как второй полюс мира, который позволит обеспечить стабильность мировой политической и экономической систем, в последнее время занимает умы многих учёных, политиков, практиков и даже рядовых бизнесменов.

В Кембриджском университете работает Общество евразийских исследований, эксперты которого ведут серьёзную и перспективную дискуссию с экономистами из России и других стран Евразии. Один из недавних совместных форумов назывался «По ту сторону глобализации: потенциал Евразии». «Вольной экономике» удалось взять интервью у одной из «звёзд» Кембриджа, профессора, известного своими нестандартными взглядами и подходами к изучению и трактовке мировых экономических процессов — Дэвида Лэйна.

«Вольная экономика»: Вы в своем выступлении очень подробно и, на наш взгляд, очень интересно осветили проблему национального эгоизма в экономике. Поясните для наших читателей, что вы понимаете под этим понятием и как сегодня в мире развивается это направление.

Давайте рассмотрим пример Российской Федерации, где в некоторых регионах очень большое количество безработных. Сегодня в Россию идет очень большой поток инвестиций, но проблема заключается в том, что финансы направляются не в те регионы, где существует наибольшая потребность, а в Екатеринбург, Петербург и Москву — и без того успешные регионы. Необходимо вмешательство правительства для того, чтобы стимулировать рост национальных компаний и диверсифицировать поток инвестиций, направляя их в разные регионы. Необходим административный план, который позволит решать такие задачи не только в крупных городах, но и в других частях страны.

Дэвид Лэйн: В данный момент существует общая тенденция в сторону глобализации. В то же время тренды глобализации не так успешны, как хотелось бы, и многие страны вынуждены искать альтернативные пути. Сейчас это делает Китай и некоторые страны бывшего Советского Союза.

Самое важное направление альтернативного пути — это идея экономического национализма или экономического эгоизма. Люди все больше надеются на то, что государство поддержит незащищенные

слои населения, особенно в области занятости, ведь большинство стремится к наиболее выгодным условиям работы. Это же касается свободного движения капитала и трудовых ресурсов. К сожалению, разрешение правительства на такое свободное движение все чаще критикуется, так как неконтролируемое движение капитала подрывает экономические и государственные устои некоторых стран.

«Вольная экономика»: Дэвид, в своем выступлении на семинаре вы говорили о том, что многие проблемы можно преодолеть с помощью планирования. Вот сейчас очень важный момент — это сочетание несочетаемого, можно сказать — планирование внутри компаний, к которому прибегают крупные корпорации, продвигаясь на те или иные рынки, и планирование на уровне государства для решения тех или иных проблем. Какие проблемы и каким образом можно решать путем сочетания вот такого околосударственного планирования и корпоративного планирования?

Лэйн: В первую очередь необходимо определить, что такое «национальная экономика» или «экономический эгоизм». С моей точки зрения, это действия со стороны компаний в интересах населения конкретного государства. Причем рассматриваются общие интересы всего населения, а не каких-либо отдельных классов или каких-то иностранных агентов, владеющих акциями определенного предприятия.

К примеру, Советский Союз с точки зрения экономического национализма был организован как блок, в котором соблюдались интересы разных стран, вне зависимости от иностранных агентов. Союз развивался без учета интересов других государств и, может быть, даже без учета интересов

конкретных людей, но тем не менее были сформулированы некоторые общие интересы, которыми и руководствовались государство.

Руководствуясь принципами экономического эгоизма, британские консерваторы говорят о том, что сотрудникам компаний нужно давать все больше возможностей для участия в управлении, позволяя им становиться акционерами компаний. Если в правлении транснациональной компании присутствуют представители местного населения, тогда их интересы будут приниматься во внимание, а не только доходы иностранных владельцев. В результате такого преобразования у местного населения появляется контроль за решениями, которые принимаются корпорацией.

Это в чем-то схоже с идеей социальной ответственности бизнеса, которая сейчас очень популярна. Однако, внедряя программы социальной ответственности, компании руководствуются в первую очередь прибылью, и когда возникает противоречие между корпоративными доходами и интересами местного населения, компания выбирает собственный кошелек.

«Вольная экономика»: Национальные корпорации, действительно, могут работать в интересах национального эгоизма. В то же время мы слышали, что вы поддерживаете идею национального планирования. Как эти две идеи сочетаются между собой?

Лэйн: Всегда между планами корпорации и национальным эгоизмом существуют конфликтные отношения. Для того чтобы решить такие глобальные проблемы, как безработица, бедность, большое количество бездомных, недостаточно рыночных механизмов. Рынок не предоставляет необходимых решений. Никакая транснациональ-

ная корпорация такие большие проблемы решить не может. Для гармоничного сочетания национального и интернационального интересов, как мне кажется, необходимо вводить представителей органов местного самоуправления в советы директоров корпораций, а также административно создавать социальные цели и задачи для каждой компании, за выполнение которых она будет нести ответственность. В таком случае корпорации смогут и работать в интересах своей страны, и преследовать национальные интересы. **Вз**

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ВЫЗВАЛА ДЕГРАДАЦИЮ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Чокан Лаумулин
Старший исполнительный
член научного совета
Центрально-Азиатского
форума, Колледж Иисуса,
Кембриджский
университет

Что касается перспектив развития Евразийского экономического союза, и вообще развития всех наций бывшего СССР, — это очень животрепещущий вопрос, потому что спустя более чем четверть века после развала Союза, к сожалению, большинство наций, составлявших Советский Союз, имеют не очень утешительное состояние технологического и индустриального развития.

Результат развала СССР, который можно сегодня охарактеризовать одним словом и который почувствовали на себе все страны без исключения, — это массивная, мощная деиндустриализация. Она затронула все сферы развития, в том числе образование, социальную сферу, здравоохранение, и тем более, собственно, сферу развития науки и технологий.

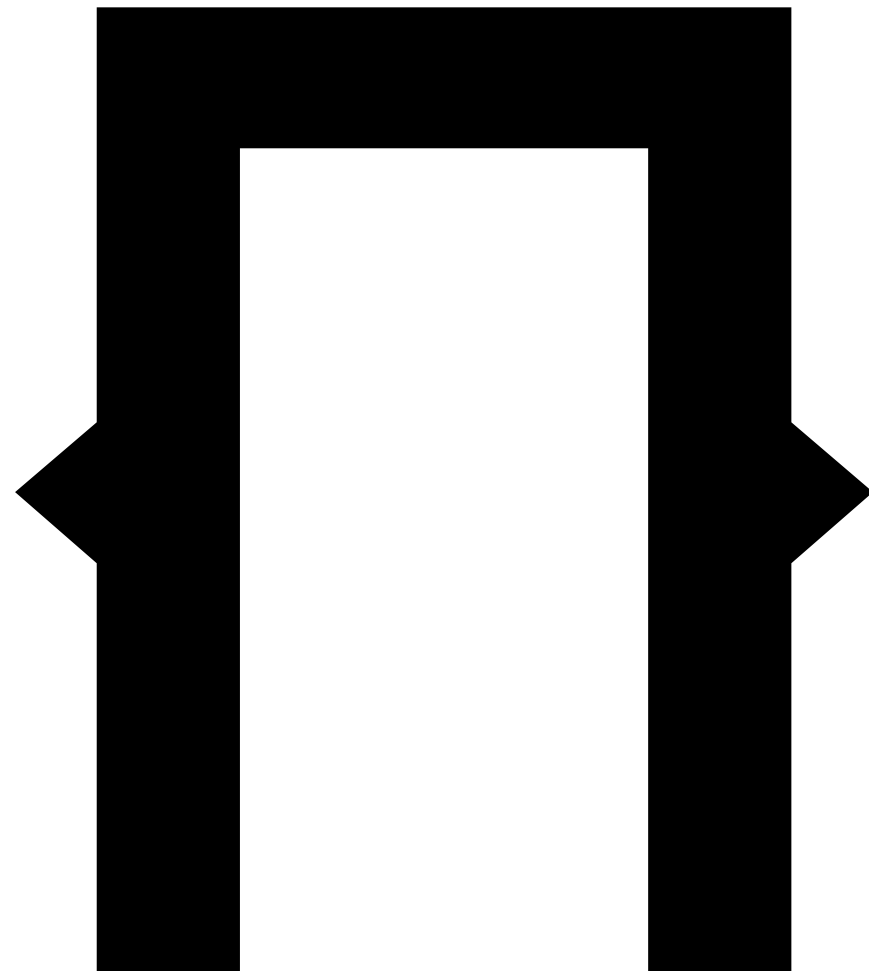
Сегодня даже из общества исчезло во многом понимание значимости и той роли, которую наука играет в развитии. Если вы посмотрите индекс человеческого развития и сравните, то вы примерно заметите, что все топ-позиции занимают страны, которые расходуют большую, значительную часть своего ВВП на развитие науки и, конечно, культуры.

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И БУДУЩЕЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА»

Дэвид Лэйн

Профессор, почетный лектор
Колледжа Эммануэль, Кембриджский
университет,
член Академии социальных наук
Великобритании

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Размышляя о глобализации, я обратился к «Манифесту Коммунистической партии», в котором Маркс отметил, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни». Таким образом, Маркс одним из первых обратил внимание на тенденции

Эта система предполагает ослабление отдельных государств и их роли в распределении средств внутри экономики. Проблема заключается в том, что в условиях глобализации рынок не способен обеспечить сбалансированность экономики. Инвестиции далеко не всегда идут рука об руку с общественным развитием, хоть и могут принести значительный доход. Они также не способны гарантировать оптимальное использование рабочей силы. Наличие конкурентного рынка приводит к тому, что богатые становятся еще богаче, а бедные неуклонно беднеют.

к нарастанию глобализации, под воздействием которой формируется монолитный капитализм. Для Маркса вопрос о том, что лежит по ту сторону капитализма, решался очень просто: глобальный капитализм в итоге перейдет в социализм.

Что в моем понимании представляет собой глобализация? Глобализация — это система обмена, подразумевающая одновременное взаимодействие на трансконтинентальной основе. Государственные границы проницаемы.

С технической точки зрения это достигается при помощи электронных и прочих современных средств связи и приводит к взаимозависимости национальных экономических систем и экономической интеграции. Благодаря глобализации либеральные рыночные системы смогли преодолеть государственные границы. Глобализация способствует переходу от классического экономического либерализма к современной форме неолиберализма.

Глобальный неолиберализм подразумевает свободное движение рабочей силы, капитала, товаров и услуг между странами. В рамках этой системы рынку отведена роль регулятора распределения, содержания и производства товаров и услуг, то есть глобальный рынок служит механизмом экономической координации и призван урегулировать разницу между спросом и предложением как факторами производства и обеспечить грамотное распределение ресурсов, позволив максимально эффективно использовать капитал и рабочую силу.

Позволю себе проиллюстрировать рассуждения о негативных социальных и политических последствиях глобализации словами Дональда Трампа.

Трамп также приводит данные по дефициту торгового баланса: в 2016 году он составил 645 млрд долларов. Суммарный дефицит торгового баланса США с 2000 года равен 8,6 трлн долларов, а дефицит платежного баланса — 8,3 трлн. И это статистика одной из самых богатых стран мира! На примере США мы видим, что рыночные механизмы не обеспечивают искомый

БЕЗРАБОТНЫЕ В США

В США официально 7,5 млн людей, активно ищущих работу, и на основании этих данных можно предположить, что в действительности вынужденно безработными являются минимум 12 млн человек, что приводит к упадку городов и росту преступности... Более 43 млн американцев регулярно получают продовольственные талоны в рамках льготной Программы дополнительного питания. Следовательно, значительная часть населения живет в бедности.

экономический баланс, а, напротив, приводят к рецидивирующей экономической нестабильности и не могут решить проблему устойчивой и массовой бедности даже в одной из самых благополучных стран мира.

ВАРИАНТ ПОСТ-ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Какая постглобализация может прийти на смену современной неолиберальной глобализации? Некоторые считают, что в самой глобализации заложены механизмы, способные вызвать изменения структуры занятости и подъем класса, который они именуют творческим. Благодаря внедрению нового способа производства общество сможет если не достичь, то приблизиться к достижению «царства свободы». По словам моего коллеги - профессора из Санкт-Петербурга, «роль знаний в материальном производстве неуклонно увеличивается, а знаниеинтенсивное производство представляет собой принципиально новый вид материального производства».

Вопрос в том, как будут осуществляться эти изменения в условиях современного глобализованного капитализма?

Тема семинара связана с евразийским пространством, поэтому для меня особый интерес представляют подходы к решению имманентных проблем неолиберальной глобализации, которые другие докладчики будут предлагать в своих выступлениях. Необходимо понять, каким образом страны Евразийского союза могут осуществить переход к современному этапу технологического развития.

В основе неолиберализма лежит идея о том, что свободное движение капитала, рабочей силы, товаров и услуг регулируется принципами конкурентного преимущества, то есть, если страна специализируется на выпуске определенной продукции и обменивается ею с другими государствами, достигается оптимальный уровень производства. Однако принципы конкурентного преимущества поддерживают существующее,

СЕГОДНЯ СТОРОННИКОВ ЭТОЙ КОНЦЕПЦИИ СТАВЯТ ЧУТЬ ЛИ НЕ В ОДИН РЯД С РАСТЛИТЕЛЯМИ МАЛОЛЕТНИХ ИЛИ ТЕМИ, КТО ОТРИЦАЕТ ХОЛОКОСТ

а вовсе не естественное разделение труда между странами и регионами. Таким образом, если государственные органы сделают ставку на конкурентное преимущество, они лишь укрепят дисбаланс в области распределения ресурсов и не смогут обеспечить инвестиции в обучение, которое потенциально способно привести к внедрению новых форм производства в слаборазвитых регионах. В этом случае подвижность трудовых ресурсов вызовет еще большее обнищание регионов, характеризующихся низким уровнем инвестиций и наличием неквалифицированной и малограмотной рабочей силы.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ

Адепты неолиберализма в качестве решения проблемы предлагают переселение, то есть, в их понимании, нежелание переезжать означает, что человек получает то, чего он заслуживает. Однако необходимо учитывать кумулятивный эффект такого подхода, который заключается в усилении экономически успешных регионов и ослаблении неблагополучных районов. Тем не менее есть и другие варианты.

Сегодня сторонников этой концепции ставят чуть ли не в один ряд с растлителями малолетних или теми, кто отрицает холокост. Однако эконо-

мический эгоизм, в отличие от неолиберализма или экономического социализма, не монолитен: социалистическое планирование, национальный консерватизм, социал-демократический смешанный тип экономики, государственный корпоративизм — все они являются видами экономического эгоизма.

Например, Советский Союз и Великобритания в лице ее послевоенного лейбористского правительства руководствовались принципами экономического эгоизма, чей консервативный вариант сегодня исповедует премьер-министр Тереза Мэй. Лидер лейбористов Джереми Корбин вчера обозначил движение в направлении социалистической или, по крайней мере, социал-демократической ипостаси экономического эгоизма.

ИДЕЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭГОИЗМА

В моем понимании, идея экономического эгоизма основана на том, что у людей, в совокупности составляющих нацию, есть общие надклассовые интересы, не совпадающие с интересами иностранных агентов, а государство — инструмент, который, руководствуясь этими национальными интересами, может обеспечить экономический результат; таким образом, экономический эгоизм предусматривает наделение государства регулятивными полномочиями. Евразийский экономический союз сейчас как раз предлагает гибридную экономику, представляющую собой экономический эгоизм с неолиберальным наполнением. Главной задачей ЕАЭС является усиление национальных экономик наряду с укреплением географических, экономических и социальных границ и уменьшением их проницаемости.

Какой тип экономики и какая форма экономической координа-

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

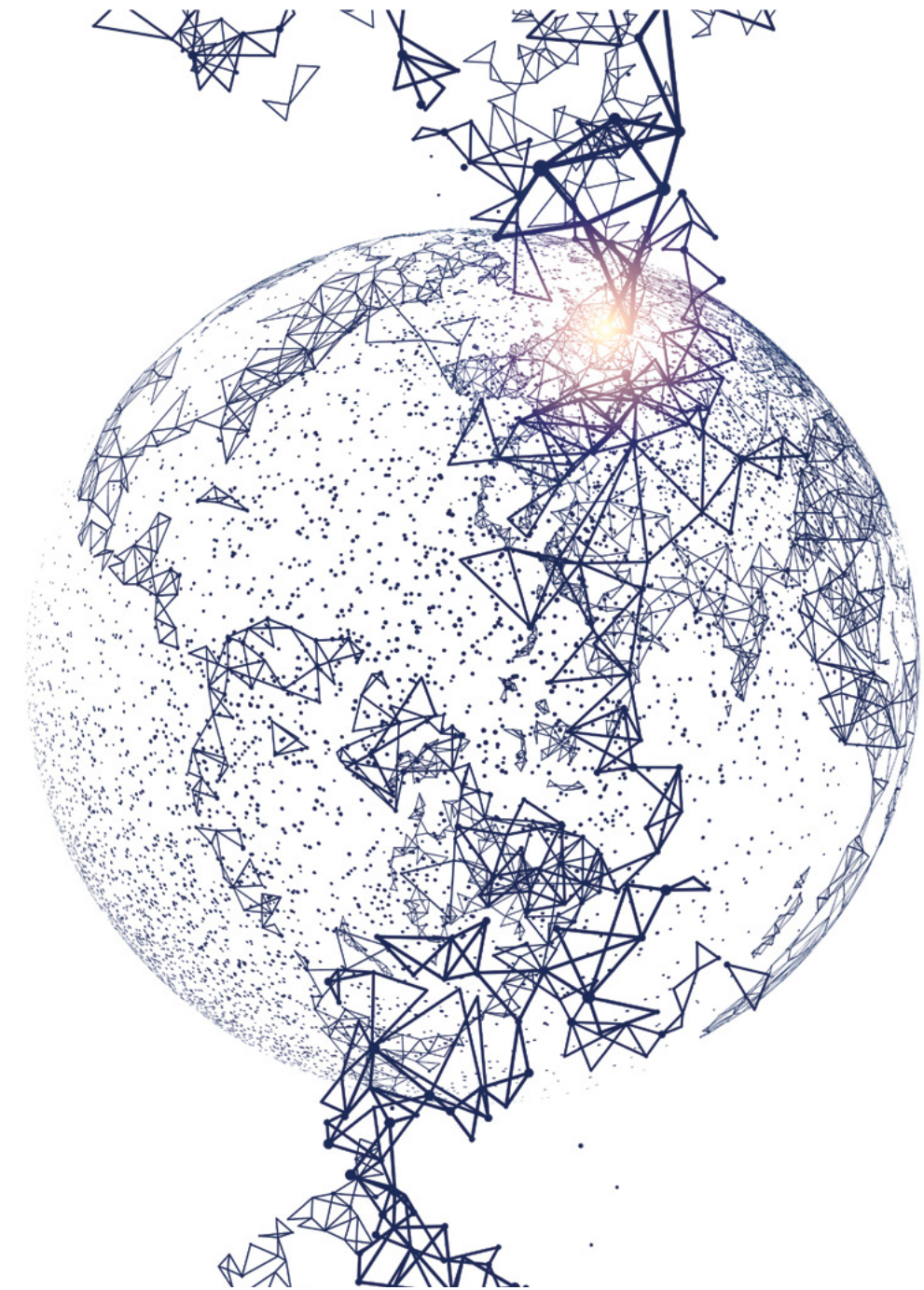
С моей точки зрения, экономические проблемы, вызванные технологическими изменениями, могут быть решены только при наличии государственной системы, руководствующейся социалистическими или социал-демократическими принципами.

ции будут способствовать продвижению национальных интересов? Национал-неолибералы вроде Трампа ответили бы, что лучшим вариантом является экономика, основанная на принципах меркантилизма и рыночной конкуренции, а государственные органы должны заниматься охраной границ и нормативно-правовым регулированием.

С моей точки зрения, экономические проблемы, вызванные технологическими изменениями, могут быть решены только при наличии государственной системы, руководствующейся социалистическими или социал-демократическими принципами.

Приведу всего один пример: стремясь извлечь максимальную прибыль в условиях рыночной конкуренции, компании для снижения издержек сокращают свой штат. То есть, даже если США или России удастся вернуть промышленное производство, вместе с ним в современных условиях придут роботы и системы CAD. Я не согласен со сторонниками неолиберализма, включая Фридриха фон Хайека, которые говорят об управлении занятостью на уровне деятельности отдельных участников рынка, преследующих свои личные цели.

«С моей точки зрения, эффективная экономическая координация возможна только в рамках национального плана, во главу угла ставящего национальное благосостояние, а не рыночную конкуренцию, поэтому основой политики экономического эгоизма может и должно быть государственное планирование».

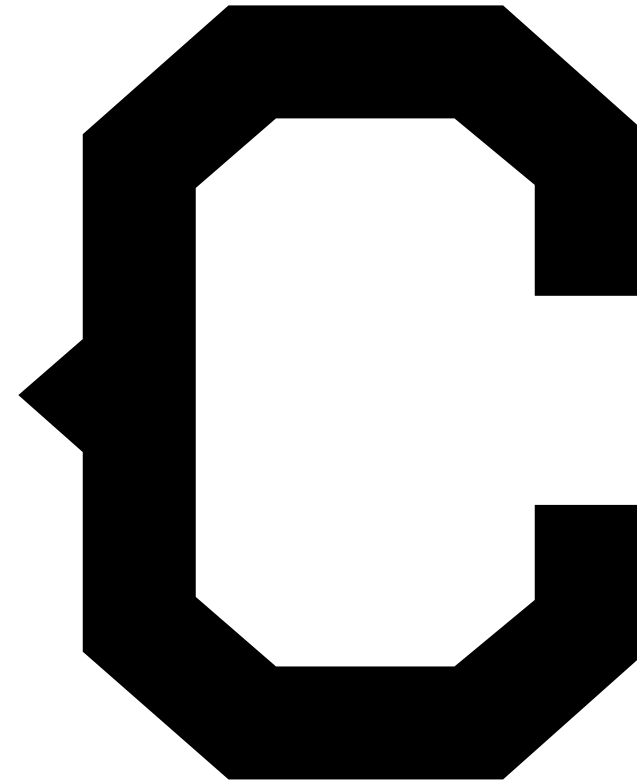

Так как доказано, что рыночная координация приводит к возникновению трупов и росту безработицы и уровня бедности, то альтернативой следует считать административную координацию. Внесения изменений в существующую глобальную неолиберальную систему недостаточно для решения проблемы. Ввиду отсутствия организационно-правовых механизмов, способных обеспечить глобальную координацию, эту роль могут взять на себя только государственные системы управления, так как государство — единственный институт, имеющий право и зачастую экономические ресурсы, необходимые для поддержания системного развития и выполнения долгосрочных задач. Следовательно, в определенной мере экономический эгоизм просто необходим.

POST-GLOBALIZATION AND THE FUTURE OF THE economic nationalism

David Lane

*Fellow of the Academy of Social Sciences,
Emeritus Reader in Sociology and an
Emeritus Fellow of Emmanuel College*

CHALLENGES OF THE GLOBALISATION

When I was thinking about what introductory remarks I could make to this topic, which is on *Beyond Globalization*, I looked in "The Communist Manifesto," where Marx pointed out the following, "National differences are vanishing gradually from day to day owing to the development of the bourgeoisie, to freedom of commerce, to the world market, to uniformity in the mode of production and in the conditions of life corresponding thereto." This makes Marx one of the first to note the rise of globalization and the resulting uniformity of capitalism. For Marx, the answer to the question beyond globalization was simple: the prospects for global capitalism mean socialism.

What do I understand by globalization? Globalization is the system of exchange involving simultaneous social interactions on a transcontinental basis. State boundaries are porous; technically, it is made possible through electronic and other modern forms of communication. It involves the interdependence of national economies and the integration of economic life. Globalization enables liberal market systems to be truly stateless. Globalization facilitates the transposition of classical economic

liberalism to the current form of neoliberalism. Global neoliberalism involves a free movement of labor, capital, goods, and services between countries. It is the market which will determine the allocation, combination and output of goods and services. The global market is the form of economic coordination. The market will resolve incompatibilities between the demand and supply, the factors of production. It will ensure the effective use of resources channeling capital and labor into their most efficient uses.

It is to Donald Trump that I turn to illustrate the social and political deficiencies of globalization. As Trump put it, "In the United States, we have registered unemployment of 7.5mln people actively seeking work, so you can say that realistically involuntary unemployment is at least 12 mln people. And this leads to urban blight, rising interpersonal crime." Again, Trump points out that "over 43 mln Americans regularly receive food vouchers under the supplemental nutritional assistance program. There is, therefore, considerable poverty for a significant part of the population." Again, he points out that the trade deficit in 2016 was \$645bn. The cumulative trade deficit of the United States since the year 2000 is \$8.6 trillion. And the balance of payments deficit is \$8.3 trillion." Trump here describes richest countries in the world. Market mechanisms have not led to a desirable economic equilibrium. Rather, the functioning of the

market has led to recurring economic instability and even in the rich states to persistent, traditional and institutional forms of poverty.

ALTERNATIVE OF THE POST- GLOBALIZATION

The system entails the weakening of states and their allocative role. The problem here is that the globalized market does not resolve these incompatibilities. Investment does not always promote social development, though might ensure profits. It does not ensure the optimum employment of labor. The competitive market leads to the rich becoming richer and the poor becoming poorer.

The present discussion revolves around what kind of post-globalization can rise out of contemporary neoliberal globalization. Some envisage changes coming from within globalization in terms of the changing occupational structure and the rise of what they call 'a creative class'. A new form of production is envisaged which will move towards, if not achieve, what they call 'the kingdom of freedom'. As my fellow professor from Saint Petersburg puts it, "The world of knowledge in material production is becoming increasingly more significant." Knowledge intensive production is, and here I quote, "a radically new type of material production." The problem is how will this change come about? How will it be achieved under the present conditions of globalized capitalism?

This conference is concerned with the Eurasian continent, and it will be interesting to see how the speakers in the first panel envisage overcoming the

problems entailed by neoliberal globalization. The problem to be addressed is how a modern form of advanced technological development can be introduced in countries forming the Eurasian Union and political area.

The underlying assumption of neoliberalism is that the unrestricted movement of capital, labor, goods and services will be resolved on the basis of laws of comparative advantage. If countries produce what they can do best and then exchange with others, the optimum level of production will be achieved. But the laws of comparative advantage justify the existing division of labor rather than any natural division between different countries or different areas. So using comparative advantage will only strengthen the existing unequal distribution of resources. It will not lead to investment in training which would give rise to new forms of production in underdeveloped areas. The free mobility of labor will then lead to the greater impoverishment of those areas which lack investment and maintain an unskilled and uneducated workforce.

ADMINISTRATIVE COORDINATION

Outmigration, that is, in neoliberal terms, getting what you deserve from the world, is the neoliberal solution. This, however, has cumulative effects. It strengthens the strong economic areas and weakens the poor ones. What then is the alternative?

Today, anyone advocating economic nationalism is usually regarded as someone almost as evil as a child molester or at least as a Holocaust denier. However, there are many types of economic nationalism. There is not one economic policy like neoliberalism or economic socialism. Economic nationalism can be a shell for socialist

planning, one-nation conservatism, a social democratic mixed economy or state-led corporatism. The Soviet Union, as well as the post-war British Labor government operated in the context of economic nationalism. Theresa May currently advocates a conservative form of economic nationalism. Jeremy Corbyn yesterday made a move towards a socialist type of economic nationalism or at least the social democratic type.

THE ECONOMIC NATIONALISM CONCEPT

What do I understand by economic nationalism? The underlying assumptions of economic nationalism are that people forming a nation have a common interest which transcends domestic classes and foreign interests, the state is an instrument to achieve national economic outcomes, and economic nationalism envisages a state with regulative powers. What the Eurasian Economic Union currently proposes is a hybrid economy containing elements of neoliberalism within a casing of economic nationalism. The major objective is to strengthen the national share with more robust geographical economic and social borders. Eurasia will strengthen borders against outsiders. What type of economy, what form of economic coordination will further the national interest?

The nationalist neoliberals, like Trump, would insist that in the national economy, the best form of economy is based on the psychological principles of self-interest and market competition. The role of the state must be limited to the erection of borders and the maintenance of the system through laws. In my view, the economic

If market coordination has been shown to lead to slumps, unemployment and poverty, some form of administrative coordination is the alternative. Working within the existing global neoliberal framework will not solve the problem. As there are no institutional forms which can provide such coordination on a global scale, there remain only state-run forms of management, and that is because the state is the only institution that has the legitimacy and often the economic power to carry out systematic development and also to take a long-term perspective. Hence, some kind of economic nationalism is necessary.

problems caused by the kinds of technological changes described by Buzgalin, Kolganov, and Bodrunov can only be managed within a state system organized on a socialist or social democratic form. To take one example: profit maximization and market competition lead to the reduction of employment in order to minimize cost. Even if you bring back industry to the U.S.A. or to Russia, you will also bring back robots and computer assisted design.

Managing employment can only be achieved within the context of a national plan which prioritizes public welfare. This is not being achieved through the operation of individualistic catalysts which set aside individualistic utilities, as theorized by neoliberals like Friedrich von Hayek.

Economic coordination, in my view, needs a national plan, not market competition, and economic nationalism could and should be based on national planning.

КЕМБРИДЖСКИЙ ДЕСАНТ

Дискуссия российских и кембриджских экономистов о последствиях глобализации для Евразии

Вольное экономическое общество (ВЭО) России, Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте совместно с Кембриджским Центрально-Азиатским форумом и Колледжем Иисуса Кембриджского университета провели научный семинар «За пределами глобализации: перспективы для Евразии». В нем приняли участие более 70 исследователей — представителей научных школ различных стран, в том числе Великобритании, России, Китая, Индии, Франции, Казахстана, Южной Кореи, Нидерландов, Афганистана, Пакистана и др. Российскую делегацию возглавлял президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, д. э. н., проф. С.Д. Бодрунов, в состав делегации вошли заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалин, д. э. н., профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова К.А. Хубиев, д. э. н., профессор Санкт-Петербургского экономического университета Е.А. Ткаченко, к. э. н., исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте А.А. Золотарев, ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте Д.Б.Джаббаров и др.

О ЧЁМ ШЛА РЕЧЬ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

Проблемы глобализации, вот уже не одно десятилетие волнующие как отечественную, так и мировую общественную мысль, в последние годы обрели новое звучание. Мир сталкивается с новыми трендами. Реальностью становятся дезинтеграционные тенденции и процессы формирования региональных союзов, в том числе экономические образования на Евразийском континенте.

Выступления ведущих профессоров Кембриджского университета — Дэвида Лейна, Питера Нолана, Сиддхарта Саксены и других участников дискуссии (в Форуме приняли участие ученые более 10 стран) — показали, что в Европе вопросы социально-экономического развития связывают отнюдь не только с финансовыми аспектами. Ученые Великобритании, так же как и их коллеги из России, видят пагубность процессов деиндустриализации — и чем дальше, тем больше акцентируют внимание на задачах развития высокотехнологичного производства, интегрированного с наукой и образованием и нацеленного на решение социальных и гуманитарных задач.

Центральным мероприятием Форума стал научный семинар, посвященный проблемам будущего евразийской интеграции в условиях постглобальной экономики. В нем участвовали более 70 исследователей — представителей научных школ различных стран, в том числе Великобритании, России, Китая, Индии, Франции, Казахстана, Южной Кореи, Нидерландов, Афганистана, Пакистана и др.

ПРОФЕССОР МГУ АЛЕКСАНДР БУЗГАЛИН

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте А.В. Бузгалин посвятил свой доклад проблеме империализма в XXI веке, характеризующегося процессами формирования протоимперий и «восстания периферии».

Профессор Бузгалин заметил, что глобализация как этап развития позднего капитализма в настоящее время переживает период заката. Новое качество глобализации характеризуется тем, что наряду с традиционным делением на «центр» («ядро») и «периферию» возникают новые феномены, в результате чего трансформация, идущая по модели «империализм — глобализация», привела к рождению нового империализма, снимающего (причем не столько в позитивном, сколько в негативном смысле) содержательные характеристики как классического империализма начала XX века, так и черты неолиберальной глобализации второй половины XX века. Так рождается феномен, который мы могли бы назвать новым империализмом.

ПРОФЕССОР СПБГЭУ ЕЛЕНА ТКАЧЕНКО

В докладе профессора Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н. Е.А. Ткаченко были представлены различные подходы к разработке промышленной политики ЕАЭС в современных условиях. Она заметила, что многочисленные попытки создать экономические пространства с объединенным рынком были предприняты еще в XX веке. Результатом эволюции таких союзов в Европе стал Европейский союз. В Азии одновременно развиваются несколько значительных союзов, в том числе союзы стран Шанхайского пакта, АТЭС, стран Нового Шелкового пути, ЕАЭС. Нынешний этап экономического развития, ставший этапом новой индустриализации, определяет основные цели для стран ЕАЭС: ускоренная модернизация наиболее проблемных отраслей, формирование и реализация единой промышленной политики в отношении опыта промышленно развитых стран и в соответствии с принципами Союзного государства, реализация приоритетов промышленного развития и структурных преобразований в промышленности, ускоренное развитие высокотехнологичных производств, совершенствование управления производственным комплексом, формирование единой промышленной политики в рамках единого экономического пространства.

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНИР ИМ. С.Ю. ВИТТЕ ДАЛЕР ДЖАББОРОВ

Старший научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова Д.Б. Джабборов посвятил выступление исследованию проблем обновления плановой экономической системы, базирующейся на самоуправлении, которая должна стать ключом к новому экономическому росту для России и всех стран БРИКС.

ПРОФЕССОР МГУ КАЙСЫН ХУБИЕВ

В докладе профессора МГУ им. М.В. Ломоносова К.А. Хубиева были систематизированы новые тенденции глобального экономического движения в XXI веке. В качестве важнейших он выделил следующие параметры:

- новый торгово-экономический передел мира, где одну из главных ролей могло бы сыграть Транстихоокеанское партнерство — международная торгово-экономическая организация, целью которой является противостояние росту влияния Китая и России в регионе, либо подобные аналоги-соглашения;
- долговая экономика: в среднем развитые страны имеют долг (только государственный), превышающей годовой ВВП;
- контрциклический характер мирового экономического развития;
- становление нового типа отношений и противоречий в мировой экономике: с одной стороны, сегодня развивается рыночный империализм, рыночными отношениями охватываются новые сферы общественной жизнедеятельности: политика, наука, интеллектуальный труд и т.д.; с другой стороны, из рыночного режима выбывают товарные блага, превращаясь в общественные.

Кроме того, профессор Хубиев подчеркнул, что в настоящее время в жернова отношений наемного труда и капитала поступают все более дешевые ресурсы в виде мигрантской рабочей силы, но в то же время наемный труд вытесняется отношениями партнерства и совладения в инновационном секторе экономики с трудом креативного качества.

ПРОФЕССОР ТЕХАССКОГО УНИВЕРСИТЕТА БОЙКА СТЕФАНОВА

Значительное внимание на семинаре было уделено проблемам межрегионального взаимодействия, о чем, в частности, говорила в своем докладе Бойка Стефанова (Техасский университет, Сан-Антонио, США). Она подчеркнула, что в этом поле проблем одной из ключевых становится вопрос конкурентных перспектив территориальности и регионализма в Центральной Азии.

ПРОФЕССОР КЕНТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЕЛЕНА КОРОСТЕЛОВА

Вопрос о том, как эти проблемы реализуются в таком подпространстве глобальных взаимодействий, как Европейский союз, был поставлен профессором Еленой Коростеловой (Университет Кента, Великобритания), которая дала своему докладу весьма говорящее название: «Проблемы глобализации: как улучшить управление ЕС?».

ДОКТОР ИНСТИТУТА ИСМАИЛИТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАДЖАМ АББАС

Продолжая эту тему, доктор Наджам Аббас (Институт исмаилитских исследований, Лондон, Великобритания) обратился к вопросу определения тех драйверов, которые могут пересмотреть и изменить региональные взаимодействия в евразийских государствах, а доктор Филиз Катман (Стамбульский университет «Айдын», Турция) поставил вопрос о преемственности и переменных в Евразии, подчеркнув, что здесь есть перспективы развития интеграции как альтернативы угрозам конфронтации. Последняя тема вызвала немалый отклик у участников семинара и была продолжена в докладе профессора Захида Хана (Шанхайский университет, КНР), который говорил о позитивном опыте и проблемах реализации инициативы Китая по кооперации с Ираном в области энергетики и о последствиях этой кооперации для Соединенных Штатов Америки. Еще один спикер из Китая — доктор Клаус Као-Чу Сун (Университет Цинхуа) — подчеркнул, что до настоящего времени все еще остается реальностью смещенный мировой порядок в Евразии. В этом контексте он поставил вопрос о геополитических аспектах и путях реализации проекта «Один пояс, один путь».

Семинар, позволивший сопоставить различные точки зрения (а в трех его сессиях выступило более трех десятков ученых — крупных и авторитетных специалистов), вскрыл многие новые, не изученные и не очевидные без специальных исследований проблемы евразийского сотрудничества в контексте глобального развития, наметил перспективные аспекты новых исследований, стал полезной площадкой обмена мнениями и консолидации научного сообщества.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

В ходе заседания международного комитета ВЭО России в Кембридже сертификаты членов МК ВЭО России были вручены почетному профессору социологии Кембриджского университета Дэвиду Лэйну, директору Центра научных исследований проблем развития Кембриджского университета Питеру Нолану. Медали ВЭО был удостоен Сиддхарт Саксена — директор Кембриджского Центрально-Азиатского форума. Грамотой ВЭО России был награжден Чокан Лаумулин — научный сотрудник Центрально-Азиатского форума Кембриджского университета. В заключении был подписан договор о сотрудничестве между «Кембриджским журналом евразийских исследований» и российским

«ИНЬ» И «ЯН» ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Питер Нолан
Профессор Кембриджского
университета,
директор Центра исследований
развития,
директор Программы подготовки
высшего менеджмента по Китаю

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Что мы понимаем под глобализацией, а именно капиталистической глобализацией? Под каким углом ее рассматриваем? По моему мнению, при анализе феномена глобализации можно использовать как восточный, так и западный подход, и для определения восточного подхода обратимся к философскому течению Инь ян цзя, возникшему в Китае в V–IV вв. до н. э. и до сих пор являющемуся неотъемлемой частью восточного и особенно китайского менталитета. Это философское учение зиждется на идее, что каждому явлению присущи два начала: темное начало «инь», символизирующее — применительно к экономике и социуму — жадность и эгоизм — основы личных отношений, а также политической и экономической жизни общества, и уравновешивающее инь светлое начало «ян», побуждающее людей к бескорыстным действиям на благо общества в противовес жадности и стремлению к извлечению личной выгоды. Таким образом, жизнь представляет собой не что иное, как путь к достижению равновесия между двумя этими началами, в китайской философии именуемый срединным путем. Срединный путь — это не просто поиск компромисса, а динамичное взаимодействие двух противоположных начал для получения положительного результата.

На Западе, в том числе в России (говоря о Западе, я включаю сюда Россию, так как, по моему мнению,

Россия хоть и завоевывала Восток, долгое время являлась частью европейской, западной цивилизации), мы руководствуемся правом сильного, то есть не следуем концепции Инь ян цзя. В начале XVIII века шведская армия подошла к Москве, убивая и грабя местное население по пути, — и это лишь один пример того, как мы преуспели в области насилия и насколько далеки от философии инь и ян. Однако стоит отметить достижения двух величайших западных философов конца XVIII — начала XIX веков, чьи идеи шли вразрез с традиционными представлениями о существующем миропорядке. Диалектический подход Адама Смита органично сочетает в себе признание силы невидимой руки рынка и конкуренции с идеями, высказанными в «Теории нравственных чувств», посвященной человеколюбию (Смит также использовал слова «любовь» и «привязанность»), в противовес личной заинтересованности как наиболее важному и фундаментальному элементу социума. Именно стремление творить добро, а не невидимая рука рынка, является основой человеческих взаимоотношений. В своих самых известных работах Смит в блестящей манере отдал должное обеим ипостасям.

Кроме того, диалектический подход имел определяющее значение для Карла Маркса, подробно проанализировавшего феномен капитализма с его дарвинизмом, прогрессивными идеями и интернациональным характером наряду с присущими ему противоречиями, которые должны заложить фундамент для создания нового общества, хотя Маркс крайне мало и неохотно рассуждал о конкретной природе такого общества. Итак, дальнейшее обсуждение проблем, поднимаемых в этом докладе, будет основано именно на сравнении восточного и западного подходов.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Во-первых, рассмотрим положительные аспекты, или «ян» глобализации, то есть определим ее вклад в развитие капитализма. Прежде чем приступить к анализу явлений, которые затронули практически каждого жителя нашей планеты, позвольте отметить, что произошедшие перемены были бы невозможны без участия государственных органов, в том числе правительства США и прочих западных правительств, военных ведомств и высших учебных заведений, но определяющим фактором, с моей точки зрения, является конкуренция, в особенности конкурентная борьба внутри относительно небольшой группы гигантских глобальных корпораций, которые за последнее время укрупнились, четко обозначили свои приоритеты и целенаправленно взяли курс на олигопольную конкуренцию: Siemens конкурирует с General Electric, Boeing с Airbus и т.д., — и эти компании, тратя в рамках конкурентной борьбы огромные средства на научные

исследования (с переменным успехом), стали драйверами развития в эпоху глобализации. По оценкам Европейского союза, который отслеживает деятельность 2500 ведущих компаний в области расходов на НИОКР, совокупный бюджет этих компаний на исследования составляет примерно 90% всех соответствующих расходов. Кроме того, 85% приходится на 500 самых крупных корпораций из числа 2500 (Toshiba, Google, Intel, Microsoft, Boeing, Airbus и т.д.). Таким образом формируется ядро современных инноваций, внедрение которых позволяет рассматривать корпорации как огромную положительную силу в мировом масштабе. Эти компании не просто занимаются разработкой и производством новых технологий, но, максимально используя преимущества своего относительно недавнего вхождения в мировую экономику, вследствие толчка, который Маркс описывал в «Манифесте Коммунистической партии», они смогли распространиться по всему миру.

Таким образом, с начала эпохи глобализации доля развивающихся стран в мировом ВВП выросла практически вдвое, то есть экономический лифт не только не исчез, а, наоборот, стал более доступен, и развивающиеся страны им воспользовались для обеспечения своего экономического роста и увеличения благосостояния. Индекс человеческого развития (важнейший комбинированный показатель, в развитие которого большой вклад внес Амартия Сен) развивающихся стран вырос на 30% с 1990 года. Подчеркну: вырос на 30%, а не снизился на 20, 10 или 50%. Это не то что не печально, а просто прекрасно.

Обратимся теперь к показателям уровня жизни. В 1990 году количество людей, живущих за чертой бедности на менее 1,9 доллара в день (в ценах 2005 года), составляло 44%. Сейчас этот показатель ниже 15%, то есть мы смогли добиться выдающихся успехов в эпоху капиталистической глобализации, причем абсолютно мирным путем. Все произошло именно так, как предсказал Маркс в «Манифесте Коммунистической партии».

Данный процесс вызвал масштабные положительные изменения в развивающихся странах, однако для нас, живущих в странах с высоким уровнем достатка, а также стран, которые в результате произошедших катастрофических потрясений были практически разрушены, последствия далеко не столь однозначны. Индия, Китай, Бразилия или Чили могут абсолютно по-разному подходить к оценке экономических процессов. Например, данные анализа географического распределения мирового ВВП во многом идут вразрез с общепринятыми представлениями о ситуации в глобальной экономике. Сейчас принято считать, что механизм экономического лифта перестал действовать и развивающиеся страны неуклонно беднеют. Идея неплохая, но она совершенно не соответствует действительности. В самом авторитетном источнике, докладе Международного валютного фонда о «Перспективах развития мировой экономики», основанном на тщательно проверенных данных о паритете покупательной способности (с этим подходом можно не соглашаться, но это не изменяет того факта, что МВФ предоставляет наиболее надежные данные), указано, что в 1980 году доля развивающихся стран в мировом ВВП составляла 36%. Как вы думаете, на сегодняшний день этот показатель упал до 25 или 20%? Предполагается, что он снизился, но вот до какого уровня? Ответ: нет, напротив, он увеличился до 58%.

ТЁМНАЯ СТОРОНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Однако не следует забывать об инь и ян, которые уравновешивают друг друга. Обратимся к инь, темной стороне капиталистической глобализации. Тут за примерами далеко ходить не нужно. Варварское разрушение природной среды подтверждает опасения, высказанные известной американской писательницей и защитницей окружающей среды Рэйчел Карсон, а также делает как никогда актуальным ее вопрос о том, какую оценку мы можем дать своим действиям, если позволим планомерно уничтожать мир, в котором живем. Не могу даже себе представить, как бы Карсон отреагировала на данные Всемирного фонда дикой природы: по оценкам экспертов, индекс живой планеты, который отражает численность популяций (разумеется, приблизительно) 3057 видов позвоночных, живущих в воде, на земле и в небе, по сравнению с данными 1970 года упал на 58%. Так как оценить результаты нашей жизнедеятельности? Кто мы такие, если сотворили это с живой природой? Уму непостижимо. Что мы за вид такой?

Еще один пример: изменение климата. Все знают, чем оно чревато. Вопрос в другом: как последствия изменения климата отразятся на качестве жизни почти 8 млрд населения нашей планеты. На данный момент в странах с высоким уровнем дохода потребление энергии составляет 4765 кг нефтяного эквивалента на душу населения в год. В странах с уровнем дохода ниже среднего этот показатель равен 639 кг. Так что же произойдет, если весь мир выйдет на наш уровень потребления? Технический прогресс способен решить многие проблемы, но не является панацеей. Следовательно, проблема выбора типа индустриализации и потребления для почти восьмимиллиардного населения развивающихся стран является важнейшей задачей для всех нас.

ВЛАСТЬ КОРПОРАЦИЙ

В связи с этим позвольте перейти к обсуждению концентрации глобальной корпоративной власти, ее выдающимся масштабам. Речь идет о компаниях, так как именно они, а не некая абстрактная идея, служат фундаментом глобализации. Власть корпораций основана на распространении глобальных деловых систем и глобальных инвестициях, но концентрация этой власти очень высока. Я уже приводил данные по расходам на НИОКР, поэтому сейчас ограничусь лишь двумя примерами, которые продемонстрируют уровень гегемонии компаний, чьи центральные офисы находятся в странах с высоким уровнем дохода (но необязательно с высоким уровнем производства). В списке 40 ведущих компаний в области автомобилестроения развивающиеся страны представлены всего двумя фирмами,

которые не являются автомобилестроительными в полном смысле этого слова. Одна из них, «Астра», занимается сборкой японских автомобилей и принадлежит эксцентричному господину, владельцу 18 000 акров охотничьих угодий в его родной Шотландии. «Астра» не может по сути считаться представителем развивающихся стран, так как занимается сборкой японских автомобилей для крайне защищенного рынка под компетентным руководством компании Jardines. Напомню, это одна из двух компаний, якобы представляющих развивающиеся страны. Вторая — Shanghai Automotive Industry Corporation (SAIC). Она не выпускает автомобили под собственной маркой. Вы когда-нибудь видели машины их производства в продаже? Разумеется, нет, потому что их нет в природе. SAIC — совместное предприятие, принадлежащее General Motors, «небольшой» американской компании, которая теперь производит большую часть машин в Китае, а не в США, и небольшой стаффордской компании Volkswagen. Таким образом, среди 40 крупнейших автомобилестроительных компаний и предприятий, осуществляющих сборку автомобилей, таких как Bosch, Harmon, Continental, Denso и пр., нет ни одного представителя развивающихся стран. Думаю, приведенный пример говорит сам за себя.

Тем временем связи между глобальной корпорацией и страной, в которой расположен ее центральный офис, становятся все слабее: пример 100 ведущих транснациональных компаний, таких как GE, Volkswagen и др., показывает, что доля их производственных мощностей и количество сотрудников по месту расположения головного офиса неуклонно снижаются. По аналогии с Рэйчел Карсон, задававшей вопрос «Как мы это допустили?», Сэмюэл Хантингтон вопрошал: «Как мы могли дойти до того, что наши компании больше не могут считаться частью нашей экономики и бюджетной системы?» Ведущие британские компании больше таковыми не являются. Например, лишь около 5% доходов крайне успешной WPP приходится на Великобританию. HSBC — британская компания, но свои основные доходы получает на Дальнем Востоке. Транснациональная компания Shell также была основана в Великобритании. Такова природа глобализации.

Все присутствующие без исключения являются частью мировой элиты. Подчеркну: абсолютно все. На

Не буду подробно останавливаться на вопросе классовой структуры общества. Отмечу лишь, что данные по глобальному неравенству поражают воображение. Представителей Credit Suisse Group эта статистика не может не радовать, ведь, по их оценкам, 1% богатейших людей планеты контролирует 50% мировых активов. 1% — прекрасная новость. Кстати, если вы очень обеспеченный человек — чего я вам искренне желаю — и хотите, чтобы вашими активами управляли ведущие специалисты в этой области, обратите внимание на то, что Standard Chartered Bank недавно объявил, что возьмется за управление частным капиталом, если он составляет не менее 5 млн долларов США. Здесь присутствуют далеко не бедные люди, но, по определению Standard Chartered Bank, богатым может считаться тот, на чьем банковском счете более 5 млн долларов. Прекрасный пример масштабирования в экономике: 1% контролирует 50%, а 50% из этого 1%... Наше общество характеризуется очень высоким уровнем неравенства, в основе которого — мировая элита.

У каждой страны есть возможность выбрать свой путь по преодолению неравенства из большого количества доступных вариантов, причем этот выбор не обязательно связан с разработкой промышленной политики, которая сопряжена с большим количеством проблем. Рассуждая о промышленной политике, призываю рассматривать примеры отдельных государств и конкретных отраслей. Например, какой должна быть промышленная политика Киргизии? Нужно ли ей строить большие пассажирские самолеты вслед за «Боингом»? Стоит ли конкурировать с Bosch? Есть ли необходимость в разработке своего устройства Google Android? Нет. Это неразумно. А если будут предприняты соответствующие попытки и они не увенчаются успехом, то это выльется в пустую трату национальных ресурсов, поэтому такие решения нужно принимать обдуманно. В Китае ситуация принципиально иная: население численностью 1,3 млрд человек создает возможности, которых нет ни у одной другой страны мира. Индия также обладает высоким потенциалом, но институциональная структура, необходимая для их полноценного использования, увы, отсутствует. Перспективы России выглядели многообещающе, но они были утрачены, и сегодняшние возможности значительно отличаются от тех, что были доступны в 1980-х.

входе в аудиторию установлена система электронного распознавания, которая без вашего ведома считывает информацию о вашем статусе, и раз уж вас допустили на это мероприятие, вы безусловно принадлежите к элите. Однако шутки в сторону: если вы учитесь, работаете, преподаете или просто приехали в Кембридж, чтобы хорошо провести время, — вы являетесь частью мировой элиты. Если вы прилетели сюда самолетом, это уже означает принадлежность к относительно небольшой группе избранных. Если вы получаете образование в Кембридже — мои поздравления. Но это очень дорогое удовольствие, за которое кто-то должен платить. Представители мировой англоговорящей элиты неизменно отправляют детей учиться в ведущие глобальные школы и университеты. По словам американского писателя Чарльза Райта Миллса, это — верный признак властвующей элиты.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

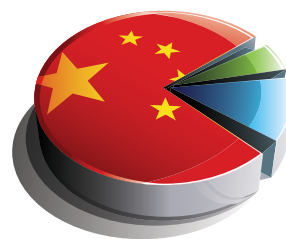
Аналогичные высокие уровни концентрации наблюдаются в самых важных стратегических направлениях глобальной финансовой системы. Отсюда вопрос: «Что делать?» У нас есть три пути: первый — революционный. По ряду вполне понятных и объективных причин в обществе всегда присутствуют элементы, предпочитающие насильственные изменения, но, скорее всего, революции не будет. В своей работе «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс писал: «Это возмущение скоро... выльется в революцию». После смерти Маркса в предисловии к англоязычному изданию этого произведения, опубликованному в 1892 году, Энгельс признал, что был не прав.

В Великобритании не было насильственного революционного переворота. Страна смогла эволюционировать, и теперь, когда мы анализируем текущее положение дел, встает вопрос о том, какие меры можно предпринимать на государственном уровне, чтобы решить острую проблему неравенства. Она сохраняется на уровне высших учебных заведений и частных школ, но в целом коэффициент Джини, рассчитанный на основании чистых доходов населения после уплаты налогов и перераспределения, на данный момент при консервативном правительстве составляет 0,3, что соответствует аналогичному показателю Китая за 1980 год. Уверен, если бы Маркс это

увидел, он бы воскликнул: «Молодцы! У вас все получилось, поздравляю! Вы пришли к социализму!»

Наконец, вопрос функционирования глобальных институтов. Следует ли упразднить Организацию Объединенных Наций? Нужно ли отказаться от выполнения условий Парижского соглашения и пойти по пути создания новых институтов? При желании многие проблемы могут быть решены на национальном уровне, как то вопросы социального обеспечения и перераспределения доходов, что послужило бы важным шагом к формированию однородного общества. Однако с точки зрения поиска ответов на глобальные вызовы альтернативы существующим глобальным институтам нет. Кроме того, они адаптируются к изменяющимся реалиям. Возьмем МВФ: права стран — членов организации распределены в крайне неравных пропорциях, но и здесь происходят перемены. Существующая процедура, предоставляющая США право вето, морально устарела. Это общепризнанный факт. Кроме того, весьма постыдно, что Кристина Лагард была переизбрана на второй срок, и члены организации это осознают. Еще один пример — очень важная структура, которая, разумеется, тоже далека от совершенства, — Совет по финансовой стабильности, образованный после наступления глобального финансового кризиса. Его основной чертой является активное участие Китая и Индии, которые работают над введением необходимых улучшений. Регулирование глобальной финансовой системы — сложная задача, требующая больших временных затрат. **Вз**

«Итак, на наших глазах из противоречий глобализации постепенно выступает образ нового общества, но, размышляя о том, какие изменения возможны, а какие желательны, нужно оперировать понятиями «инь» и «янь», видимой и невидимой руки рынка и баланса между конструктивными и негативными аспектами капиталистической глобализации с учетом особенностей конкретных стран: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, России и т.д.»

КОЭФФИЦИЕНТ ДЖИНИ ЧИСТЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ - 0,3

Если бы Маркс это увидел, он бы воскликнул: «Молодцы! У вас все получилось, поздравляю! Вы пришли к социализму!»

YING and YANG OF THE GLOBALIZATION

Peter Nolan

*Director, Centre of Development Studies
Chong Hua Professor in Chinese
Development
Director of the Chinese Executive Leadership
Programme (CELP)
M.A. (Cantab.), M.Sc., Ph.D. (London), CBE*

M

My talk will have four parts, each part quite short. First of all, some introductory comments. How do we view globalization? Capitalist globalization? What is the lens of the set glasses, spectacles, through which we look at capitalist globalization? And I think there are lenses that we can use, a set of glasses that we can use from both the East and West, and if we think about a lens that we can use from the East, we can travel back in time quite a long way 400-500 years, I say 'B.C.', but you know what I mean. And in China there was the school of thought called the School of Ying and Yang, and this remains deeply imbedded in oriental, especially Chinese, thinking. So the idea is that most phenomena contain two sides: ying — a dark side, so when one is talking about the economy and society, a greedy, selfish approach towards personal life, political life, economic life of the individual and the family. But that is balanced by yang, by an element in people that are selfless, try to work for the society and are not driven by greed and by lust for money. And life is about a complicated balancing of these forces into what Chinese philosophy calls the Middle Way. The Middle Way is not just compromise, it is dynamic interaction to produce beneficial outcome from these two forces.

In the West, we have not been very good, and by the

West I include Russia, I think Russia was a part of Europe, was not a part of the Orient, Russia conquered the Orient, but it was European Russia as a part of Europe for a long period of time — and we lived in a zero-sum world, where the world of ying and yang is far removed from, including Russia. The Swedish army was at the borders of Moscow in early 18th century, killing, decimating people along the way. So we are not very good at ying and yang and very good at a zero-sum violence. But the achievement of two of our greatest philosophical thinkers in the late 18th and early 19th century were remarkable for standing outside that view of the world and for thinking on a very different way. Adam Smith is highly dialectical, highly balanced between an understanding of the power of the invisible hand, power of market competition balanced with the ideas that were explored in the other book, *The Theory of Moral Sentiments*, which is about the importance of the most important characteristic, which is not self-interest, but benevolence, and he used the word 'love' and 'affection'. That is the highest level of impulse for human interaction, not the invisible hand.

And they are balanced in his writings in the most beautiful fashion in these two great books. Similarly, for Karl Marx the idea of the dialectic is central, and within

Marx is the continuous contradictory character of capitalism with its Darwinism, its progressive, its internationalist character, but also continuous contradictions out of which would emerge hopefully a better society, though Marx devoted very little attention and was very unwillingly talking about what was the concrete nature of that society. So those are the lenses — East and West — through which I will say a little bit in each of the succeeding segments of my talk.

POSITIVE IMPACT OF THE GLOBALIZATION

So, first of all, if we look at the capitalist globalization from a yang, a positive point of view, from the point of view that Darwinism and positive contribution of this extraordinary era of the development of capitalism. And before I think about the things that have transformed the lives of almost everybody in the world. Governments have played their role, US government, defense institutions have played their role, Western governments and universities have played their role, but the most important role has been the role of competition, particularly between a relatively small group of giant global corporations which have got bigger and more and more focused during this period, which fight each other in rivalrous oligopolistic competition, firms like Siemens fighting with GE, firms like Boeing fighting with Airbus, and these have driven competition, huge expenditure on

research and development, not all of which has been successful, but the existence of which has been and is necessary for competition in this world of globalization. European Union produces a study of the top 2500 companies in the world by Research and development spending, and this is almost all of the spending, more than 90% of all corporations in the world, that is their estimate. And within the 2500, 500 corporations account for 85% of the total: Toshiba, Google, Intel, Microsoft, Boeing, Airbus, etc. And that is the core of where modern innovation comes from, and it has been an immensely positive force for the world. Not only these companies produce those technologies, but through what we might call the advantage of the late-comer, through the impulse that Marx talked about in “The Communist Manifesto,” these companies have spread across the world.

So developing countries’ share of global GDP has more or less doubled during the era of globalization. The ladder has not been pulled up on development, it has been lowered, and developing countries have taken advantage of this to grow and prosper. If we look at the most important single synthetic indicator, the human development index, which Amartya Sen has made a very big contribution to, the human development index for developing countries has risen by 30% since 1990. Risen by 30%, not fallen by 20, or 10, or 50, but risen by 30%. That is not dark, in fact. That is a bright picture. If we look at poverty, a portion of the global population, the population below the poverty line of \$1.9 (2005 purchasing power prices) has fallen since 1990 from 44% to less than 15% today. It is an astonishing

So this process has produced enormous benefits for people across the world in developing countries, and there is a danger for those of us who are from high income countries facing challenges and from countries that have been decimated by the disaster, catastroika of looking at things from their understandable point of view. It is very different if you are from India, China, Brazil or Chile. If we look at the share of global GDP produced in different parts of the world, the picture is very different from the way most people understand it. Many people talk about the ladder of development has been pulled up. Developing countries have got poorer and poorer, relatively speaking. It is a very nice idea, but it is just wrong. If you look at the most authoritative database, the IMF’s World Economic Outlook Database — which is very carefully calculated in purchasing power parity terms which you can argue with — but that is the best data available. The share of developing countries in global GDP in 1980 was 36%. Is it today 25% or 20%? Multiple choice question. So it has come down, of course, but has it gone down from 36% to 30 or 25 or to 20? No. The answer is that it has risen to 58%.

progress for the world during the era of capitalist globalization. And it has been peaceful. It has been exactly as Marx talked about in “The Communist Manifesto”.

THE YING OF THE GLOBALISATION

But there is a ying and a yang to balance each other. So if we turn to look, if you like, at the dark side, the ying side of capitalist globalization, you do not have to look very far. So alongside this, we have seen a decimation in ways that vindicate the fears expressed by the fabulous American commentator on the environment Rachel Carson in her wonderful books about who are we if we can decimate the natural world around us. I do not know what she would have made of the World Wildlife Fund Living Planet Index. I cannot imagine because the latest figure for the World Wildlife Fund Living Planet Index, which records the global total, of course, the roughest of possible estimates, but very carefully done, of 3057 vertebrate species under the water, on the land and in the air. The index since 1970, they estimate, has fallen by 58%. Who are we? Who are we that we have done this to our living natural world? It is unbelievable. What kind of a species are we?

Climate change. Everybody knows about the prospects, and the question of what kind of lifestyle people who will soon be 8 billion people, what will their lifestyle be? At the moment, in the high income countries we consume 4765 kilograms oil equivalent of energy per person per year. In low middle income countries, the figure is 639. If the rest of the world going to consume in the way that we consume with all the stuff... Technical progress will solve a lot, but it will not solve everything. The question of the style of industrialization and consumption for what will soon be 8 billion people in developing countries is a fundamental issue for the world.

GLOBAL BUSINESS POWER

And now we come to the concentration of global business power, and it is extraordinary. And these are companies; globalization is about firms. It is not some

abstract concept that is just cracked across world. It has gone across the world through the spread of global business systems investing across the world, but it is very highly concentrated. I mentioned the figures for R&D expenditure. Let me just give you two examples to show just how dominant firms with their headquarters in the high income countries, but not for production systems, the headquarters in the high income countries are. If you look at the top 40 firms in the world in the automobile industry, there are only 2 from developing countries, and they are not really automobile firms. One is Astra, which actually is an assembly operation of Japanese vehicles owned by a very interesting gentlemen who is Scottish and owns 18,000 acres of shooting land in Scotland. It is not a developing country vehicle assembly. It is owned by Jardines, which is a very capable competent company, and they own Astra. Astra assembles Japanese vehicles in a highly protected market. And that is one of two companies out of 40. The other company is Shanghai Automobile Industrial Company (SAIC). It is not an automobile producing — have you ever bought a SAIC vehicle? of course not, they do not exist—it is a joint venture with two companies, with General Motors, that little American company which now produces more vehicles in China than America, and joint venture with the little Stafford company called Volkswagen. So that is what SAIC is. In other words, there are no companies at all in the top 40 companies of global autos and assemblies. That includes companies like, Bosch, Harmon, Continental, Denso, as well as the assemblers. I will not give any more examples.

And the relationship of the global firm to the home country has weakened and weakened and weakened. If you look at the top 100 companies in the world, transnational companies, including companies like GE, Volkswagen, etc., their share of the output assets and employment in their home countries has got small and smaller and smaller. Just as Rachel Carson asked, “Who are we?”, so the question was also asked by Samuel Huntington, “Who are we if our companies no longer are part of our domestic fiscal economy?” Leading British companies are not British companies. Company like WPP, which is immensely successful, has about 5% of its revenue in this country. HSBC is a British company, but most of its revenue is from the Far East. Shell is a global company, originally a British company. That is the nature of globalization.

Everybody in this room is a part of the global. Without a single exception. I mean at the door we actually have an electronic tag which you are unaware of which actually checks your status before you come into the room, so unawares you are all being tagged, and we know that you are all part of the global elite. By definition, if you are studying or working or teaching or partying in Cambridge, you are part of the global elite. You traveled here — the first thing, you got on the plane, which means that you must be part of a small group of the world. You are having an education in Cambridge, which is great, but it is very very expensive. Somebody is paying. So the global elite, English-language based, children going to global schools and global universities, and this is at the forefront. That is the reality of the global elite in the terms of Charles Wright Mills, the American author, based on which the power elite can be recognized. Finance. We can talk extensively about finance. Similar extraordinary high degrees of concentration in the most important commanding heights of global finance.

WHAT IS TO BE DONE?

The question is, “What to do?” And as Lenin said, “What is to be done?” There are three possibilities: one is violent revolution. You can understand why people feel so violent, and that is one path, but it is not very likely to be the dominant path. And indeed Engels, when he wrote “The Condition of the Working Class in England” in 1844 in German, he said, “This cannot last, there will be in this country (in Britain) violent

revolution.” After Marx had died, the introduction to the English language edition was published in 1892; in this, he said, “I was wrong.”

There was not a violent revolution in Britain. Something evolutionary happened in Britain. And if we think about Britain today, we think about what states can do and what they cannot do. Britain is a highly unequal country. Its universities, private schools are highly unequal, but if you look at the data on income after tax and redistribution, the Gini coefficient in this country today under conservative leadership is 0.3. 0.3 Gini coefficient after tax and redistribution is the same as China in 1980. I am sure if Marx came here today, he would have said, “You have done it! Well done! You have arrived at socialism! Congratulations!”

Then, finally, global institutions. Should we decimate the United Nations? Should we walk away from the Paris Agreement and create new institutions? We can do a lot at the national level, particularly, on social welfare and redistribution, creating the society that is homogenous if we wish to do so. But in terms of regulating the global problems, there is no alternative to existing global institutions. They are changing. If you look at the IMF, the voting rights are deeply unequal, but they are changing. They are indefensible. That America should have a veto. Everybody knows that. They are ashamed that Christine Lagarde was elected for a second term. It is just shameful. If you look at the most important institution, which is very imperfect, the FSB, the Financial Stability Board established after the global financial crisis, its main characteristic is that China and India are a part of it, and China and India are working to try to improve in a pragmatic way. Regulation of the global financial system — a long complicated story.

I will not say very much about class structure. Simply to say, the statistics on global inequality are incredible. The Credit Suisse Group is very happy because the top 1% of the world's population, they estimate, accounts for 50% of global wealth. Top 1%. That is very good news. By the way, if you are very rich, and you want your assets to be managed by one of the world's leading asset managers — I hope you are very rich — because Standard Chartered Bank just announced that nobody can be entitled to their privileged private wealth activities unless they have, I think, now \$5mln. I can see some wealthy people sitting around here, but you got to have, I think, \$5 mln. It is a great economies of scale, 1% of 50%, 50% of 1%. This is an extraordinary unequal world. At its heart is a global elite.

Individual countries have great autonomy in what they do in that space, that is very different from industrial policy. And the challenges for industrial policy are enormous. So when we think about industrial policy, let us think about concrete countries, concrete industries in particular places. So what does industrial policy mean for Kyrgyzstan? Are you supposed to build you Boeing aircraft? Are you supposed to compete with Bosch? Are you going to create your own Google Android? No? Not feasible. And if you try and fail, you waste resources for your country. You have to think very carefully. China is different. China has 1.3bn people and has possibilities that no other country has.

So out of the contradictions of globalization, we can see the shape of a new society, but in thinking about what is feasible and what is desirable, it is highly necessary to think in ying/yang terms, visible/invisible hand terms and about balance between the positive and the negative forces of capitalist globalization, especially if you are in a particular place. What does it mean for Kazakhstan? What does it mean for Kyrgyzstan? What does it mean for Tajikistan? And Russia?

НОМЕР

9 9 9 9

Что происходит с самым чистым русским золотом

Пока инвесторы рассуждают о том, нужно или не нужно «шортить золото», корреспондент Татьяна Зыкова привезла нам репортаж из почти магического места — аффинажного завода, где делают золотые слитки такой чистоты, которая и не снилась алхимикам.

СЛИТКИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

В цеху — ни шага в сторону: процесс аффинажа — это кислоты, щелочи, свинец, печи, открытый огонь, температура плавления 1350 градусов — зрелищно, красиво, опасно. «Золото — металл магический, завораживает», — предупреждает нас директор крупнейшего в России Приокского завода цветных металлов (АО «ПЗЦМ») Владимир Сонькин. И правда, завораживает, когда плавильщики разливают ковшами жидкую золотую массу по мерникам. Картина не для слабонервных: «розлив» вручную будущих банковских слитков.

Спустя несколько часов масса загустеет, остынет и превратится во вполне осязаемый золотовалютный запас страны. Слитки высшей гостовской пробы 999,9, весом от 11 до 13 кг завтра пополнят хранилища Центрального банка Российской Федерации, Гохрана, коммерческих банков, будут торговаться на мировых площадках драгметаллов.

Расположенное в старинном русском городке Касимове, что в Рязанской области, предприятие производит до 66 тонн золота ежегодно. Плюс серебро, платину, палладий, осмий, иридий и другие металлы платиновой группы.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС

В круговороте драгоценных металлов аффинажные заводы занимают главное место, потому как из кусков руды и песка здесь извлекают золотые сокровища страны. Очищают от примесей с помощью хлора и «царской водки» (смеси азотной и соляной кислот). И так слиток за слитком.

За смену выплавляют в среднем полтонны золота.

Руда, когда ее добывают, содержит золота всего три грамма на тонну. На завод она поступает уже обогащенной — в такой породе до 60–80% золота. Но и той, что привозят на переработку, нужно несколько плавок и очищения, чтобы золото получило свой сияющий солнечный цвет. Спектр готовой продукции — золото во всех его состояниях — порошки, гранулы, пластины, «кондитерская» фольга, полосы, проволоки, прутки.

Заводские технологии позволяют перерабатывать минеральное и вторичное сырье с особыми свойствами для медицины, науки и быта, отходы ювелирного производства, радиоэлектронный лом. Все это — золотой фонд страны.

РЕКОРД ПО ЗАПАСАМ И ЦАРСКАЯ ОЧИСТКА

Россия в 2017 году побила все рекорды по инвестициям в физическое золото. Центральный

банк только за февраль 2017 года приобрел почти 30 тонн этого драгметалла. В золотовалютных резервах ЦБ сейчас накоплено не менее 1645 тонн желтого металла. Запасы золота в хранилищах российских банков за 2016 год увеличились в 2,1 раза — до 69,8 тонны, следует из отчетности кредитных организаций. Наибольший вклад внес ВТБ — его золотые запасы пополнились на 26,1 тонны (в 2,4 раза), до 45,5 тонны.

Одна из причин повышенного интереса частных и государственных российских банков к золоту — санкции и нестабильная геополитическая обстановка. Банки опасаются ареста активов за рубежом и предпочитают инвестировать в золото, поясняют эксперты. Нарастает золотой запас и Банк России. За 2016 год ЦБ увеличил запасы золота в международных резервах на 199,1 тонны, или на 14,1%.

АФФИНАЖНЫЙ УРОВЕНЬ

За последние пять лет преобразился и Приокский аффинажный завод. Работа здесь — мечта местных жителей. Вакансий ждут и областные специалисты, и профессионалы — технологи из других российских регионов. Зарплата под 70 тысяч рублей, бесплатная столовая, лечение, санаторий под боком, обучение в столичных вузах талантливой молодежи под целевой кадровой новаторский резерв — эти социальные преференции манят. От простых рабочих и бухгалтеров до ученых — химиков и технологов.

Руководство, в свою очередь, нацеливает кадры на инновации за счет создания собственной научно-производственной базы. Заводские изобретатели придумали и запатентовали несколько ноу-хау, позволяющих перерабатывать сырье за короткий цикл, без ущерба для экологии, по конкурентным ценам. Благодаря этому ПЗЦМ может наращивать производство, увеличивать количество готовой продукции.

ПРОБЛЕМЫ СБЫТА

Сейчас мощности одного из крупнейших в России и Европе аффинажных заводов полностью не используются.

В 2016 году экспорт золота сократился с 140 до 48 тонн. Помимо того что золото в виде слитков накапливается внутри страны, еще несколько десятков тонн покупают ювелиры и предприятия по производству товаров оборонного и промышленно-технического назначения. Между тем только один Приокский завод готов перерабатывать и продавать все добываемое в стране золото, а это 290–300 тонн в год. «И более 1000 тонн серебра», — добавляет директор завода Владимир Сонькин.

Кроме Приокского аффинажного завода за каждую тонну драгоценного сырья борются еще 10 аффинажных российских заводов-конкурентов. Все они — режимные стратегические объекты, которые обеспечивают безопасность государства в случае чрезвычайных ситуаций. Золото в войну меняли на хлеб, на вооружения.

ГАРАНТИЙНЫЙ ВЗНОС МЕШАЕТ

Решение проблемы загрузки мощностей участников этого специфического рынка видят в исполнении заказов для иностранцев и использовании импортного сырья. Для этого его нужно ввозить в Россию в виде «давальческого» сырья и после очистки (аффинажа) отправлять обратно зарубежным заказчикам.

Но на пути открытых зарубежных рынков стоит гарантийный взнос на депозит, который обязаны платить аффинажные предприятия при ввозе чужого сырья на переработку. «Непосильная сумма, даже если взнос возвращается через три месяца», — говорит Сонькин. Участники рынка предлагают внести поправки в Налоговый и Таможенный кодексы. В частности, обнулить таможенные пошлины для аффинажных заводов при ввозе на переработку иностранного сырья, отменить налог на добавленную стоимость при продаже слитков из драгметаллов банкам. Казахстан это уже сделал.

СКОЛЬКО МОГЛИ БЫ ПОЛУЧИТЬ

Будучи финансистом, Сонькин подсчитал, что только налог на прибыль одного завода мог бы принести в региональную и федеральную казну несколько сот миллионов рублей.

В пример игроки рынка приводят Швейцарию, которая, не имея добычи и месторождений золота,

тем не менее перерабатывает его в готовые слитки до тысячи тонн в год. Россия, одна из уникальных стран в мире, где золото и добывают, и перерабатывают, такой шанс заработать для бюджета, бизнеса и граждан упускает, считают представители аффинажной отрасли.

ЗОЛОТО В РЕЗЕРВАХ

По текущим котировкам, стоимость драгметалла в резервах ЦБ России составляет около 63,5 млрд долларов, или около 16,5% всех ЗВР России. По сравнению с 2014 годом, когда общий вес драгметалла в запасах не превышал 10% и всего за три года увеличился на 6%, в абсолютном выражении стоимость выросла более чем на 23 млрд долларов (почти на 50%).

ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СЛИТКАХ

Поправить ситуацию может и дремлющий спрос населения на физическое золото в слитках. Об этом корреспонденту «ВЭ» рассказали в Объединении аффинажных заводов России. Его участники предлагают налоговые послабления покупке-продаже мерных драгоценных слитков физлицам. А именно — обнуление НДС. Предложения сформулированы и обсуждаются на экспертной группе в Минфине, уточняет заместитель главы Объединения Сергей Дяченко.

Сегодня физические лица, как правило, хранят накопления либо в банках под процент, либо дома, в наличных рублях и валюте. Покупка-продажа драгоценных слитков разнообразила бы ограниченные инвестиционные возможности, тем более на фоне снижения спроса на ювелирные золотые украшения, когда не нужна очередная красивая брошь или монета.

С одной стороны — кризис, и отечественные ювелиры стараются удешевить на выходе свою продукцию. С другой — меняются потребительские ценности. Вместо фамильных драгоценностей — золота и бриллиантов — родственники и друзья чаще балуют близких телефонами и смартфонами, людей постарше — инвестиционными золотыми монетами. Гораздо ликвиднее — простой двухсотграммовый кусок химически чистого золота 999,9, который можно в любой момент купить-продать, как шоколадку», — поясняет Дяченко.

ЛИКВИДНОСТЬ ЗОЛОТОЙ ШОКОЛАДКИ

«Мерный слиток 200–300 граммов — ликвидный инвестиционный актив во всем мире. Например, в Германии в прошлом году в виде инвестиционного металла частным лицам банки продали 113 тонн золота. В Швейцарии — 50 тонн. Это на 20 млн жителей этой страны», — отмечает Сергей Дяченко.

На вопрос, зачем иностранцы скупают слитки, говорит, что одним из мотивов является стабильность этих инвестиционных инструментов. Стоимость драгметаллов в долгосрочной перспективе растет, показывая высокую инвестиционную доходность. При глобальных торговых и валютных

войнах в мире, неустойчивости доллара и евро только старое и доброе золото на пике будущих кризисов выручит как все человечество, так и отдельных граждан.

По данным Всемирного совета золота, в мире ежегодно производится около 4 тысяч тонн желтого металла. В виде слитков продается тысяча с лишним тонн, то есть 25% от добытого металла. По расчетам аффинажных предприятий и исходя из мировой практики, из около 300 тонн ежегодно добываемого в России золота как минимум 20%, или 60 тонн, можно было бы продавать частным инвесторам.

В странах ЕС статус слитков прописан в налоговой директиве в качестве «инвестиционного металла». Указано, что, покупая-продавая слитки через банки или биржи, владельцы ничего не теряют. «Если государство обнулит НДС при продаже слитков населению, то бюджет получит дополнительный доход. А аффинажные заводы — мощный толчок к развитию», — говорит Дяченко.

ПРОТИВ ЛОМА

Еще один дополнительный источник загрузки мощностей аффинажных заводов — сбор лома и отходов, содержащих драгметаллы. Участники аффинажного рынка предлагают лицензировать и учитывать в специальном реестре деятельность компаний и индивидуальных предпринимателей по скупке, сбору и сдаче драгоценного лома. По закону предприятия, которые работают с драгоценными промышленными металлами, обязаны сдавать на переработку остатки лома. В России таких предприятий более двух тысяч, а еще 200 тысяч мелких фирм — профессиональных сборщиков разного рода технического лома — радиоэлектронного, оборонного, медицинского, ювелирного, которые «вытравляют» из него полупродукты и сдают на аффинажные предприятия. А там драгоценные металлы очищают и возвращают в хозяйственный оборот.

В последние годы учет и контроль за рынком драгоценного лома и отходов нарушен. Причин несколько, они требуют отдельного анализа. В итоге государство четко не знает, сколько драгметалла гуляет по стране.

«Объемы, которые попадают на аффинажные предприятия, не соответствуют объемам, которые туда должны попадать. В год лома и отходов сдается на аффинаж должно не менее 20 тонн. Это приблизительная цифра. Сдается в разы меньше. Определить, сколько не сдается, очень сложно. Учета нет», — говорит Дяченко. Нелегальный рынок, предупреждает он, разросся и может достичь огромных размеров. Предприниматели не оформляют сделки. Многочисленные фирмы самостоятельно переплавляют лом и отходы в кустарных условиях. Механизма борьбы с теми, кто незаконно собирает лом, нет. Ассоциация аффинажных заводов предлагает ввести лицензирование сбора лома и отходов,

особую государственную политику в этом направлении. Сергей Дяченко напоминает, что в 2012 году из-за многочисленных нарушений правительством было введено лицензирование сбора и переработки лома цветных и черных металлов. Как показала практика, за четыре года ситуация со сбором лома цветного и черного металла нормализовалась: никто не ворует водопроводные люки на улицах, не снимает провода.

Криминал переключился на рынок драгоценного лома и отходов — растут незаконные схемы скупки ювелирных изделий за наличный расчет, минуя ломбарды, участились кражи, переплавка без необходимой очистки, вторичный ввод в оборот золотых изделий без уплаты налогов. **ВЭ**

Автор: Татьяна Зыкова

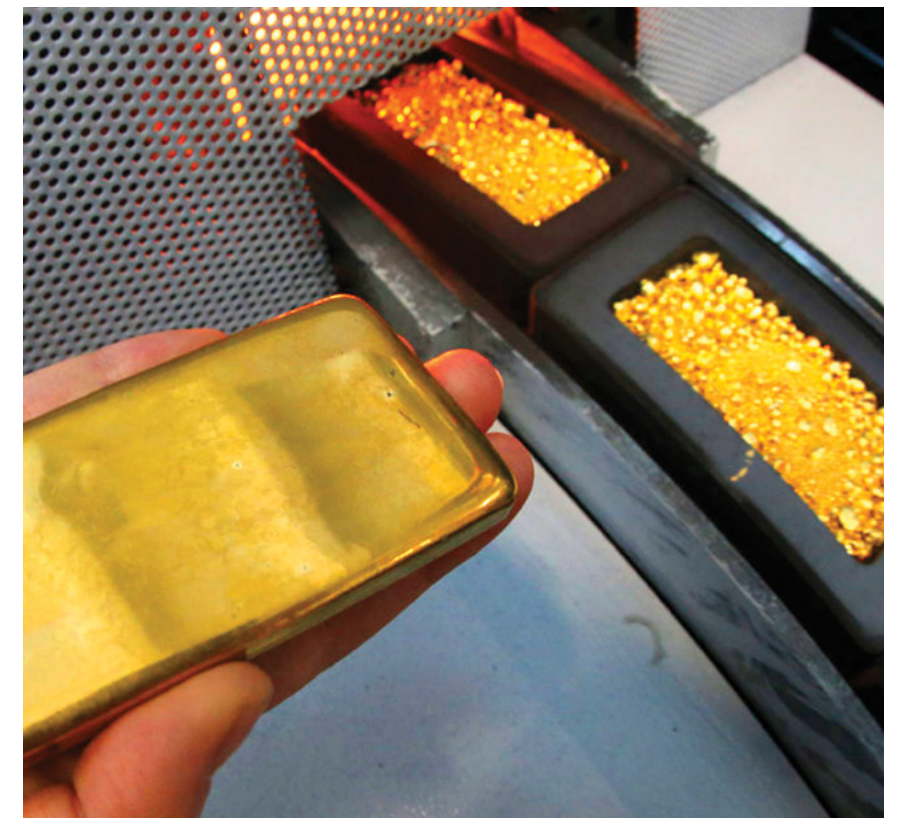
Фото: Виктор Васенин, «Российская газета»

СПАД ПРОИЗВОДСТВА

ОПРОБОВАЛИ И ЗАКЛЕЙМИЛИ

2014 год	99 тонн изделий из золота и 251 тонну — изделий из серебра
2016 год	51 тонну и 183 тонны соответственно

Падение доходов от госпошлины — с 1 млрд до 666 млн рублей

НЕ В ПРОЦЕНТАХ СЧАСТЬЕ

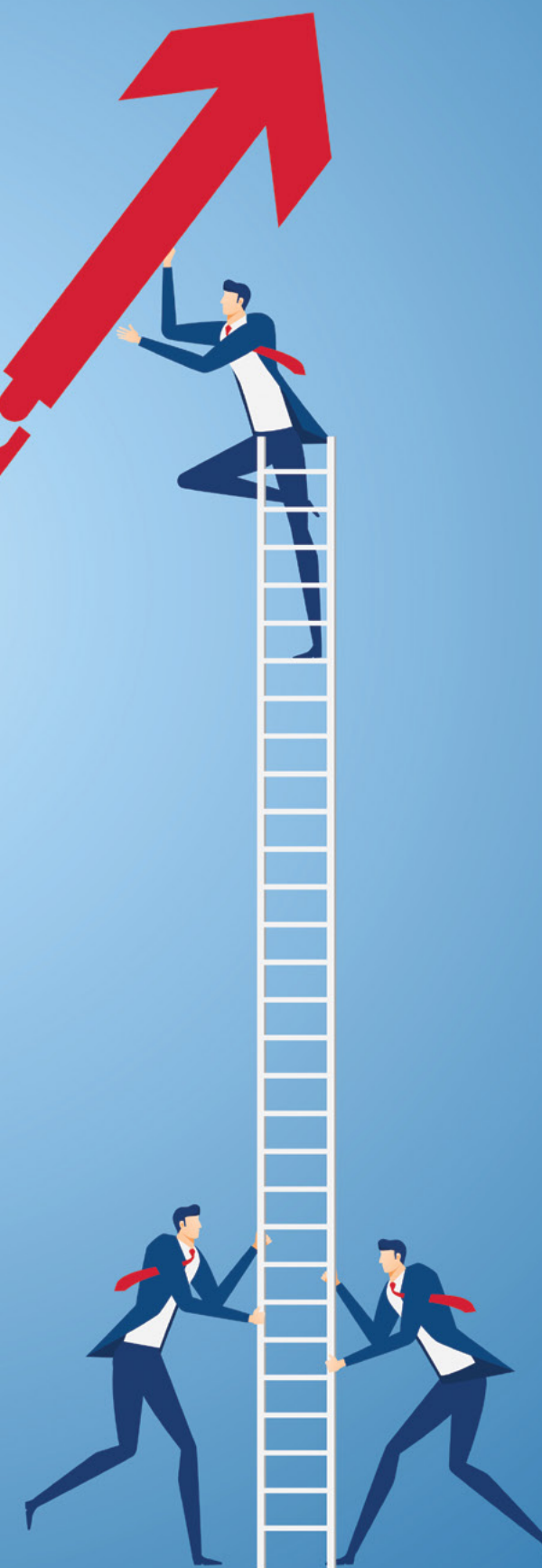
Цифра темпов роста ВВП сама по себе не делает экономику сильнее

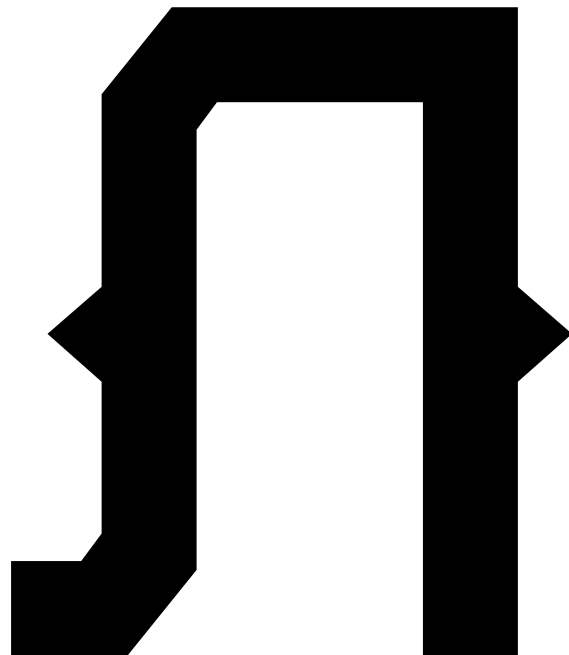

Михаил Эскиндаров,
ректор Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук

Дмитрий Сорокин,
член-корреспондент РАН,
научный руководитель Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации

ЛУКАВЫЕ ЦИФРЫ РОСТА

Сообщения о том, на сколько десятых долей процента изменился ВВП за последний месяц в той или другой стране, неизменно занимают верхние строчки в экономических новостях средств массовой информации. Оценки и прогнозы динамики этого показателя — обязательная часть выступлений как зарубежных, так и отечественных экономических властей и экспертов. При этом подразумевается, что именно высокие темпы прироста ВВП, его размеры прямо и непосредственно обуславливают и прирост экономической мощи страны, и приближение наступления всеобщего благосостояния для ее населения.

На протяжении последних двух лет мы неоднократно слышали, что ВВП России в своем падении вот-вот достигнет дна, восприняли как победу его снижение в прошлом году на 0,2% вместо первоначально прогнозируемых -0,6% и с надеждой ожидаем, что в нынешнем году его рост составит то ли 0,6%, то ли целых полтора процента. Различные группы экспертов готовят предложения для правительства о том, как ускорить рост ВВП до уровня выше среднемирового (одни обещают это после 2019 года, другие через два года, а самые радикальные уже в следующем году). Однако все ли так однозначно?

В период 2000–2008 гг. среднегодовой прирост российского ВВП составлял примерно 7% в год, что вдвое превышало среднемировые темпы. Это позволило не только восстановить его объем, потерянный

в ходе экономической катастрофы 1990-х гг., но и превзойти его докризисный уровень почти на 18%. На этой базе росли и реально располагаемые денежные доходы населения (денежные доходы за вычетом обязательных платежей и с поправкой на рост потребительских цен), которые к 2008 г. превосходили докризисный уровень на 16%. Но это в среднем.

А как обстояло, например, дело с теми 29% населения, чей доход в 2000-м был ниже «черты бедности» (прожиточного минимума, определяемого по цене минимальной потребительской корзины). Согласно данным статистики, доля такого населения снизилась к 2008 г. примерно до 13%. Казалось бы, хорошая динамика. Но надо иметь в виду, что в 2000-м прожиточный минимум составлял примерно половину среднедушевого денежного дохода, а в 2008-м — примерно треть. А вот доля населения, имеющего доход менее половины среднедушевого, осталась на уровне 2000 г. — 29%. Если при этом иметь в виду, что цены на жилищно-коммунальные услуги, на которых не сэкономишь, выросли в 11 раз, на услуги по дошкольному воспитанию более чем в шесть раз, на образование — более чем в четыре раза и на медицинские услуги — почти в пять раз, то ясен ответ на вопрос: вышли ли из числа бедных — не в статистике, а в реальной жизни те, кто имел к 2008 г., как и в 2000-м, не более половины среднедушевого дохода? В целом же потребительские цены на товары, которые приобретает наименее доходная группа населения, увеличились в 3,5 раза, в то время как на товары, приобретаемые наиболее высокодоходной группой, — в 2,9 раза. В результате, если превышение средних денежных доходов 10% наиболее

высокодоходного населения по сравнению с 10% населения, имеющего наименьшие доходы (сразу оговоримся, что в этот счет не включаются сверхбогачи и бомжи), в 2000 г. составляло 13,9 раза, то в 2008-м — 16,6 раза. Это значит, что богатые в большей степени пользовались результатами роста ВВП, чем бедные.

Если считать, что рост ВВП автоматически приближает к всеобщему счастью, то как объяснить тот факт, что в период с 2000 по 2008 г. естественная убыль населения (разница между рожившимися и умершими) оказалась более чем на миллион человек больше, чем за предыдущие восемь лет экономической катастрофы, а население страны сократилось на 3,6 млн человек против 2,3 млн в предшествующее восьмилетие? Наконец, как объяснить то, что превышение докризисного уровня ВВП на 18% произошло в условиях, когда объемы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции к 2008 г. оказались примерно на 15% ниже уровня 1991 г., в том числе обрабатывающих производств — на 17%, а объем строительных работ — на 8%?

ВСПОМИНАЕМ МАТЧАСТЬ

Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, как определяется размер ВВП. Этот показатель был предложен в 1934 г. эмигрировавшим из России американским экономистом Саймоном Кузнецом, получившим в 1971-м Нобелевскую премию по экономике за

«эмпирически обоснованное толкование экономического роста, приведшее к новому, более глубокому пониманию экономических и социальных структур, и процесса развития». Пусть простят профессионалы от статистики за огрубленность, но, оставляя в стороне тонкости счета, в житейском смысле — это сумма цен всех произведенных продуктов и оказанных услуг в течении определенного промежутка времени, потребленных внутри страны и проданных за рубеж. Отдельную проблему составляет учет продуктов и услуг, производимых в теневом секторе экономики, и тех, что не получают денежного выражения (например, вы своими силами произвели ремонт автомобиля). Для обеспечения сопоставимости ВВП в разные годы его величина корректируется с учетом изменения цен в сравниваемые периоды (получаем ВВП в сопоставимых ценах).

За счет чего был обеспечен высокий темп роста ВВП в 2000–2008 гг.? Минэкономразвития и в тот период, и позже справедливо отмечало, что не менее половины прироста ВВП обеспечивалось высокими темпами прироста экспортных нефтегазовых доходов. Позже падение ВВП в 2009 г. и последующее замедление его роста с перерастанием в падение в 2015–2016 гг. объяснялось сокращением этих доходов. Ныне надежды на более высокий темп прироста ВВП опять связываются с тем, что цена на экспортную нефть окажется не 40 долларов за баррель, как предполагалось, а около 50.

Все это написано для того, чтобы читатель (не экономист) уразумел: величина ВВП, темп его прироста и даже объем ВВП на душу населения показывают важные вещи, прежде всего, динамику эко-

ЗА СЧЕТ ЧЕГО БЫЛ ВЫСОКИЙ ТЕМП РОСТА В 2000–2008 ГОДУ?

И в тот период, и позже Минэкономразвития справедливо отмечало, что не менее половины прироста ВВП обеспечивалось высокими темпами прироста экспортных нефтегазовых доходов.

номической активности в стране. Конечно, эти величины в определенной степени отражают и величину реального национального богатства и реального благосостояния граждан. Но только в определенной степени, если угодно — косвенно. Так, при падении ВВП в 2009 г. на 7,8% благодаря принятым государством мерам реально располагаемые денежные доходы населения не только не снизились, но даже выросли на 3%. В то же время в 2011 г., когда прирост ВВП составил 4,3%, реально располагаемые денежные доходы возросли только на 0,5%. В нынешний кризис при падении ВВП в 2015 г. на 2,8% реальные денежные доходы сократились на 3,2%, а в 2016 г. при сокращении ВВП только на 0,2% эти доходы упали сразу почти на 6%. Ни темпы прироста ВВП, ни его абсолютная величина ничего не скажут о том, какие конкретно продукты и услуги были произведены, как они были распределены и использованы, в общем, насколько стало лучше в материальном, культурном и безопасном смысле жить населению страны, как в целом, так и составляющим это население социальным группам, и каковы дальнейшие перспективы в этой области. Для того чтобы это знать, надо представлять, за счет каких источников создается ВВП, какова технологическая структура производства и состав производимых продукции и услуг, как обстоят дела с занятостью, условиями и содержанием труда и как распределяются доходы и ответственность населения, какова экологическая обстановка в стране и состояние ее природных ресурсов и т.д. и т.п.

ВВП НЕ ДАЁТ РЕАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИКЕ

В начале 2008 г. по инициативе тогдашнего президента Франции была создана — под руководством нобелевских лауреатов по экономике Джона Стиглица и Амартия Сена и профессора Жан-Поля Фитусси — Комиссия по измерению эффективности экономики и социального прогресса, в которую также вошли многие известные экономисты, работающие по разные стороны Атлантики. Создание Комиссии было вызвано тем, что, несмотря на высокие темпы роста мировой экономики, измеряемые в динамике ВВП, и опирающиеся на них радужные прогнозы, «неожиданно» наступил масштабный финансово-экономический кризис. В докладе был сделан однозначный вывод, что фетишизирование ВВП, подчинение экономической политики его росту не дает реального представления о состоянии экономики и, следователь-

но, не только не поведет общество к благосостоянию, но и грозит негативными последствиями для его будущего. Кстати, об этом предупреждал и «конструктор» показателя ВВП Кузнец, неоднократно отмечавший несостоятельность отождествления роста ВВП с ростом экономического и социального благосостояния.

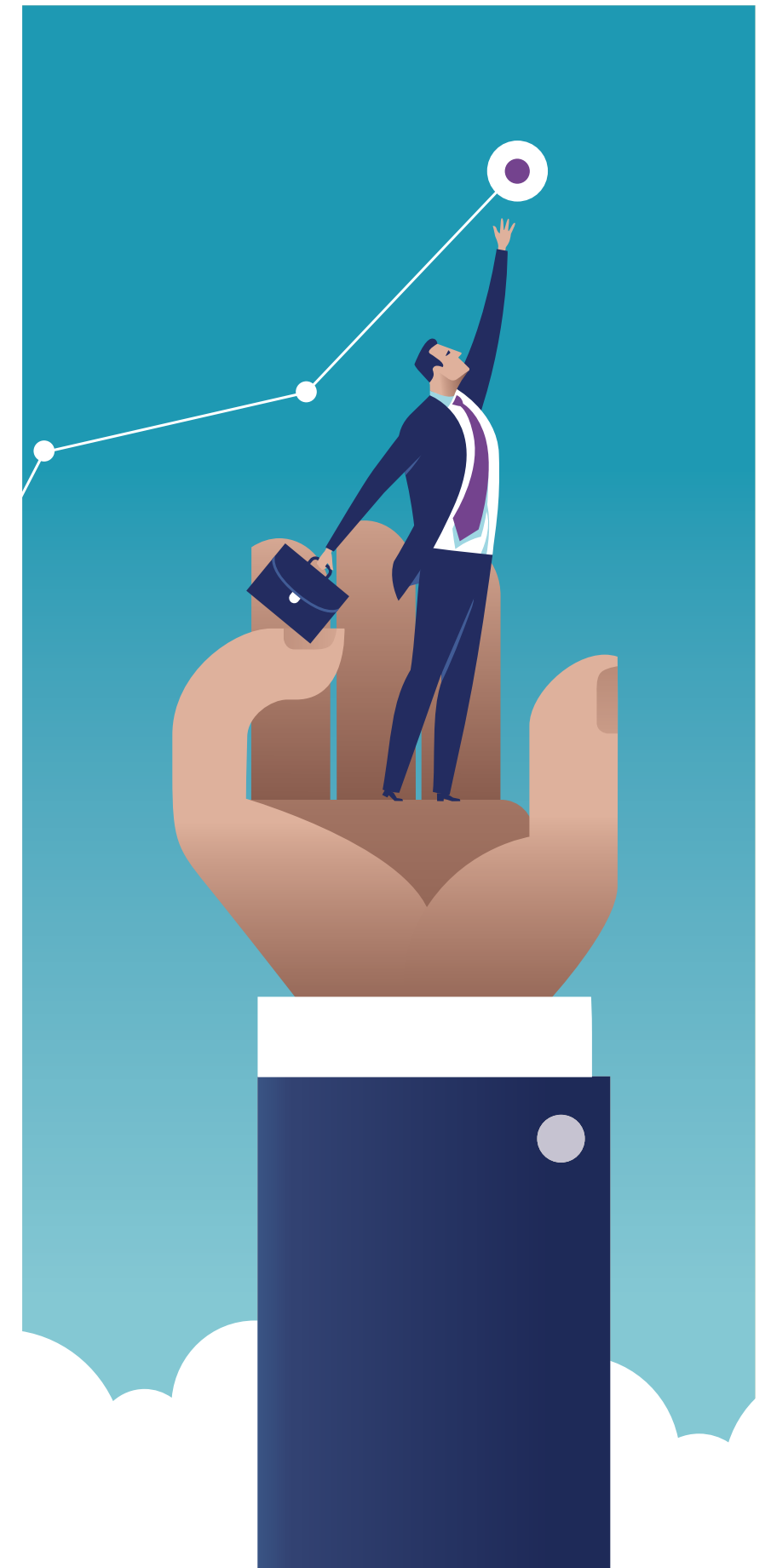
Представляется, что нынешние составители прогнозов, планов, программ экономического роста страны во главу угла должны ставить именно конечные цели, продвижение к которым и будет означать устойчивый рост благосостояния страны и ее граждан. Это — показатели продолжительности жизни, обеспечения достойных условий и содержания труда, позволяющие наращивать производство конкурентоспособной продукции, решения жилищной проблемы, получения образования и расширения возможностей доступа к культурным ценностям, преодоление избыточной бедности и дифференциации доходов, сохранения и улучшения состояния природной среды, био- и природных ресурсов и, конечно, безопасности в самом широком смысле. Определив параметры этих (далеко не полно перечисленных) целей, исходя из имеющихся ресурсов, можно будет определить этапы (сроки) движения к ним и продумать экономические и организационные меры (механизмы), обеспечивающие движение в заданном направлении. Выраженное в ценовых параметрах движение и определит динамику ВВП. При ином подходе, когда во главу угла ставится рост ВВП, необходимость тех или иных мероприятий, их очередность будут определяться не тем, как они влияют на благосостояние общества, а, прежде всего, тем, какой вклад они внесут в повышение темпов роста ВВП. Так, мы часто слышим, что вложения в образование и науку дают большой эффект для роста ВВП. Но нелишне задать вопрос: когда этот эффект проявится? Через год? Через два? Понятно, что отдача от этих вложений, выраженная в росте ВВП, будет получена в более длительной перспективе. Но если главным становится немедленное увеличение ВВП, то расходы на эти цели будут выглядеть как вычет из всегда ограниченных ресурсов, а значит, неминуемо подвергнутся сокращению (секвестированию). Именно такой подход мы видим в последнем (ноябрь 2016 г.) прогнозе Минэкономразвития до 2019 г., в котором увеличение темпов роста ВВП до уровня среднемировых (так называемый целевой вариант) «предполагает сдерживание в первые годы прогнозного периода роста расходов на потребление, социальных обязательств государства». Может, так оно и произойдет. Но что будет потом, за пределами 2019 г.? Мы это уже проходили, когда ради высоких темпов роста ныне живущим предлагалось «затянуть пояса». Известно, чем это кончилось — крахом советской экономики.

Вообще для ускоренного роста ВВП можно предложить простой рецепт. Пусть сознательные жены сознательных членов партий, представленных в обеих палатах Федерального Собрания, государственных и муниципальных служащих и всех тех, включая экономических обозревателей, кто по долгу службы или внутреннему убеждению отождествляет рост ВВП с приближением к всеобщему счастью, немедленно зарегистрируют себя в качестве индивидуальных предпринимателей по оказанию бытовых услуг. Во-первых, сразу можно будет отчитаться о резком росте малого бизнеса. Во-вторых, сознательные мужья теперь будут не просто отдавать своим женам свою зарплату и прочие доходы, а оплачивать им те самые бытовые услуги, которые жены, как правило, оказывают в семье (прейскурант цен, или как сейчас принято говорить — «прайс-лист», на любую из этих услуг можно найти в интернете). Надо ли говорить, как сразу увеличится ВВП страны? Правда, ни на одну тарелку борща больше в стране произведено не будет. Но это уже не столь важно, коль решена задача роста ВВП.

50 лет назад вышла книга широко известного и почитаемого в мировом экономическом сообществе Джона Кеннета Гелбрейта «Новое индустриальное общество». В ней он, в частности, писал, что валовые (объемные) стоимостные показатели (в то время ими были национальный доход и валовой национальный продукт) являются для тех, кто занят формированием экономической политики «единственным мерилем социальных достижений. Таков современный критерий добра и зла. Предполагается, что святой Петр задает тому, кто стучится в ворота рая, лишь один вопрос: что ты сделал для увеличения валового национального продукта?». Неужели рост экономической грамотности за прошедшие годы заключается лишь в замене в вопросе святого Петра слова «национальный» на «внутренний»?

Конечно наращивание ВВП темпами выше среднемировых для нашей страны — жизненная необходимость. Однако, если это наращивание будет следствием роста цен на наш энергосырьевой экспорт, наращивания выпуска устаревшей продукции, действий, подрывающих перспективы устойчивого развития страны, и т.п., то — что бы ни показывала статистика — для страны это будет отрицательный результат. Нам необходим рост ВВП как результат роста конкурентоспособности экономики и благосостояния граждан, преодоления избыточной социально-экономической дифференциации населения и регионов и всего того, что ведет к росту числа счастливых людей, гордящихся своей страной.

PERCENTAGE WILL NOT MAKE YOU HAPPY

GDP Growth Rate As Such Will Not Make Economy Stronger

Mikhail Eskindarov,

*Rector of the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Doctor of Economic Sciences*

Dmitry Sorokin,

*Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,
Research Supervisor of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation*

DECEITFUL GROWTH RATE FIGURES

Reports on whether the GDP of a particular country has changed over the last month, and by how many tenths of a percent, invariably make the headlines of economic news. Estimates and forecasts of the dynamics of this indicator are an obligatory part of speeches delivered by economic authorities, both foreign and domestic, and experts. At the same time, it is implied that it is precisely the high rates of GDP growth and its size that directly determine the upsurge in the country's economic power and the arrival of the overall prosperity for its population.

We have repeatedly heard over the last two years that Russia's GDP in its decline is about to reach the "bottom", we considered as a victory its decline by 0.2% over the last year instead of the originally projected 0.6%, and we expect and hope that it will grow by either 0.6% or even as much as 1.5% this year. Various groups of experts have prepared proposals for the government on how to accelerate GDP growth to a level higher than the world's average (some promise this after 2019, others in 2 years, and the most radical of them say next year). But is everything so straightforward?

During the period 2000-2008 the average annual increase in the Russian GDP was about 7% per year, twice the world's average. This made it possible not only to restore its volume lost during the economic catastrophe of the 1990s, but also to surpass its pre-crisis level by almost 18%. Real disposable incomes of the population (cash incomes less mandatory payments, adjusted for consumer price growth) grew as well, and by 2008 exceeded the pre-crisis level by 16%. But this is the average figure.

And what was, for example, the case with those 29% of the population whose income in 2000 was below the "poverty line" (the subsistence minimum determined by the price of the minimum consumer basket). According to statistical data, the share of such population decreased to about 13% by 2008. It would seem like a good dynamics. But we must bear in mind that in 2000 the subsistence minimum was about half the average per capita monetary income, and in 2008 — about a third. But the share of the population that has less than half the average per capita income remained the year 2000 level, 29%. Given that the prices for housing and utilities, which you cannot avoid paying, increased 11 times, for pre-school education services more than 6 times, for education more than 4 times and for medical services almost 5 times, it is clear how to answer the question: did those who by 2008, as in 2000, earned no more than half the average per capita income cease to be poor not in statistical sense but in real life? In general, consumer prices for goods which are acquired by the lowest-income group of population increased 3.5 times, while the prices for goods purchased by the highest-income group increased 2.9 times. As a result, if the excess of the average monetary incomes of 10% of the highest-income population over 10% of the lowest-income population (we note that the super-rich and homeless people are not included in this account) was 13.9 times in 2000, in 2008 it was up to 16.6 times. This means that the rich took advantage of the GDP growth to a greater extent than the poor.

If we assume that GDP growth automatically brings us closer to universal happiness, then how can we explain the fact that in the period 2000-2008 the natural decline in the population (the difference between the born and the deceased) turned out to be over a million people more than during the previous 8 years of economic catastrophe, and the country's population decreased by 3.6 million compared to 2.3 million in the previous eight years? Finally, how to explain that the 18% excess over

the pre-crisis GDP level occurred when the production rate in industry and agriculture turned out to be approximately 15% lower by 2008 than in 1991, particularly 17% lower in processing industries, and 8% lower in the construction industry?

READ YOUR TEXTBOOK

To answer these questions, let us recall how the GDP is determined. This indicator was proposed in 1934 by the economist Simon Kuznets, a Russian migr , who received the Nobel Prize in economics in 1971 for «an empirically substantiated interpretation of economic growth, which led to a new, deeper understanding of economic and social structures and the development process». It may sound too coarse to a professional statistician but, keeping aside the subtleties of the calculation, in the mundane sense it is the sum of the prices of all products produced and services rendered over a certain period of time consumed domestically and sold abroad. A separate problem is the accounting of products and services produced in the informal sector of the economy and those that cannot be expressed in monetary terms (for example, you repaired a car by yourself). To ensure the comparability of the GDP in different years, its value is adjusted taking into account the price changes in the periods being compared (GDP in comparable prices).

How was the high rate of GDP growth achieved in 2000-2008? The Ministry of Economic Development, both at that time and later, correctly noted that at least half of the GDP growth was attributable to high growth rates of oil and gas export revenues. Later, the decline in GDP in 2009 and the subsequent slowdown in its growth that turned into a decline in 2015 — 2016 was explained by a decrease in those revenues. Now the hopes for a higher rate of GDP growth are again connected with the expectations that the oil export price will be \$50 per barrel, and not \$40 as predicted.

All this is written in order for the reader (non-economist) to understand: the magnitude of GDP, the rate of its growth, and even the volume of GDP per capita show important things, especially the dynamics of the country's economic activity. Of course, these values to some extent reflect the magnitude of real national wealth and actual well-being of citizens. But only to a certain extent, indirectly, if you will. So, when the GDP fell by 7.8% in 2009, the real disposable monetary

incomes of the population not only did not decrease but even grew by 3% thanks to the measures taken by the government. At the same time, in 2011, when the GDP growth was 4.3%, real monetary incomes increased by a mere 0.5%. In the current crisis, with a 2.8% decline in GDP in 2015, real cash incomes fell 3.2%, while in 2016, a mere 0.2% decline in the GDP instantly resulted in almost 6% slump in those incomes. Neither the rate of GDP growth nor its absolute magnitude will say anything about exactly what products and services were produced, how they were distributed and used, or, in general, how much better life has become from financial, cultural or safety perspective for the country's population as a whole and the social groups that make up the population, and what the further prospects in this area are. In order to answer this question, it is necessary to know what makes up the GDP, the technological structure of production and the composition of the products and services produced, the situation with employment, working conditions and labor content, how the incomes and property of the population are distributed, the country's ecological situation and the state of its natural resources, etc., etc.

GDP GIVES NO REALISTIC DESCRIPTION OF THE ECONOMY

In early 2008, at the initiative of the then President of France, John Stiglitz and Amartya Sen, Nobel Prize-winning economists, and Professor Jean-Paul Fitoussi led the establishment of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress that was joined by many well-known economists working on both sides of the Atlantic. The establishment of the Commission was due to the fact that despite the high growth rates of the world's economy measured by changes in GDP, and the overly optimistic forecasts based on those measurements, a massive financial and economic crisis arrived “unexpectedly”. The report made an unambiguous conclusion that the fetishization of GDP and the dependence of the economic policy on its growth did not yield a realistic picture of the state of the economy and, therefore, not only would not lead the society to welfare but also threatened to have negative effects on its future. As a matter of fact, the “inventor” of the GDP indicator Kuznets warned about this, repeatedly

pointing out the fallacy of identifying the growth of GDP with the growth of economic and social welfare.

It seems that the current authors of forecasts, plans, and programs for the country's economic growth should focus on the ultimate goals, the attaining of which will mean a steady growth in the country's and its citizens' welfare. These goals include maintaining high life expectancy, ensuring decent working conditions and labor content that allow for an increase in the production of competitive goods, solving the housing problem, gaining access to education and expanding access to cultural values, overcoming excessive poverty and income differentiation, preserving and improving the state of the natural environment, bio— and natural resources and, of course, ensuring safety in the broadest sense. Having determined the parameters of these goals (the list of which is incomplete by far), based on the available resources, it will be possible to determine the stages (timeframe) of their accomplishment and to mull over the corresponding economic and organizational measures (mechanisms) ensuring movement in the right direction. Expressed in price terms, this movement will determine the GDP dynamics. With a different approach, when the growth of GDP is at the forefront, the need for certain actions and their order of priority will be determined not by how they affect the well-being of the society, but, above all, by the contribution they make to the increase in the GDP growth rate. Thus, we often hear that investments in education and science have a big effect on GDP growth. But it is not out of place to ask: when will this effect manifest itself? In a year? In two? It is clear that the return on these investments, expressed in GDP growth, will be obtained in the longer term. But if the immediate increase in GDP is all that matters, the expenditures for these purposes will look like a deduction from always limited resources, and will therefore be inevitably subjected to reduction (sequestration). The exactly same approach can be seen in the latest (November, 2016) forecast until 2019 by the Ministry of Economic Development, in which the increase in the GDP growth rate to the world average level (the so-called target option) “implies restraint in the growth of consumption and social spending during the early years of the forecast period”. Perhaps it will happen this way. But what will happen next, beyond 2019? There's nothing new in being asked to “tighten belts” for the sake of high growth rates. We know how it ended the last time — with the collapse of the Soviet economy.

In general, a simple recipe can be proposed to accelerate GDP growth. Let the conscientious wives of

the party members in both chambers of the Federal Assembly, government and municipal officials and all those, including economic observers, who by their duty or inner conviction identify the growth of GDP with the arrival of universal happiness, immediately register themselves as individual entrepreneurs to provide household services. First, it will be immediately possible to report a rapid growth of the number of small businesses. Secondly, conscientious husbands will now not only give their wives their salaries and other incomes, but also pay them for the same household services that the wives usually provide in the family (a price-current, or, as it is now customary to say, a price list for any of these services can be found online). Need I say how the country's GDP will immediately skyrocket? True, no more borscht will be produced in the country. But this is not so important, if the problem of GDP growth will be solved.

The book *New Industrial Society* by John Kenneth Galbraith, the author who is widely known and respected in the world economic community, was published 50 years ago. In this book he wrote, among other things, that for those who are busy shaping economic policy the gross (volumetric) value indicators (at that time they were the national income and the gross national product) are “the sole measure of social success. This is the modern criterion of good and evil. It is assumed that St. Peter asks everyone who knocks at the gates of paradise only one question: what have you done to increase the gross national product?” Does the growth of economic literacy in the past few years consist only in replacing the word “national” with “domestic” in the question of St. Peter?

Of course, making the GDP grow at a rate that is higher than the world average is a vital necessity for our country. However, if this gain results from higher prices for our commodity exports, increased output of obsolete products, actions that undermine the prospects for the country's sustainable development, etc., then — no matter what the statistics shows — this will have a negative impact on the country. We need to make the GDP grow by increasing the competitiveness of the economy and the well-being of citizens, by overcoming the excessive social and economic differentiation among different groups of population and regions, and by doing everything that leads to an increase in the number of happy people who are proud of their country.

HAPPENED IN FRANCE

Despite the high growth rates of the world's economy measured by changes in GDP, and the overly optimistic forecasts based on those measurements, a massive financial and economic crisis arrived “unexpectedly”

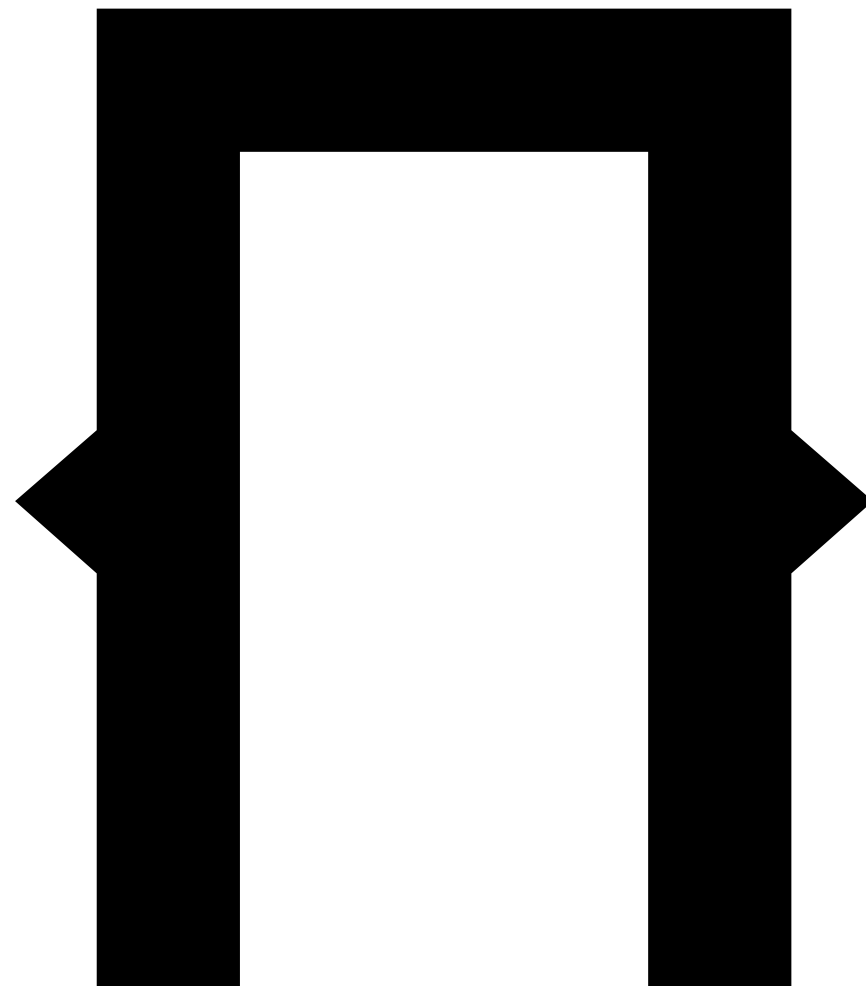

ИНСТИТУТЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Виктор Полтерович
Заместитель директора
Московской школы экономики МГУ
им. М.В. Ломоносова, заведующий
лабораторией ЦЭМИ РАН,
академик РАН

ПРОБЛЕМА УЛУЧШЕНИЯ ИНСТИТУТОВ

Как выйти из ловушки стагнации? Стандартная рекомендация — улучшать институты. Имеется в виду противодействие коррупции, сокращение доли теневого сектора, снижение административных барьеров, достижение прозрачности бизнеса, укрепление права собственности и т.п. В принципе, все эти цели достойны того, чтобы их добиваться. Беда в том, что успех в их достижении зависит от массовой культуры, от неформальных норм. Если неформальные нормы не поддержива-

Сопоставим, например, значения индикатора *rule of law* (измеряющего уровень законности) и темпы экономического роста для четырех стран: Белоруссии, Украины, Венгрии и Чили за период 2000–2012 годов. По уровню законности Беларусь наиболее отсталая из этих стран, а Чили — наиболее передовая, но тем не менее максимальный темп роста имел место как раз в Белоруссии. По сравнению с Украиной, если взять более широкий промежуток времени, разница совершенно фантастическая: в 1994 году белорус был на 4% богаче украинца, а в 2012 году — почти вдвое. Сравнение качества институтов и темпов роста Индии и Китая в послевоенный период приводит к аналогичному заключению.

ют реформу, то попытки ее реализации путем принуждения и контроля оказываются особенно затратными.

Многолетние перипетии закона № 94-ФЗ о государственных закупках или единого государственного экзамена демонстрируют, как мало шансов на улучшение «институтов» путем прямолинейного копирования западных механизмов. «Институциональная мода» среди исследователей, занятых задачами догоняющего развития, давно прошла. На первый план выдвинулись проблемы промышленной политики, выявления приоритетов, стимулирования экспортоориентированного роста. С другой стороны, улучшение институтов в указанном выше смысле не является ни необходимым, ни достаточным условием успеха догоняющего развития.

Конечно же, можно возразить, что качество институтов является лишь одним из факторов, которые влияют на рост. Это верно. Среди важнейших факторов — наличие институтов иного типа, способных работать при относительно низком уровне массовой культуры.

ИНСТИТУТЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ (ИДР)

Чтобы избежать ошибок при разработке стратегий, необходимо опираться на теорию в широком смысле этого слова: на абстрактные «модельные» разработки, на эконометрические исследования, на изучение опыта успешных стран. В каждом случае мы сталкиваемся с определенными ограничениями. Например, эконометрические расчеты позволяют сформулировать правдоподобные гипотезы, но не окончательные заключения, так как полученные с их помощью выводы справедливы «в среднем» по выборке, но не обязательно для каждого конкретного объекта. Более того, поскольку успех догоняющего развития редок, успешные страны нередко оказываются аутлайерами. Чтобы ответить на вопрос, как проводить реформы, очень важно опираться на опыт этих стран. Изучение этого опыта приводит к заключению о том, что целесообразно различать институты конкурентного рынка и институты догоняющего развития.

ИДР В ПЛОХОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Иницируя и поддерживая в течение некоторого времени экономический рост, они ускоряют эволюцию гражданской культуры, создавая условия для совершенствования институтов конкурентного рынка, и постепенно, по мере движения вперед, теряют свое значение. ИДР направлены на решение фундаментальной проблемы, о которой говорилось ранее: на формирование, отбор и реализацию крупномасштабных проектов модернизации. В этом процессе инициатива принадлежит правительству, которое следует принципам корпоративизма. Корпоративизм — это система принятия политических и экономических решений, основанных на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов — работников, работодателей, представителей гражданского общества. К корпоративистским относят широкий спектр систем — от франкистской Испании до Скандинавских стран и Австрии в послевоенные годы.

В процессе взаимодействия преодолевается взаимное недоверие, повышается вероятность успеха экономической политики. Успех (экономический рост), в свою очередь, способствует укреплению доверия, изменению гражданской культуры. Роль государства в таких системах постепенно

ИНСТИТУТЫ КОНКУРЕНТНОГО РЫНКА — ЭТО ТЕ САМЫЕ ИНСТИТУТЫ, КОТОРЫЕ УЖЕ УПОМИНАЛИСЬ: ОНИ ДОЛЖНЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА,

защиту прав собственности, низкий уровень коррупции и т.д. И, как было подчеркнуто, попытки непосредственного совершенствования этих институтов не ведут к успеху вследствие культурных и других ограничений; здесь на решающий прорыв рассчитывать нельзя. Страны, которые преуспели в догоняющем развитии, использовали институты иного типа. Восточноазиатские «тигры», послевоенная Франция, Испания в 1960-х, Ирландия в 1990-х — все они опирались на корпоративистскую систему государственного управления, на индикативное планирование, на институты, обеспечивавшие эффективное заимствование технологий. Во всех этих странах для проведения перспективной экономической политики и институциональных реформ было создано генеральное агентство развития, подчинявшееся непосредственно главе правительства; в некоторых случаях его роль играло выделенное министерство. Аналогичные институты догоняющего развития, включая генеральное агентство, существуют и в современном Китае, и в Малайзии, бурно развивающейся в последние три десятилетия.

Пьер Массе

Экономист, инженер, математик,
генеральный комиссар планирования
в правительстве Де Голля

«План выработывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана».

уменьшается, осуществляется постепенный переход к полноценной демократии. Индикативное планирование нельзя рассматривать как чисто технический элемент институциональной системы. Важная роль индикативного планирования состоит в организации диалога между государством и заинтересованными агентами.

Именно на эту функцию обращал внимание создатель первой системы индикативного планирования во Франции Пьер Массе.

ИНСТИТУТЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

Преодоление недоверия, учет патерналистских ожиданий, консолидация — на это был нацелен и ряд других институтов, характерных для стран «экономического чуда». В их числе система пожизненного найма, существовавшая в Японии и ряде других азиатских экономик и обеспечивавшая приверженность наиболее квалифицированных работников целям фирмы. Эта система противоречила идее свободной конкуренции на рынке труда, но оказалась эффективной в специфических условиях догоняющих экономик.

Другой нестандартный институт — система главного банка, преодолевшая недостаток доверия на рынке кредитов. Правительства успешных стран поддерживали низкий уровень неравенства, что также способствовало консолидации общества. Чтобы снизить возможности лоббирования, в качестве важнейшего элемента промышленной политики использовался валютный курс. Поддержание его

реального значения на достаточно низком уровне стимулировало экспортоориентированный рост. Задаче консолидации была подчинена и деятельность генеральных агентств развития.

Для достижения эффективных компромиссов в сфере экономической политики опять-таки необходим достаточно высокий уровень культуры. Иначе возникает бесконечное «перетягивание каната» между министерством экономики, министерством финансов и центральным банком. Стоит подчеркнуть, насколько общим элементом «экономических чудес» было наличие генерального агентства развития.

О ПРОГРАММЕ «ПЕРЕСТРОЙКА-3»

Естественно предполагать, что сходство промежуточных институтов, формировавшихся в успешных странах, объясняется совпадением целей и общностью технологических, институциональных и культурных ограничений, которые необходимо было учитывать и преодолевать. Если согласиться с тем, что эти ограничения во многом являются решающими и для России, то изложенный ранее анализ может быть положен в основу плана модернизации российской экономики.

Я условно называю этот план «Перестройкой-3», имея в виду, что первая перестройка у нас произошла после 1917 года, а вторая — в 1992 году. Чтобы запустить устойчивый долгосрочный экономический рост, требуется существенное изменение институтов, новая перестройка. Но, в отличие от первых двух, она не должна носить шокового характера, она может базироваться на уже достигнутом, тем более что ряд институтов, о которых шла речь раньше, у нас уже существует, пусть и в зачаточном состоянии. В частности, у нас издан ряд постановлений, касающихся системы национального планирования, на них можно опереться.

Здесь, правда, предстоит решить нетривиальную задачу: синтезировать индикативное планирование и программное бюджетирование. В процесс планирования целесообразно вовлечь региональные агентства развития и бизнес-ассоциации, чтобы обеспе-

БЫЛИ СОЗДАНЫ:

чить союз с обществом. Необходимо создать Федеральное агентство развития для координации планов и реформ. Нужно достроить национальную инновационную систему. Из хаотичного набора институтов развития, работающего безо всякой координации и подчас с неверными установками, следует сформировать эффективную систему, обеспечивающую трансфер технологий и постепенный переход к инновационному развитию.

Необходима также модернизация управления государственностью. Целесообразно разработать классификацию задач (миссий) госпредприятий. Каждому госпредприятию должна быть вменена миссия на текущий год; по завершении года должен быть представлен отчет, на основе которого принимается решение о целесообразности или нецелесообразности приватизации. Каждый акт приватизации крупного предприятия должен сопровождаться проектом-обоснованием.

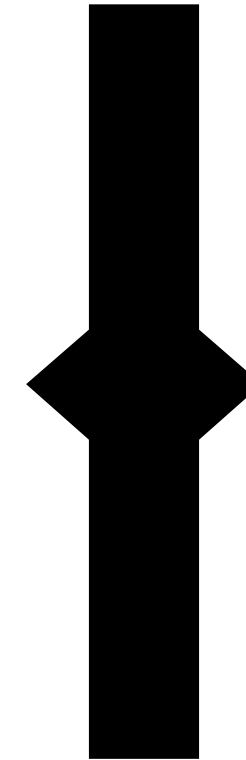
Ранее в отдельной статье я указывал ряд других направлений реформирования институтов и мер экономической политики, которые следовало бы включить в программу предстоящих реформ. В их числе формирование современного сектора науки, включающего сеть отраслевых НИИ; совершенствование человеческого капитала; сочетание частно-государственного партнерства и проектного финанси-

рования; введение прогрессивного подоходного налога; предотвращение завышенного валютного курса.

Только опираясь на систему институтов догоняющего развития, адекватную массовой культуре и удовлетворяющую существующим ограничениям, можно рассчитывать на запуск и поддержание быстрого и устойчивого экономического роста.

INSTITUTIONS OF CATCHING-UP DEVELOPMENT AND CIVIL CULTURE

Victor Polterovich
Deputy Director of the Moscow School
of Economics, M.V. Lomonosov
Moscow State University, Head of
Laboratory of the Central Institute for
Economics and Mathematics of the
Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy
of Sciences

INSTITUTIONS IMPROVEMENT PROBLEM

There is a question of how to escape the trap of stagnation. A standard recommendation is to improve institutions. This means fighting corruption, reducing the share of the shadow sector, lowering administrative barriers, achieving business transparency, strengthening the ownership rights, etc. In principle, all these goals are worthy of achieving. The trouble is that the success in achieving them depends on mass culture and informal norms. If informal norms do not support reform, any attempts to implement it through coercion and control turn out to be particularly costly.

The continuing vicissitudes of the law No. 94-FZ on public procurement or the unified state examination demonstrate how slim the chances are of improving «institutions» by copying Western mechanisms in a straightforward manner. The «institutional fashion» among the researchers tackling tasks associated with catching-up development, is now a thing of the past. The problems connected with industrial policy, identifying priorities, and stimulating export-oriented growth have come to the fore. On the other hand, the improvement of institutions as discussed above is neither necessary nor sufficient for the success of catching-up development.

Of course, one can argue that the quality of institutions is only one of the factors that influence growth. It's true. Other important factors include the existence of institutions of a different type, capable of operating with a relatively low level of mass culture.

CATCH-UP GROWTH INSTITUTIONS

To avoid mistakes in the development of strategies, it is necessary to rely on theory in the broadest sense of the word: abstract «model-based» planning, econometric studies, studies of the experience of successful countries. In each case, we face certain limitations. For example, econometric calculations allow us to formulate plausible hypotheses but not ultimate conclusions since any conclusions based on them are valid «on average» for a particular selection of objects, but not necessarily for each specific object. Moreover, since the success of catching-up development is rare, successful countries often turn out to be outliers. To answer the question of how to carry out reforms it is very important to rely on the experience of those countries. The study of this experience leads to the conclusion that a distinction should be made between competitive market institutions and catch-up growth institutions.

Let's compare, for example, the values of the rule of law indicator and the rates of economic growth for the four countries: Belarus, Ukraine, Hungary and Chile for the period 2000-2012.

By the rule of law level, Belarus is the most lagging of these countries, and Chile is the most advanced, but nevertheless the maximum growth rate can be observed in Belarus. Compared to Ukraine, if a longer period of time is chosen, the difference is absolutely fantastic: the Belarusian was four percent richer than the Ukrainian in 1994, and almost twice in 2012. Comparing the quality of institutions and the growth rates of India and China in the postwar period yields a similar conclusion.

Pierre Masset

*Economist, engineer, mathematician
General Commissioner for Planning in the
Government of De Gaulle*

«A plan is developed through concerted efforts of representatives of economic and social forces: civil servants, management (agricultural, industrial, commercial), trade unions and workers. This cooperation yields more coherent forecasts and solutions and creates a sense of unity that contributes to the fulfillment of the plan»

CUGI IN BAD INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

By initiating and supporting economic growth for some time, they accelerate the evolution of civil culture, creating conditions for improving competitive market institutions, and then gradually lose their significance. CUGI are intended for solving the fundamental task discussed above: the formation, selection and implementation of large-scale modernization projects. In this process, the initiative belongs to the government which follows the principles of corporatism. Corporatism is a system of making political and economic decisions based on the interaction of the state with organizations representing different groups of interests — workers, employers, members of civil society. A wide range of systems are considered corporatist — from the Francoist Spain to Scandinavian countries and Austria during the postwar years.

In the course of interaction mutual distrust is overcome and the likelihood of success of the economic policy increases. In turn, success (economic growth) contributes to the strengthening of trust and changes in civil culture. The role of the state in such systems is gradually decreasing, and a gradual transition to full-fledged democracy is taking place. Indicative planning cannot be regarded as a purely technical aspect of the institutional system. An important role of indicative planning is to organize a dialogue between the state and interested agents.

This function was pointed out by the creator of the first system of indicative planning in France, Pierre Masset.

ECONOMIC MIRACLE INSTITUTIONS

Overcoming mistrust, taking into account paternalistic expectations, achieving consolidation — these were the goals of a number of other institutions which were characteristic of the «economic miracle» countries. Among these goals is the system of lifelong hiring which existed in Japan and a number of other Asian economies and ensured the commitment of the most qualified employees to the firm's goals. This system was contrary to the idea of free competition in the labor market, but it turned out to be effective in the specific conditions of catching-up economies.

Another non-standard institution is the main bank system which managed to overcome the lack of trust in the credit market. Governments of successful countries maintained a low level of inequality which also contributed to social consolidation. To reduce the possibility of lobbying, the currency exchange rate was used as an important element of industrial policy. By keeping it sufficiently low it was possible to stimulate export-oriented growth. The general development agencies also dealt with the task of consolidation.

Again, to achieve effective trade-offs in the sphere of economic policy, a sufficiently high level of culture is needed. Otherwise there is an endless «tug-of-war» between the Ministry of Economy, the Ministry of Finance and the central bank. It should be emphasized that the existence of a general development agency was a common element of all the «economic miracles».

ON THE PERESTROIKA 3 PROGRAM

It is quite natural to assume that the similarity of intermediate institutions formed in successful countries is due to the similarity of goals and the commonality of technological, institutional and cultural limitations that must be taken into account and overcome. If one is to

The following agencies were established:

agree that these limitations are to a significant extent critical for Russia as well, then the above analysis can be used as a basis for a modernization plan for the Russian economy.

I tentatively call this plan «Perestroika 3», meaning that our first restructuring took place after 1917, and the second in 1992. In order to launch sustainable long-term economic growth, a significant change in institutions, i.e. a new perestroika, is required. But, unlike the first two, the third perestroika should not be a shock therapy reform, it can be based on what has already been achieved, especially since a number of the institutions mentioned above already exist, if only in an embryonic state. In particular, our government has issued a number of decrees concerning the system of national planning, which can be relied upon.

Here, however, it is necessary to solve a non-trivial task: to synthesize indicative planning and program budgeting. The regional development agencies and business associations should be involved in the planning process to operate in unison with the society. It is necessary to create a Federal Development Agency to coordinate plans and reforms. We need to complete the national innovation system. From a chaotic set of development institutions that operate without any coordination and sometimes based on wrong assumptions it is necessary to build an effective system that ensures the transfer of technology and the gradual transition to innovative development.

It is also necessary to modernize the management of state property. A classification of missions for state-owned enterprises should be developed. Each state-owned enterprise should have a mission for the current year; upon its completion, a report should be submitted, on the basis of which a decision will be made on whether or not the enterprise's privatization is appropriate. Every act of privatization of a large enterprise must be accompanied by a substantiation project.

Earlier, in a separate article, I pointed out a number of other areas of institutional reform and economic policy

measures that should be included in the program of future reforms. These include forming a modern scientific sector with a network of sectoral research centers; improving human capital; establishing a system that combines public-private partnership and project financing; introducing progressive income taxation; maintaining a stable low real ruble exchange rate.

Only by relying on a system of catch-up growth institutions that is consistent with mass culture and the existing limitations can we expect to launch and maintain a rapid and sustainable economic growth.

Competitive market institutions are institutions of the type discussed above: they must ensure effective law enforcement, protection of ownership rights, low corruption levels, etc. And, as already emphasized, attempts to directly improve these institutions do not lead to success due to cultural and other limitations; no decisive breakthroughs can be expected here. Countries that succeeded in catching-up development used institutions of a different type. East Asian “tigers”, post-war France, Spain in the 1960s, Ireland in the 1990s — all of them relied on corporatist system of state administration, indicative planning, institutions that ensured efficient technology borrowing. Each of those countries established a general development agency with direct subordination to the head of the government to pursue successful economic policy and institutional reforms; In some cases a designated ministry played that role. Similar catch-up growth institutions (CUGI), including the general agency, exist in modern China and in Malaysia, which has been developing rapidly over the past three decades.

«Вольная экономика» начинает этим материалом спецпроект «Тайная история денег», в котором мы вспомним наиболее знаковые события, связанные с деньгами, монетами, купюрами и прочими явлениями денежной политики разных государств и эпох.

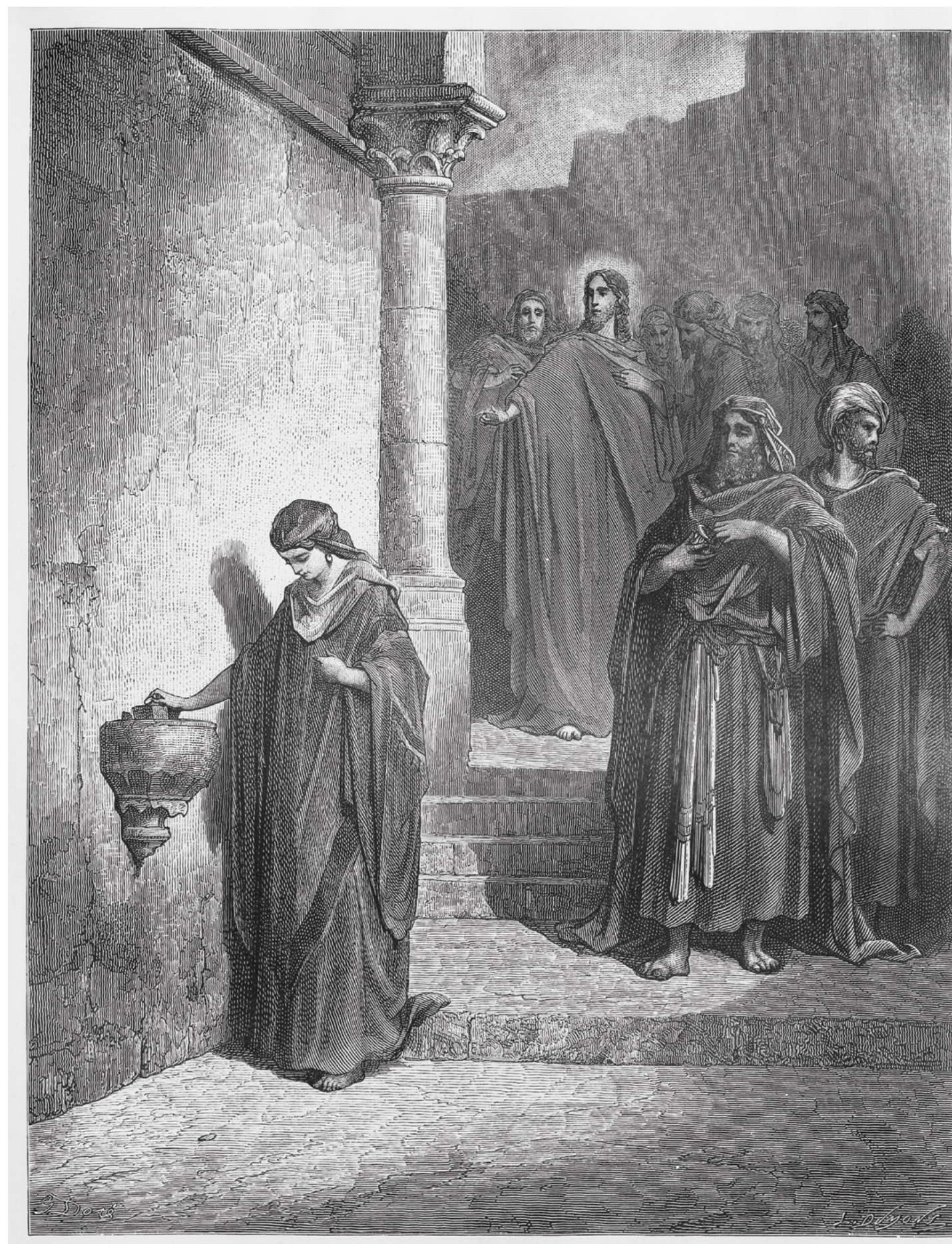
лепта ВДДОВЫ

Почему дар бедной женщины Христу вызвал возмущение иудеев. За что Иисус выгнал менял из храма. Что можно было купить на тридцать сребреников. Какую зарплату получал Пилат.

«ДВЕ ЛЕПТЫ, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ КОДРАНТ»

Христос плохо знал Храм — главную святыню и центр религиозной жизни еврейского народа — и недолюбливал это место. Однажды ученики, которые ориентировались в Иерусалиме лучше учителя, хотели обратить его внимание на красоту постройки, богатство украшений и даров.

«Видите ли все это? — сказал им Иисус. — Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне». И ничему он не хотел удивляться и радоваться, разве только бедной вдове, которая проходила мимо в эту минуту и бросила свой дар в сокровищницу храма. «Две лепты, что составляет кодрант», — уточняет евангелист Марк. И далее по Св. Марку: «Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое».

Модель иудейского храма в Иерусалиме

ДЛЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ СУЩЕСТВОВАЛИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ МОНЕТЫ — СИКЛЬ И ПОЛУСИКЛЬ — ИМИ ТОРГОВАЛИ В ХРАМЕ

Современный читатель вряд ли догадается, почему малый дар вдовы потребовал специального заступничества Иисуса. Не говорит об этом и Св. Марк. Мы-то сегодня знаем, что жертва на церковь — дело добровольное, кто сколько может — столько и дает. Но в Иерусалимском храме действовали совсем другие порядки. Лепты вдовы вызвали искреннее возмущение тех, кто присутствовал в храме. Скандал был такой же, как если бы кто-нибудь подарил на 9 Мая ветерану войны значок с портретом Гитлера.

Лепта — мелкая медная монета, 1/6 греческой драхмы. Мало того что эта сумма по номиналу раз в 12 меньше минимального размера дара в Храм, установленного Синедрионом, так на ней еще и изображено было что-то совершенно непотребное с точки зрения иудейского закона. Это могла быть голова царя, греческого или парфянского, изображение Афины Паллады с совой или просто сова без своей повелительницы. А то и раскоряченная

в неприличной позе женщина — такие лепты до сих пор хранятся в нумизматических коллекциях. Закон строго запрещал вносить в Храм изображения людей или животных, а уж бросать их в сокровищницу!

ВЕРТЕП РАЗБОЙНИКОВ

Для пожертвований существовала специальная монета — сикль и полусикль — и торговали этими монетами тут же, в священной ограде Храма. И не только монетами, здесь же расположились лавки торговцев животными для жертвоприношений. Ягнята, козлята и даже голуби — все это стадо бекало, мекало и гуляло под сводами галерей, окружавших первые два двора Храма. Вся эта суета очень раздражала Учителя. Настолько, что один раз он не смог сдержать гнева и выхватил бич из рук погонщика, пригнавшего новое стадо жертвенных агнцев.

Вот как описывает все, что произошло дальше, Жозе Сарамаго в «Евангелие от Иисуса»: «Иисус, направившись туда, где сидели менялы, сказал своим: — Вот зачем мы здесь, — и тотчас принялся крушить и переворачивать столики, расталкивая и колотя продающих и покупающих, отчего поднялся шум и грохот столь невообразимые, что безнадежно потонули бы в них слова, им произносимые, если бы по необъяснимой странности не стал голос его звучней бронзового колокола: — Дом мой есть дом молитвы, вы же обратили его в вертеп разбойничий,

— и продолжали лететь наземь столы меновщиков, рассыпались по земле столбики монет, к вящей радости иных зевак, бросившихся собрать эту манну».

ВАЛЮТНЫЙ ОБМЕН В ИЕРУСАЛИМЕ

Читателю, встречающему сегодня окошко «Обмен валют» десятки раз на дню в самых неожиданных местах, трудно понять, отчего Христос так разгневался на менял. И действительно, система валютного обращения в римских провинциях делала эту профессию жизненно необходимой. Римский денарий, греческие и парфянские драхмы, иудейский сикль, монеты уже разрушенного к тому времени Карфагена, золото, серебро, медь и бронза разных весов и достоинств, просто серебро в виде маленьких слиточков, ювелирный лом — все это буйство денег требовало внимания специалистов с весами, пробным камешком и большим опытом работы.

И беда не в том, что иногда менялы обманывали своих клиентов и отчаянно торговались при пересчете каждой лепты в ассарий (разница в цене составляла несколько копеек на сегодняшние деньги). Вина менял состояла в том, что они принимали самое непосредственное участие в сомнительной финансовой операции под названием «пополнение казны Храма».

СИКЛЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕНАРИЮ

Официальной валютой римских провинций был серебряный денарий (3,89 г), а также более мелкий сестерций (1/25 денария). Официальность его заключалась в том, что этими монетами жители провинций платили подати. Внести в иудейский храм такую монету не было никакой возможности, так как на ней изображались римские цезари и боги языческого пантеона. Поэтому местная администрация Иудеи получила, единственная из провинций, позволение чеканить собственную ритуальную монету — серебряный сикль. На нем изображалось то же самое, что и на священном сикле IV–V веков до н. э.: чаша и виноградная лоза.

Сикль был довольно крупной монетой — 14,55 грамма серебра. В описываемые нами времена сикль составлял недельную плату верному работнику. Дар в Храм, установленный еще в ветхозаветные времена, составлял «беку», или полсикля. Столько же составляла подать при переписи населения. Но вот как раз монеты в полсикля во времена императора Тиберия и не чеканились. Хочешь внести пожертвование — покупай целый сикль или приводи с собой жену и вноси от двоих. И только жену! Складчина с другими родственниками осуждалась служителями храма. Стоил сикль у менял в ограде храма 5 денари-

СИКЛЬ = ШЕНЕЛЬ
Сикль — единственная валюта, которая пережила тысячелетия и сегодня является валютой Государства Израиль. В русском языке эта валюта называется «шекель». У единственного сохранившегося фрагмента Храма — Стены Плача — сейчас тоже стоит дарохранилище, наполненная шекелями, и металлическими, и бумажными. На монетках, как и две тысячи лет назад, — чаша, виноградная кисть и ритуальный семи-свечник менора.

ев, то есть по весу серебра ровно на денарий больше, чем следовало бы. Но и это еще не все.

ЖЕРТВЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Жертвенные животные продавались в храме только на сикли. И стоил ягненок два сикля — втрое дороже, чем на базаре вне стен храма. А если учесть, что большинство прихожан имели родственников в деревне и могли получать животных и вовсе задаром, то организация храмовой торговли представлялась людям возмутительным надувательством. Правила ничего не говорили о том, что животное должно быть куплено непосредственно в храме. Но иудейский закон регламентировал некоторые требования к жертвенному животному: ягненок, козленок или теленок должен быть без единого анатомического порока, нормально упитан, без парши или коро-

сты, с чистой шкуркой под хвостом, и, как особо отмечает закон «должны быть изгнаны прочь те, кто принес жертву, у которой ятра (мужские половые железы. — Ред.) разбиты, раздавлены, оторваны или вырезаны».

Уж не знаем, как там с ятрами, но шансов пригнать своим ходом козленка из Галилеи (путешествие занимало у паломников 12 дней) без колтунов у простых иудеев не было. Служители храма браковали скот за надорванное ушко, оцарапанный бок и другие мелкие дефекты. Такое животное можно было продать за оградой храма перекупщику за денарий и купить уже снова в лавках на паперти за сикль. Жертвенные животные из «лицензированных» лавок принимались служителями храма в любом состоянии.

И наконец, самым эффективным способом пополнения казны Храма был валютный арбитраж. Цена на золото в Иерусалиме была значительно ниже, чем в Риме. 1 грамм золота в метрополии стоил

12,6 грамма серебра, а в восточных провинциях за тот же грамм золота давали 4,7 грамма серебра. Менялы у храма разменивали золотую монету (римские ауреусы или персидские дарики) на сикли, золото отправлялось в Рим, где на них покупалось слитковое серебро, из которого в Иерусалиме снова лили сикли на собственном монетном дворе. Арбитраж с 300% прибыли на одну операцию — такое не снилось валютным спекулянтам ни до, ни после Христовой эры. Вот на весь этот хорошо поставленный бизнес Иисус и посягнул.

«ОТДАВАЙТЕ КЕСАРЕВО КЕСАРЮ»

Есть и еще одна версия, объясняющая неадекватно жесткую реакцию администрации Храма на действия Христа. За два года до последнего визита Иисуса в Иерусалим фарисеи уже жаловались в метрополию на действия прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Он фактически силой заставил Синедрион оплатить из средств Храма ремонт иерусалимской канализации. Во всех провинциях деньги, собираемые в виде местных налогов, формировали бюджет провинции или города и расходовались на благоустройство. Лишь в Иерусалиме налог носил ритуальный религиозный характер и деньги поступали в полное распоряжение Синедриона. Такая ситуация не устраивала не только Пилата, но и многочисленные партии диссидентов, представители которых не только ходили по улицам древнего города за бродячими пророками, но и даже имели свое крыло в Синедрионе, среди саддукеев.

Приведем известный сюжет из Нового завета (Мар. 12–15 и далее):

— Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить его (Иисуса) в словах. И посылают к нему учеников своих с иродянами, говоря: Учитель! Мы знаем, что ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак скажи нам: как тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете меня, лицемеры? Покажите мне монету, которою платится подать. Они принесли ему денарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят ему: кесарева. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.

Многие интерпретаторы Нового завета толкуют этот сюжет буквально: Христос предлагал передать управление над казной Храма римской администрации. Очевидно, что деятельность такого опасного смутьяна требовала, по мнению фарисеев, немедленных мер пресечения. И тем более удивительно, что за поимку Иисуса была назначена такая низкая плата.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СРЕБРЕНИКИ

Тридцать сребреников — легендарная цифра, интересно, что же можно было купить за эти деньги. По Тацитту, денарий был ежедневной платой солдату во времена Тиберия. В период дороговизны за денарий можно было купить хиникс (около литра) пшеницы и три хиникса ячменя. Сребреник, а это уже хорошо знакомый нам серебряный сикль, был по содержанию серебра в четыре раза весомее денария. Так что получается, выгода Иуды состояла в паре мешков пшеницы. Трудно поверить, что Иуда, выполнявший обязанности казначея партии Христа, соблазнился столь незначительной суммой. Новый завет донес до нас историю незначительного инцидента между Учителем и Иудой, в основе которого лежала сравнимая с 30 сребрениками сумма. За неделю до Пасхи, в субботу 8 нисана, Христос достиг пригорода Иерусалима — Вифании, — где и остановился в доме у Симеона Прокаженного. Мария, прислуживавшая за столом, внесла во время обеда кувшин с благовониями и умастила ноги Христа. После чего нарочно разбила полный драгоценной жидкости сосуд, соблюдая обычай уничтожать посуду, которая служила при приеме особо почетного гостя. Комната наполнилась дивными ароматами к удовольствию всех присутствующих, кроме скупого Иуды. Казначей сразу подсчитал, сколько можно было бы выручить денег, продав благовония. Сегодня мы знаем, что стандартный 2,5-литровый кувшин мирры стоил в то время около 20 серебряных сиклей. Когда Иуда заметил Учителя, что эти деньги можно было бы положить в кассу и затем раздать бедным, Христос резко возразил: «Нищих вы всегда имеете с собой, а меня не всегда имеете».

СЕРЕБРО ПИЛАТА

Есть в истории о предательстве Христа и еще один сюжет, связанный с деньгами, только со значительно большими, чем 30 сребреников. Апокриф под названием «Деяния Пилата» утверждает (кстати, эти сведения подтверждаются и Иосифом Флавием), что за неправомерное решение по делу Христа Пилат получил от первосвященника Киафы 30 талантов серебра. Вот эта сумма заслуживает внимания. Ветхозаветный талант — 3000 сиклей, то есть около 43 килограммов серебра. Мы знаем, что годовое жалованье Пилата составляло около 3000 денариев в год, именно такую сумму он имел право удержать из собираемых податей в свою пользу. Итак, взятка римскому чиновнику составила приблизительно жалованье за четыре года.

Аппетиты Пилата следует признать очень умеренными по сравнению с нашими временами. Тем более что апокрифы утверждают: 30 талантов были истрачены прокуратором на жалованье солдатам своей когорты.

Автор: Алексей Савин

ЛЕПТА НАНУЛА В ЕВРО

Название монеты происходит от древнегреческого $\tau\rho$ (лептос — мелкий, тонкий). Эта медная или бронзовая монета вошла в употребление после Александра Великого (356–323 гг. до н. э.). В Греции нового времени лепта употреблялась с 1827 по 2002 год, когда была заменена евроцентом.

КАДРЫ ДЛЯ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ЭКОНОМИСТА

Несмотря на то что тема очередной экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России касается профессиональных стандартов подготовки экономистов для аграрной экономики России, она гораздо шире: те изменения, которые мы видим в аграрном секторе, в аграрном производстве, имеют более глубокую природу.

Речь идет в целом об изменениях характера труда, повсеместно нами наблюдаемых. Не говоря уже о росте общего профессионального уровня, необходимого для современного производства, в том числе — аграрного, мы наблюдаем многие новые аспекты трудовой деятельности: повышение мобильности работников, внедрение современных «цифровых» технологий в трудовой процесс, появление элементов дистанционности, а все это — проявление неумолимого развития научно-технологического прогресса, нового этапа развития общества, с этим связанного, с вступлением человечества в новую технологическую революцию.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
КООРДИНАЦИОННОГО КЛУБА ВЭО РОССИИ

В результате детального изучения представленного проекта, аккумулирования совокупности высказанных в ходе экспертного заседания предложений, замечаний и пожеланий экспертов-участников относительно рассматриваемого вопроса приняты следующие положения.

Проблемы в подготовке экономистов-аграрников:
● сокращение выпуска специалистов по государ-

НА ЭКСПЕРТНОЙ СЕССИИ ВЫСТУПИЛИ

Александр Петриков
Врио директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, д. э. н., профессор, академик РАН.

Валерий Кошелев
Заведующий кафедрой управления Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева, д. э. н.

Роман Голов
Член Президиума ВЭО России, директор Института менеджмента, экономики и социальных технологий Национального исследовательского университета МАИ, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д. э. н., профессор.

Павел Груднин
Директор ЗАО «Совхоз имени Ленина» Ленинского района Московской области.

Георгий Цаголов
Действительный член Сената ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной академии менеджмента и Европейской академии безопасности и конфликтологии, д. э. н.

Юрий Якутин
Вице-президент ВЭО России, председатель совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом «Экономическая газета», президент Академии менеджмента и бизнес-администрирования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор.

Андрей Городецкий
Профессор Института экономики РАН, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития», заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н.

Владимир Баутин
Профессор кафедры управления ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева, академик РАН.

Елена Худякова
Заместитель председателя Научно-методического совета по экономико-управленческой подготовке кадров для сельского, лесного и рыбного хозяйства ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева», д. э. н., профессор.

Сергей Киселев
Профессор, заведующий кафедрой агроэкономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Николай Гриценко
Действительный член Сената ВЭО России, президент Академии труда и социальных отношений, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор.

Михаил Коробейников
Действительный член Сената ВЭО России, член Совета по аграрной политике при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, действительный государственный советник РФ I класса, член-корреспондент РАН.

ственному заказу на экономических факультетах сельскохозяйственных вузов;

- лишение или приостановление госаккредитации аграрных вузов по экономическим образовательным программам по разным, зачастую недостаточным обоснованным причинам;
- закрытие кафедр по аграрной экономике или перевод дисциплины «экономика сельского хозяйства» в разряд факультативных в ведущих экономических вузах страны;
- несоответствие образовательных программ ряда аграрных вузов возрастающим требованиям работодателей и др.

ЗАЧЕМ НУЖЕН СТАНДАРТ

Первым шагом в совершенствовании аграрного экономического образования и политики в его отношении является разработка и утверждение профессионального стандарта «Экономист в сельскохозяйственном производстве».

1. Применение профессиональных стандартов в сельскохозяйственном производстве, аналогично другим отраслям, позволит четко структурировать профессиональную деятельность работника, исключив дублирование трудовых функций по должностям. При их использовании работодатели получат критерии для оценки работников с целью повышения качества и эффективности их труда за счет развития необходимых компетенций, освоения знаний и умений для реализации основных трудовых функций.

2. Профессиональные стандарты призваны служить основой для разработки основных образовательных программ вузов, что обеспечит соответствие качества образования всем необходимым требованиям современного производства. Согласно ФЭЗ № 293 «Об образовании в Российской Федерации» и ФГОС ВО 3+ +, основные образовательные программы вузов должны опираться на профессиональные стандарты в соответствующей области.

3. Между тем профессиональный стандарт по экономике сельского хозяйства до сих пор не только не утвержден, но и отрицается сама необходимость его разработки на том основании, что для подготовки экономистов-аграрников достаточно общеэкономического курса в объеме бакалавриата и изучения ряда специальных дисциплин в магистратуре.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ СТАНДАРТА

Представленный к обсуждению на экспертной сессии профессиональный стандарт «Экономист в сельскохозяйственном производстве» разработан в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» и рекомендациями Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

Стандарт включает четыре обобщенные трудовые функции: планово-экономическую деятельность структурных подразделений сельскохозяйственных организаций; осуществление планово-экономической деятельности в сельскохозяйственных организациях; координацию и руководство планово-экономической деятельностью сельскохозяйственных организаций и их объединений; координацию работ, научно-методическую и консультационную деятельность в области экономики сельского хозяйства.

Стандарт содержит описания необходимых для выполнения перечисленных функций трудовых действий, а также требования к образованию, опыту практической работы, умениям и знаниям работников.

Важно, что в разработке и экспертной оценке стандарта приняли участие представители научных организаций, руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий, союзов и ассоциаций сельхозтоваропроизводителей (Агропромышленный союз России, Российский зерновой союз, Национальный союз свиноводов, Национальный союз производителей молока). Это свидетельствует о том, что стандарт учитывает требования будущих работодателей. ■

В целом Вольное экономическое общество России поддерживает разработку и утверждение профессионального стандарта «Экономист в сельскохозяйственном производстве». Принятие данного стандарта создаст правовую базу для подготовки экономистов-аграрников, позволит аграрным вузам разрабатывать соответствующие образовательные программы с учетом современных требований работодателей и перспектив развития отрасли, создаст дополнительные условия для роста сельскохозяйственного производства и повышения его конкурентоспособности.

РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ В ВЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА XXI ВЕКА

Вольное экономическое общество (ВЭО) России, Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте совместно с Венским институтом международных экономических исследований (WIIW) организовали Международный семинар «Промышленная политика в экономике XXI века: сравнительный анализ опыта Европейского союза и России».

Семинар состоял из четырех сессий. Тональность была задана первой сессией, на которой выступил старший экономист Венского института международных экономических исследований Петер Хавлик с докладом на тему: «Взгляд со стороны на российскую промышленную политику». В своем докладе Петер Хавлик представил результаты исследований динамики российской экономики различными международными центрами и охарактеризовал основные проблемы, с которыми, на его взгляд, сталкиваются как европейские страны, так и Россия в условиях общего замедления экономического роста.

Научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг выступил с докладом на тему: «Промышленная политика в современной России: эволюция государственного подхода». Он подчеркнул, что российская экономика, несмотря на длительный стагнационный тренд, обладает потенциалом выхода на траекторию экономического развития, оптимально сочетающую свободу и справедливость. Условием такого развития, по мнению Гринберга, является активная регулирующая деятельность государства, примером чего является, в частности, Австрия. Доктор экономики, профессор Шульце сделал доклад на тему: «Промышленность 4.0 нуждается в промышленной политике: немецкая автомобильная промышленность». Докладчик подчеркнул, что немецкая автомобильная промышленность может

служить примером того, как децентрализованная, сконцентрированная преимущественно на региональном уровне, регулирующая деятельность государственных институтов помогает ускорению инновационных процессов. Примером этого является успешно реализуемая в ФРГ программа приоритетного развития электрического и гибридного автотранспорта. В широкой дискуссии по итогам каждой сессии семинара приняли участие как ученые с мировыми именами, так и молодые исследователи, представляющие образовательные и научно-исследовательские организации Австрии, России, Германии, Франции. Большой интерес участников семинара вызвала выставка работ изданий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте и Вольного экономического общества России.

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

Российскую делегацию возглавили вице-президенты ВЭО России — член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте Руслан Гринберг, исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте Александр Бузгалин, а также член правления ВЭО России, заместитель председателя Международного комитета Общества, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Бузгалин, д. э. н. В состав делегации РФ вошли также профессор Санкт-Петербургского экономического университета Елена Ткаченко, д. э. н., руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» ИЭ РАН профессор Андрей Городецкий, д. э. н., профессор Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Елена Рогова, д. э. н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Владимир Плотников, д. э. н., профессор Юго-Западного государственного университета Юлия Вертакова, ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте Наталья Яковлева.

«ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» ПОЗДРАВЛЯЕТ

Выдающиеся российские экономисты

Мы с удовольствием открываем рубрику «Экономисты — юбиляры», в которых будем поздравлять коллег, напоминая об их достижениях.

ВИКТОР НАУМОВИЧ КРАСИЛЬНИКОВ

Первый вице-президент Вольного экономического общества России, академик РАН, доктор экономики и менеджмента, профессор

«Важнейшая составляющая формулы успеха — знание, как обращаться с людьми», — говорил Теодор Рузвельт. Виктор Красильников многие годы посвятил познанию этой простой науки. Он принадлежит к породе людей, от природы наделенных организаторским талантом. Вдохновлять сотрудников, объединять их усилия, направлять творческий потенциал коллектива на решение стоящих перед организацией задач — вот те основные качества, которые отличают руководителя по призванию от руководителя по должности.

Не будет преувеличением отметить, что во многом благодаря недюжинным организаторским способностям нашего сегодняшнего юбиляра Научно-экономическое общество — НЭО СССР стало самой крупной и представительной общественной организацией в стране. С тех пор половину жизни Виктор Наумович Красильников посвятил работе в Обществе, взяв на себя львиную долю административно-хозяйствен-

ных вопросов.

«Общающийся с мудрыми будет мудр» — гласит Ветхий Завет. «Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего». В.Н. Красильников с удовольствием делится своим опытом и знаниями. Экономика — это передовая линия, где формируются в том числе и оборонеспособность страны. Здесь кадры решают все, а самый ценный капитал — это по-прежнему люди, особенно управленцы.

Имею честь от имени Президиума и Правления Вольного экономического общества России и себя лично сердечно поздравить В.Н. Красильникова с 70-летием! Мы признательны ему за тот весомый вклад, который он внес в деятельность Вольного экономического общества России. Желаем Виктору Наумовичу Красильникову успехов в его деятельности, крепкого здоровья и долгих лет жизни!

Правление ВЭО России

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЧЕРНИК

Действительный член Сената ВЭО России, президент общественной организации «Палата налоговых консультантов», академик РАН, д. э. н., профессор

Потомок рода черноморских казаков, прославивших свой род большими трудами на благо Отечества, офицеров, воевавших на Косовом поле, сын инженеров окончил Московский авиационно-технологический институт, но уже с 70-х годов занимался экономикой.

В новой России он с нуля создал налоговую инспекцию по Москве, затем работал заместителем министра по налогам и сборам, развивал налоговую систему в профильном НИИ. Дмитрий Георгиевич — автор книг «Бюджет Москвы. Взгляд сквозь столетие», «Налоги и налогообложение», «Введение в экономико-математические модели налогообложения», «Территориальное управление экономикой» и многих других.

Его полувековой безусловно честный, всегда неизменно поступательный трудовой путь от слесаря в строительном монтажном управлении треста и до высокой государственной должности заместителя министра Российской

Федерации по налогам и сборам поистине уникален и достоин восхищения.

ВЭО России благодарно за личное участие этого выдающегося экономиста в программах и мероприятиях и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество, ведь талант ученого, организатора и руководителя, профессиональный потенциал и активная гражданская позиция позволяют Дмитрию Георгиевичу вносить значительный вклад в решение задач социального-экономического развития России.

Крепкого здоровья, успехов в реализации всех намеченных планов, новых свершений, благополучия и всего самого доброго!

Правление ВЭО России

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «ВОЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»

SEARCH
ANALYSIS

ИЗМЕНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА

Деньги Китая и влияние России

НУЖНА ЛИ НАМ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ?

При таких-то запасах — экономить!

ЧТО ПОКАЗАЛ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ?

Будет известно после 12 октября

С «ХЕЛСНЕТ» — ДО 100 ЛЕТ!

Или это что-то посерьёзнее?

ЦЕПЬЮ СВЯЗАНЫ ОДНОЙ

Так ли полезен блокчейн, как его малюют

ПЕРЕДОВОЙ РЕГИОН. ПЕРЕНЯТЬ ОПЫТ ТАТАРСТАНА

Эффективные внешнеэкономические связи из глубины РФ